

Алекс НОРК

ЗАМОК У МОРЯ

Имитация Агаты Кристи

Был первый день июля.

Жаркий, безоблачный. С льющимся отовсюду солнечным светом, и воздухом без всякого ветерка.

Мы условились с Пэро встретиться в Гринпарке в половине первого пополудни, чтобы окончательно договориться о завтрашнем отъезде на морское побережье. Недели на три, а то и на месяц.

Располагая запасом времени, я шел, не спеша, с левой стороны Темзы к месту нашей встречи.

Дойдя до середины Вестминстерского моста, я невольно залюбовался тихой блестящей от солнечных лучей гладью реки, почти перламутровой.

Чуть попыхивая короткой широкой трубой, одинокий буксир, приближаясь к мосту, тащил груженую толстыми деревянными брусьями баржу. И казалось, что даже эта железная машина понимает ненужность суеты и показной деловитости, когда вокруг столько ласкового тепла и света.

Лондон, уставший за многие холодные месяцы от сырых туманов, мелких морозящих дождей, ранних сумерек, переходящих в длинную ночь и оставляющих людям лишь скудный кусочек дневного света, получил, наконец, заслуженное летнее благополучие. Уже разъехались многие студенты, школьники туристическими группками отправлялись в путешествия по Англии, Шотландии, а некоторые — дальше в Европу.

Город пустел.

И это особенно хорошо ощущалось в его деловой части — на дверях некоторых контор уже висели уведомляющие таблички об их скором закрытии на отпускные каникулы. Стало меньше машин, и в поведении клерков чувствовалась несвойственная им медлительность.

Миновав знакомые улицы, я вышел к Гринпарку и направился к его центру с фонтаном.

Эржюль уже ожидал меня и поприветствовал издали высоко поднятой шляпой, но как-то не радостно, вяло. И улыбка на его лице, когда я приблизился, не производила бодрого впечатления.

— Что-нибудь случилось? — спросил я, ощущая неладное.

— О, ничего серьезного, топ аті. В мире столько происходит всяких ужасов, что наши мелкие неприятности нужно всегда воспринимать как благо.

— Значит, все-таки что-то не так. Скажите же толком, Пэро.

— Некоторые досадные пустяки: мой зубной врач пришел к выводу, что я не отделаюсь легкими процедурами. Помимо двух дырок наверху, которые он сегодня залечил, оказался совсем плохим шестой нижний зуб. Он чуть не рассыпался под бормашиной. — Пэро дернул щекой и не удержался от болезненной гримасы. — В общем, зуб надо удалять, ставить между двумя соседними мост, а это — долгие процедуры, примерки коронок... — он махнул рукой, уже не стараясь скрыть своего огорчения. — Так все это некстати в связи с нашими планами на отдых!

— Действительно чертовски неудачно, но сколько это все потребует времени?

— Доктор сказал, что дней шесть, если начать прямо с завтрашнего дня.

— Ну и не страшно, у меня есть еще кое-какие дела в Сити, отправимся на шесть дней позже.

— Нет-нет, Дастингс! Прошу вас, не проявляйте излишней солидарности! Это просто ни к чему. Поезжайте вперед, присмотрите нам подходящее местечко. Вам ведь, в действительности, совершенно нечего сейчас в Лондоне делать. Будете только постоянно спрашивать, как у меня идут дела, и выказывать сочувствие, в котором я совершенно не нуждаюсь!

Он вскинул голову, гордо поддернув строгий накрахмаленный воротничок, и посмотрел на меня взглядом бесстрашного, готового к битве воина. Получилось вполне натурально, но я то знал тому истинную цену: этот маленький человек храбро воевал два года во французской армии против не менее храбрых солдат Кайзера Вильгельма, потом, работая простым полицейским инспектором, не раз вступал в смертельную борьбу в ночных переулках и притонах Брюсселя и Антверпена, но в кабинет дантиста предпочитал входить без свидетелей, не уверенный в том, что сможет вполне успешно овладеть возникающими внутри паническими чувствами.

— Ну что ж, Пэро, извольте. Тогда я завтра же и отправлюсь утренним поездом. А через несколько дней, когда окончательно определюсь с местом нашего проживания, протелеграфирую вам.

— Вот и отлично, топ аті, вот и отлично! Знаете, меня беспокоит еще одна мелочь. Говорят, что после установки зубных протезов — всяких там коронок и мостов — у людей может измениться дикция. Появляются свистящие звуки и еще какие-то гадости, а?

— Мало ли что говорят. Не волнуйтесь, у вас же отличный доктор.

— Так-то оно так ... Значит, вы выезжаете завтра в Саутпорт на Ирландское море?

— Ну-да, как мы и хотели.
— Я слышал, что там прекрасные рыбные места?
— Да, в особенности в это время года: много сельди, анчоусов.
— Очень хочется почувствовать запах моря, мой друг! — к моей радости, неожиданно взбодрился он. — В особенности запах водорослей, выброшенных на берег и высыхающих под жарким солнцем. Знаете, это запах моего детства. Моя бабушка жила на побережье, и мальчиком я выезжал к ней на лето. Вы никогда не обращали внимания, Дастингс, что очень далекие годы по их ощущению бывают гораздо ближе вчерашнего дня? И даже жутковато от этого делается.
Я не без грусти кивнул головой.
— И еще один запах того времени мне вспоминается.
— Какой?
— Поджаренной на оливковом масле камбалы. М-мм! Дастингс, с тушеной морковью и мелкопорезанным луком. Вы никогда не ели?
— Кажется нет, но думаю, что в Ирландском море и камбалы хватает. Постараюсь устроить что-нибудь такое к вашему приезду.
— Надо чтобы камбала была крупной, около полуметра, и абсолютно свежей, а не той мороженой дрянью, что кусками лежит на прилавках рыбных магазинов.
— Хорошо, я учту.
— Ну, — Пэро подал мне обычным своим изящным жестом руку, — идите собираться. До скорой встречи, и жду от вас телеграммы.

* * *

Ровно в восемь утра следующего дня мой поезд тронулся с Юстонского вокзала.
Саутпорт был его предпоследним местом следования. Маршрут заканчивался в Престоне, известном каждому англичанину по исторической битве, где в 1648 году войска Кромвеля нанесли решающее поражение роялистам и союзным им шотландским кланам. И видимо, туда направлялась шумная орава школьников двенадцати-тринадцати лет, энергично занимавшая места, к счастью в соседнем, а не в моем вагоне.
Кроме меня в купе поместились еще две пожилые дамы, скоро задремавшие от постукивания колес и легкого покачивания вагона.
Дорога до Саутпорта занимала около шести с лишним часов.
Уже к половине пути я прочитал все утренние газеты и начал лениво глазеть в окно на привычные пейзажи средней Англии.
Приближался какой-то довольно крупный город. По-видимому — Лестер. Ну да, значит, можно будет прогуляться по перрону. В дороге мне никогда не хотелось есть, но все-таки наверно стоит взять сэндвич и выпить пива в станционном буфете... или чаю и рюмку ликера.
Пока я раздумывал на эту тему, старушки ожили, начали поправлять прически и, судя по всему, готовились закончить свое путешествие.
Вскоре поезд остановился.
Я помог пожилым дамам вынести их саквояжи на перрон и, имея еще более пятнадцати минут в запасе, отправился к буфету. Там же у входа я приобрел местную газету, чтобы хоть чем-то занять дальнейшее время в поезде.
Из окна буфета был хорошо виден перрон и очень небольшое число людей садившихся в вагоны. Я тут же подумал, что вероятнее всего оставшуюся часть путешествия проведу в купе один, что, как бы там ни было, всегда приятней случайной компании.
Однако мои надежды не оправдались. Открыв дверь купе, я обнаружил там молодого человека, вальяжно расположившегося на местах моих бывших попутчиц. Мы кивнули друг другу. Я сел на свое место напротив и невольно сразу же обратил внимание на своего vis-a-vi. Точнее, на его одежду.
Такое встречаешь не каждый день. Одет он был не просто модно, а с той дорогой и подчеркнутой изысканностью, которую можно увидеть разве лишь на фотографиях в богатых иллюстрированных журналах. Даже для самого описания его наряда понадобились бы названия специальных и малоизвестных мне материй и красок. Его гладкий, не оставляющий складок костюм не был ни белым, ни желтым, а чем-то очень приятно средним. Под ним переливалась фиолетовая рубашка с расстегнутым отложным воротником. Тут же на полке лежала светлая шляпа с немного загнутыми как у ковбоев краями и с широкой в точный цвет с рубашкой фиолетовой лентой. Такой же платочек острым треугольником торчал из кармана его пиджака.
Хотя в моем собственном гардеробе все было в порядке, я почему-то почувствовал легкое беспокойство, ощупал рукой узел галстука и неизвестно зачем посмотрел на брюки.
Но впрочем, какое мне дело до незнакомого денди.
Я вытянул из кармана только что купленную местную газету и, разворачивая ее, машинально еще раз взглянул на шикарного соседа. На вид ему было никак не более тридцати. Лет двадцать семь — двадцать восемь, наверное.

Темные чуть волнистые волосы. Не очень длинные, лишь слегка находящиеся на ушах. Открытый лоб. Лицо приятное, хотя, пожалуй, ничем особенным не примечательное. Нос правильный, прямой. И волевой с небольшим углублением подбородок. Лицо — скорее с оттенком благородства, чем красоты. Вот только немного странные глаза. Светло-серые, очень внимательные. Будто сразу схватывающие то, на чем остановились.

Я развернул газету, по своему обыкновению посередине, и начал читать, а, вернее сказать, перепрыгивая через строчки, просматривать сообщения о деловой жизни оставшегося позади Лестера, не имевшие для меня, по правде говоря, почти никакого интереса. Затем, чуть внимательней, я проглядел местные полицейские хроники. Потом, перевернув страницу, перешел на культурную и светскую жизнь.

Я увидел несколько больших фотографий и сообщения к ним. На одном из снимков какая-то бракосочетающаяся пара, на другом ... я непроизвольно взглянул на своего соседа, а потом снова на фотографию.

Несомненно, одно и то же лицо!

«Я не ищу быстрого успеха в высшем свете, — значилось в начале текста под фотографией. — Люди должны быть красивыми везде: в Лондоне, в Лестере и других провинциальных городах, и даже в простом рыбацьем поселке. Служить этому отпущенным мне богом талантом — главная цель моей жизни».

«Хорошие слова», — подумал я. Дальше шел короткий рассказ об успешном дебюте молодого лондонского модельера, несомненно талантливого, и тепло принятого местной публикой. И имя — «Джеральд Холборн». Но самое удивительное было дальше. Мистер Холборн оказался никем иным, как наследным пэром, сыном лорда Джона Холборна, то есть прямым потомком едва ли не самого влиятельного в средневековье ланкаширского рода, и прежде всего тех мест вокруг Саутпорта, куда я сейчас направлялся. Я не смог не взглянуть на молодого человека еще раз и сразу встретился с его внимательными и слегка улыбающимися глазами.

— Судя по газете в ваших руках, мне нет надобности вам представляться, — произнес он мягким доброжелательным тоном.

— Капитан Дастингс, — тут же представился я, — в отставке. Еду отдыхать в ваши родные места. Вы тоже возвращаетесь домой?

— Строго говоря, мой дом в Лондоне. В замке под Саутпортом живет отец и еще кое-кто из родни. Конечно, это и мой наследственный замок, но я бываю там урывками, недолго. Слишком много работы в Лондоне. — Он слегка шевельнул бровями. — В нашем деле, знаете, иногда опасно потерять даже лишнюю неделю. Мода ведь очень капризна и переменчива. И конкурентов тьма. Особенно таких как я, только пробивающих себе дорогу.

— Однако же ваше имя, связи ... — начал было я, но мой собеседник тут же меня вполне учтиво прервал.

— Совсем наоборот, — он грустно качнул головой, — аристократы не любят, когда на социальной лестнице возникает беспорядок. И очень не любят перебежчиков. Все должно, согласно их представлениям, стоять на своих местах. Художники, артисты или модельеры могут пользоваться там большой популярностью. Но с ними ищут лишь модного знакомства. Как, например, и с призовыми жокеями и даже с выигравшими скачки лошадьми. Все они, в конечном счете, нужны только для того, чтобы снисходительно потрепать их по холке.

Сказано было остроумно и без всякой рисовки. Я искренне рассмеялся.

— Так вы, аристократ, что же, не любите аристократию?

— Нет, нельзя сказать, что не люблю. Просто и с моей точки зрения все должно стоять на своих местах. Только соотнося личным достоинствам и общей человеческой пользе.

И опять мне понравился убедительный лаконизм его мыслей.

— А вы, стало быть, едете отдыхать в наши места? — спросил он. — Куда же именно?

— Пока точно не знаю. Наверно на окраине Саутпорта можно снять пару комнат для меня и моего друга. Он скоро должен присоединиться.

Мистер Холборн сморщил лоб и сомнительно качнул головой.

— Снять комнаты конечно не проблема. Но, видите ли, за последние несколько лет Саутпорт сильно изменился. Промышленность очень быстро растет. Раньше там были лишь ткацкие фабрики, да заводик рыбных консервов. Теперь развернули широкий комплекс электромеханических предприятий, еще что-то такое строят. В гавани стало больше торговых судов. Понаехало много разношерстного народа: ирландцы, иностранные моряки слоняются, ну и тому подобная публика. Вы не подумайте, что я имею что-нибудь против этих простых людей. Наоборот, слава богу, что больше рабочих мест становится и люди трудятся. Но этого всего ведь и в столице достаточно. А для отдыха нужен покой. К тому же, как бы ни старались городские власти, вода в непосредственной близости от города уже не такая чистая.

— Огорчительно! — я почувствовал откровенную растерянность, в особенности при мысли о радужных ожиданиях, в которых пребывает оставшийся в Лондоне Пэро. — Совсем непредвиденная ситуация для меня — я ведь исходил из впечатлений шестилетней давности.

— Шесть лет назад все было совсем по-другому. Да вы не расстраивайтесь, мы эту задачу решим. Наш замок в двух милях от города, а рядом, в полумиле, — небольшая деревушка. Местные жители ловят рыбу, другие — работают на птицефабрике, поставляют яйца и мясо в город. Там есть хорошие просторные дома, где проживают пожилые или совсем одинокие люди. Они вам и комнаты сдадут, и еду будут готовить за небольшую плату. Природа вокруг первозданная, пляжи пустынные.

— Благодарю вас, это прекрасный выход из положения. Две мили от города вы говорите? Наверно я смогу взять на вокзале такси?

— В этом не будет необходимости. За мной приедет машина и я вас подброшу до места. К тому же, мой дядя Мэтью знает там каждую собаку и сам подберет вам подходящее пристанище.

— Ей-богу не знаю, как вас благодарить! Без вашей помощи я понаделал бы, конечно, массу глупостей. И мог бы испортить отпуск и себе, и своему другу.

— Пустяки, не стоит никаких благодарностей.

Мы еще какое-то время поговорили о разных мелочах, последних событиях и сплетнях лондонской жизни. Потом мой новый знакомый извинился за то, что не сможет долее продолжать беседу, поскольку хочет немного поработать.

Он извлек из бокового отсека своего саквояжа широкоформатный блокнот, в каких обычно художники делают наброски, и несколько разной толщины грифельных карандашей. Я тоже занялся кое-какой работой — надо было написать пару деловых писем в Европу, и я принялся составлять их черновики.

Задумываясь над очередной фразой, я иногда поглядывал на своего соседа. Он придерживал блокнот в полувертикальном положении, упирая его нижний конец в колени. Я, разумеется, не пытался туда заглянуть, но трудно было не заметить чисто профессиональную легкость в движениях моего нового молодого знакомого и ту внутреннюю сосредоточенность, с которой он работал. Очередной зарисованный силуэтами лист переворачивался и начинался новый, часто он останавливался и задумывался, иногда недовольно постукивая концом толстого грифельного карандаша по подбородку. После каждой такой паузы мистер Холборн начинал с новой энергией обрабатывать лист бумаги, иногда заменяя грифельные карандаши, по-видимому, чтобы варьировать толщину линий и задавать оттенки. Часто, сравнивая новое с уже сделанным, он отлистывал блокнот назад. Было ясно, что, погрузившись в свою работу, он не следит за временем и тем, что происходит вокруг.

Продолжалось так почти два часа, и по моим соображениям поезд уже приближался к месту своего назначения.

Я посмотрел на часы — оставалось что-то около двадцати минут. И в этот как раз момент Джеральд Холборн захлопнул блокнот.

— Немного устал, — улыбнувшись, сообщил он и взглянул в окно. — А, мы кажется уже и подъезжаем.

Город действительно разросся и удивил меня долгими пригородами и большим числом хорошо видных издали дымящих заводских труб.

Наконец, поезд медленно въехал под крытый навес вокзальных перронов, а еще через несколько минут мы, разминая ноги, не спеша входили в зал ожидания.

— Джеральд!

Посередине зала, приветственно подняв вверх обе руки, стоял средних лет мужчина. Крепкий, с коротко остриженной почти круглой головой. Одет он был по-летнему легко: светло-серые парусиновые брюки, белая рубашка с короткими рукавами, легкие ботинки-полусандалии на ногах — типичный отдыхающий на небогатом курорте клерк.

— Джеральд, мой мальчик! — он уже стоял рядом и энергично обнимал молодого человека. — Как твои успехи, дорогой?

— Очень неплохо дядя, но сначала скажи — как отец?

— Ничуть не хуже обычного. Доктор им вполне доволен. Ну, что же, пойдем к автомобилю.

— Сейчас. Прежде познакомься, пожалуйста, с капитаном Дасти́нгсом. Он прибыл в наши края на отдых и нам надо помочь ему устроиться.

— Нет ничего проще. Очень рад познакомиться. — Он протянул мне руку. — Мэтью Уиттон. Только я думаю, — он посмотрел на племянника, — в самом Саутпорте ему останавливаться вряд ли стоит.

— Да, я уже сказал мистеру Дасти́нгсу об этом. Ты ведь сумеешь устроить его в деревне поблизости от нас.

— Вне всякого сомнения. Пойдемте же к машине.

Он схватил оба наши саквояжа и быстрым шагом направился к выходу.

— Ну зачем же, позвольте я сам... — смущенный такой любезностью начал я, но Джеральд сделал предупреждающий жест:

— Пожалуйста, не беспокойтесь. Дядюшка силен как бык. Постоянно упражняется гирями, непосильными для нормального человека, и все равно не знает, куда девать излишки энергии.

— Ха-ха, тебе бы тоже не мешало побольше заниматься спортом, — полуоборотясь на его слова, проговорил мистер Уиттон. — Ну, пойдёмте же, пойдёмте.

Мне, для лучшего обзора местности, во время поездки предложили переднее сиденье рядом с Мэтью Уиттоном, который уселся за руль. Это позволило внимательней его рассмотреть.

На вид ему было лет около пятидесяти, но вряд ли больше. Нельзя сказать, что он производил впечатление силача — у него не было того показного рельефа мышц, которым козыряют фанаты в спортивных журналах или на шоу-конкурсах. В лексике простых, в особенности деревенских людей, есть слово «литой». Оно, на мой взгляд, очень подходило к тугой внутренней природной силе, которая порой превосходит искусственно накаченные мышцы. Мне встречались подобные люди, и очень похоже, именно к ним относился и Мэтью Уиттон.

Автомобиль с открытым верхом приятно продувался ветерком, и очень кстати — шел третий час дня и высоко стоящее солнце было жарким.

— Наверно, вода уже теплая и купальный сезон открылся? — спросил я у мистера Уиттона.

— Дядюшка Мэтью купается в любой воде, даже под Рождество, — ответил с заднего сиденья Джеральд Холборн.

— Не преувеличивай, пожалуйста, — улыбаясь, ответил тот. — А что касается воды, сегодня утром она была около восемнадцати градусов по Цельсию, и при такой жаркой погоде уже через неделю будет не менее двадцати.

Мы выскочили на окраину города, а еще через минуту покатали по широкой плотно уложенной гравием дороге. Справа от нас в разрядку виднелись крестьянские домики с подсобными постройками, слева — ярдов около трехсот — простиралась открытая местность, поросшая густой травой и редкими мелкими березками, а дальше виднелись громадные просторы моря, с густеющей к горизонту синевой. Берег здесь был чуть каменистым, приподнятым, и кромка воды оставалась вне поля зрения. Это создавало ощущение двух прекрасных соседствующих друг с другом природных миров. Воздух имел совершенно особенный запах, смешав в себе аромат сочных разогретых солнцем трав с легким, солоновато-йодистым запахом моря.

Словно угадав мои ощущения, Мэтью Уиттон довольно проговорил:

— Хорошо тут у нас.

Каким-то приятным спокойным добродушием веяло от этого крепкого человека.

— А дальше природа еще лучше, — добавил с заднего сиденья Джеральд. — Сразу за нашим замком и той деревенькой, где вы остановитесь, начинаются дубовые леса. Шикарные, на много миль в глубину. Там есть деревья, которые древнее нашего рода. Кто-то правильно сказал, что они выросли на крови: здесь шли бои Кромвеля с роялистами и шотландцами. А еще раньше в этих местах были частые кровавые стычки между Ланкастерами и Йорками — алой и белой розами.

— А за кого в той войне выступал ваш род?

— Ха-ха, стыдно сознаться — и за тех, и за других. Поэтому дядюшка Мэтью с одинаковой любовью рассаживает перед замком и белые, и алые розы.

— Джеральд, мой мальчик, не стоит смеяться над всем подряд, — слегка поморщившись, произнес Уиттон. Но и этот его маленький протест прозвучал мягко и снисходительно. — Знаешь к кому нам, по-моему, лучше всего поместить мистера Дастингса? К старикам Роббинсам.

— Правильно! Как я сам об этом не подумал. У них отличный дом, и люди они для нас близкие. Старый Роббинс еще занимается рыбной ловлей, — сообщил молодой человек, уже обращаясь ко мне, — а его жена отлично готовит. К тому же, у них неплохое хозяйство, да, дядя?

Мистер Уиттон кивнул:

— Прекрасная корова, овцы. Роббинс отличный рыбак и к вашему столу всегда будет подаваться разнообразная свежая рыба. Жить будете, как у Христа за пазухой.

Впереди, слева от дороги, показался красивый и, судя по всему, недавно выстроенный коттедж. Не из дешевых, и совсем не деревенского типа.

— М-мм? — не поворачиваясь к племяннику, вопросительно протянул Уиттон.

— Да, останови, пожалуйста.

Тот затормозил и два раза громко нажал на клаксон.

С полминуты мы тихо стояли на дороге, потом дверь открылась и на крыльце показалась девушка. В легком, облегающем тонкую фигуру, светло-зеленом платье. Темные почти черные волосы были пострижены строгим каре с небольшой плотной челкой по верху высокого лба. Эта не очень обычная, характерная, пожалуй, для старых портретов английской аристократии прическа подчеркивала ее изящную шею и тонкие прямые плечи.

Она быстро пошла к нам по дорожке садика, а мистер Холборн уже вышел из машины и стоял у калитки.

— Здравствуйте, Джеральд! Очень рада вас видеть. Здравствуйте, господа.

Меня поразила улыбка, обнажившая на очень короткое мгновение ее зубы, ровные замечательно белые.

Мэтью приветственно махнул ей рукой как старой знакомой, а я привстал и несколько неловко поклонился из-за мешавшего мне автомобильного сиденья.

— Вы действительно рады меня видеть, Бета? — спросил Джеральд.

Она мило улыбнулась и кивнула в ответ головой.

— Тогда надеюсь, что вы посетите нас сегодня в замке вместе с мистером Бакли?

Она опять очень мило и изящно кивнула:

— Я постараюсь, хотя папа ведь может задержаться, вы знаете, как он работает.

Они обменялись еще несколькими словами и, попрощавшись, мы двинулись дальше.

Почти сразу слева, с морской стороны, обозначился замок. Точнее, его верхняя часть в виде конических окончаний боковых башен и красной черепичной крыши центрального здания между ними. От основной дороги к замку шла боковая, поуже, но не из гравия, а мощенная старым плотно уложенным камнем.

— Мы проскочим мимо и завезем вас сразу к Роббинсам, — сообщил Мэтью. — Это еще несколько сотен ярдов, и справа начнется та самая деревенька.

* * *

Деревня оказалась совсем не маленькой — домов шестьдесят по меньшей мере. С приличным магазином в центре и пабом для пивного времяпрепровождения местной публики. В глубине, за последним рядом домов, просматривалась длинная современного стиля индустриальная постройка, с какой-то техникой, трубами и прочими полагающимися и непонятными для обыкновенных людей приспособлениями. Из этого я правильно вывел, что вижу местную птицефабрику.

Дома жителей производили впечатление старых и добротных построек, выглядели крепкими, ухоженными, почти все — в два этажа.

— Совсем неплохая деревенька, — сказал я, — если ее вообще следует так именовать.

— Держится на птицефабрике в основном. Раньше была рыбацкой, но теперь этим меньше занимаются. Роббинс, как раз еще из тех старых рыбаков. Вон его дом. А сами вы любите рыбную ловлю?

— Очень, и занимаюсь этим при первой возможности.

— Ну, значит, он будет к вам вдвойне расположен, — проговорил с заднего сиденья Джеральд Холборн. — Сегодня вам надо будет пообыкнуться здесь, отдохнуть с дороги. А завтра уж будьте любезны к нам в пять часов к чаю. А лучше — пораньше, посмотрите замок.

— Честное слово не знаю, как вас благодарить за вашу любезность.

— Никак не надо, но вот если вы время от времени сможете сыграть партию в шахматы с моим папашей, дядюшка Мэтью будет вам по гроб жизни благодарен. Он шахматы терпеть не может, и в то же время вынужден быть единственным партнером моего больного отца. Так что, если вы сможете его менять через день-другой...

— Перестань насмешничать, Джеральд. А вон и старый Роббинс.

Машина остановилась у невысокой изгороди. И завидев нас, к калитке двинулся загорелый, с небольшой стриженной бородкой пожилой, но с виду еще очень крепкий, человек.

Приветственно сняв с головы легкую парусиновую шляпу, он обратился в первую очередь к Джеральду:

— Здравствуй, сэр! Моей старухи нет дома, будет огорчена, что не увидела вас.

— Я еще наведаюсь сюда. А сейчас мы хотели бы устроить у вас капитана Дастингса в качестве постояльца.

— Точнее, двух постояльцев, — добавил я. — Через неделю приедет мой друг.

— У вас ведь много места Роббинс? — сказал Мэтью. — А об условиях, я думаю, вы легко договоритесь и без нас.

— Какие проблемы, мистер Уиттон, наверху две отличные свободные комнаты. Мебель простая, но удобная. Я ведь держу все это, вы знаете, для дочери и внуков. А они не приезжают сюда из своей Канады. Позвольте ваши вещи, мистер Дастингс. Моя старуха отлично готовит, у нас тут все свое-недорогое. Я думаю, вы будете довольны.

Уиттон и Холборн, исчерпав свою миссию, вежливо попрощались и, напомнив, что ждут меня завтра, покатали к себе.

* * *

Комнаты, действительно, оказались очень хорошими. Просторными, с удобными кроватями и небольшими, пригодными и для работы и для простого сидения столиками. В каждой — небольшой шкаф, вполне вместительный для привезенного мной гардероба.

«Пэро несомненно будет доволен», — подумал я.

И укрепился в этой мысли, когда появившаяся вскоре миссис Роббинс стала долго и с удовольствием рассуждать об обедах и ужинах, которые, слава богу, у них в деревне есть из чего готовить. Меня даже несколько насторожили ее гастрономические проекты. Ни мне, ни, в особенности, Пэро лишний вес не был нужен. Вскоре, впрочем, инициатива перешла к мистеру Роббинсу с его рыбной ловлей.

— Я, знаете, люблю выходить в море почаще, — слегка пощипывая свою жесткую полуседую бородку, сообщил он. — Сейчас рыба только начинает двигаться к нашим берегам. Сельдь. А главное будет потом — пойдут анчоусы. В хорошие дни я вылавливаю их на продажу столько, что молодому парню надо две недели трудиться за такие деньги в городе. Надо, конечно, знать места и еще очень многое. Сейчас я выхожу в море просто посмотреть, попробовать сети. Да все равно попадается что-нибудь для себя, и хозяин местного паба с удовольствием берет добычу у таких рыбаков как я. Коптят, жарят. Приятная закуска к хорошему пиву.

— А завтра вы собираетесь в море?

— Да, но не очень рано. Часов после восьми. Сельдь, которая сейчас собирается у нашего берега, идет поверху. Ей нравится солнце. Она сейчас игрива, собирается в крупные косяки. Только, — он сметливо взглянул на меня, — если пойдете со мной, я дам вам брезентовый бушлат и такие же штаны. А то вы, хе-хе, так пропахнете, что сможете испортить своим визитом весь замок.

* * *

Та часть берега, куда мы на следующее утро вышли со стариком Роббинсом, была в незначительном отдалении от замка, ярдах что-нибудь в двухстах. Здесь, вытянутые на прибрежную гальку, лежали с десятка два рыбацких лодок и баркасов.

Пока Роббинс готовил один из них, я огляделся вокруг. В стороне от нас килем вверх, подальше от береговой кромки, покоилась большая старая лодка, видимо, уже отслужившая положенный ей трудовой срок, однако мое внимание привлекла совсем свежая надпись на корпусе: «Спаситель». Необычное название.

Старый рыбак заметил мое удивление, но сначала кивнул, предлагая грузиться и отплывать от берега. Мы легко столкнули баркас по мелкой гальке в воду и перекинулись внутрь — Роббинс на весла, а я на заднее кормовое сиденье.

Мой хозяин сделал несколько гребков, потом, взглянув на старую лодку на берегу, заговорил:

— Это я регулярно подновляю надпись. Редкое название, да? Но вполне заслуженное. В конце октября будет уже двадцать два года, как сэр Джон Холборн подарил эту лодку моему старшему брату, ныне уже покойному.

— А почему, все-таки, «Спаситель»? — поинтересовался я.

— Вот в этом-то вся штука. А было это, как я уже сказал, двадцать два года назад. В октябре. Основной рыбный промысел к тому времени уже закончился. Но шторма еще не наступили. И наловить что-нибудь для хорошего ужина можно было без всякого труда. Маленький Джеральд очень любил рыбачить, ну они и отправились в лодке все втроем: его отец — сэр Джон, Мэтью и мальчик.

Он посмотрел через плечо в открытое море и чуть отрулил в сторону замка, а потом, неспешно продолжая гребки, продолжил:

— Вот точно также мой покойный старший брат двадцать два года назад вышел в море. Был, правда, я сказал, октябрь, отлов прошел, и он вышел в море просто, чтобы опробовать новую сеть. Судьба так распорядилась, что сделал он это без особой нужды и в то самое время, когда несчастные Холборны отправились покататься.

Мы уже порядочно отплыли от берега, и только сейчас я обратил внимание на то, как выглядит замок с моря. Это было и неожиданно, и необычно. Со стороны моря замок являл собой крепость на краю обрывистых скал. Взору открывалась высокая суровая стена со средневековыми бойницами и длинной прорезанной узкими щелями галереей наверху, откуда воины могли легко вести стрельбу из алебард, мушкетов или легких пушек, в зависимости от технических средств своего времени. Стена была сложена из грубого булыжника, вероятно с тем секретом скрепляющего камень раствора, до которого ученым так и не удастся до сих пор докопаться.

— В тринадцатом веке сработано, — с уважением кивая на это суровое воинственное сооружение проговорил Роббинс. — Только не думайте, что весь замок такой. То есть в далекие времена оно так и было, но передняя часть замка переделана под красивую английскую усадьбу лет двести назад. Вы не видели? Вам понравится. А какие замечательные розовые клумбы перед входом устроил мистер Мэтью.

— Вы рассказывали о какой-то истории с Холборнами и вашим братом, — напомнил я.

— Да. Так вот... когда господа отплыли от берега ярдов на четыреста, лодка неожиданно дала сильную течь. Вода стала вдруг заливать днище. Опытный рыбак, наверно, сумел бы что-нибудь придумать — попробовать заложить щель тряпьем, прижать это чем-нибудь и приналечь на весла к берегу. Но сэр Джон Холборн вообще беспомощный человек, а мистер Мэтью — ловкий и закаленный, но человек не морской... ну и маленький мальчик с ними. Страх хуже смерти, мистер Дастингс.

Особенно на море... Растерялись, попробовали вычерпывать воду, да бестолку — она прибывала. Мистер Мэтью рассказывал потом, что начал изо всех сил грести к берегу, а лодка уже погружалась и не шла. Сэр Джон был слабым помощником и больше успокаивал Джеральда, чем вычерпывал воду. А до берега было порядочно. Вода в это время у нас — семь-восемь градусов. Едва ли даже очень сильный мужчина доберется вот так до берега вплавь, а тем более мальчик... И тут, маленький Джеральд закричал: «Лодка, лодка!». Это был мой брат. Он как раз выезжал так, как вот мы сейчас с вами. Большое счастье, мистер Дастингс — такое совпадение.

— Так значит, та лодка «Спаситель»...

— Названа в честь этого события. Ее сэр Джон подарил в благодарность моему брату, и он долго на ней рыбачил. Теперь эта старая посуда не может плавать, но я берегу ее как память.

Старый рыбак задумчиво покачал головой и вдруг, резко повернув голову в сторону открытого моря, быстро проговорил:

— Взгляните-ка скорее — там, ярдах в пятидесяти от нас — золотистые блики на волнах, как будто движутся.

Я пригляделся:

— Точно, именно так, как вы сказали.

— Тогда попрошу вас быстро на весла. Это стайка анчоусов. Небольшая, но дело верное. Если мы не замешкаемся, кое-что нам достанется. Гребите вдоль волны наперерез... нет, еще левее. Вот так!

Он с поразительной ловкостью стал выбрасывать за борт сети, иногда чуть задерживаясь, следя за рыбьем косяком, который я не имел возможности наблюдать, потому что изо всех сил налегал на весла.

Улов оказался совсем непустяковым и заставил нас изрядно потрудиться.

Анчоусы — деликатесная рыба. Роббинс аккуратно выбирал сети и просил меня раскладывать рыбу по трем ящикам в зависимости от размера. Всего вышло фунтов около шестидесяти, и старый рыбак не скрывал радости от неожиданной удачи.

— Настоящая рыба пойдет не раньше, чем через неделю, — сообщил он, — да и тогда такой улов считался бы очень хорошим. Ей-богу, есть повод посидеть сегодня вечером в пабе. Вы не окажете мне компанию, мистер Дастингс? Ах, да, вы же приглашены в замок. Тогда попрошу вас прихватить несколько фунтов анчоусов в подарок от меня Холборнам.

Мы, не напрягая себя, поплыли назад к берегу.

Я снова стал с интересом разглядывать старую стену замка с башнями по бокам. В этом месте береговая полоса прерывалась и волны бились об отвесный гранит, однако я заметил узкие очень крутые ступеньки. Они были прорублены в скале под башнями с левой и с правой стороны. Так что любой идущий вдоль берега путник мог не обходить замок с суши, а, поднявшись по этим ступенькам, пройти вдоль стены по узкой скалистой кромке, и снова спуститься с другой ее стороны.

Непонятно откуда ко мне вдруг явилась мысль, что сделать это можно совсем незаметно.

* * *

Темно-коричневый фасад замка действительно больше всего походил на богатую усадьбу восемнадцатого века. И сразу в глаза мне бросились расположенная напротив главного входа роскошная розовая клумба. Цветы распадалась на два concentрических круга. Внешний круг состоял из застенчиво-изящных алых роз и окаймлял внутреннюю клумбу из необыкновенно красивых, более крупных, белых. Безукоризненно белых. Цветы, несомненно, относились к очень дорогим отборным сортам и были прекрасно ухожены.

Полюбовавшись на чудное создание природы и человеческих рук, я подошел к полукруглому в три плоских ступеньки крыльцу замка. В руках у меня была небольшая, прикрытая сверху папоротником, корзинка с анчоусами — подарок от Роббинсов.

Я уже собрался потянуть за шнурок дверного колокольчика, когда дверь сама передо мной открылась и на пороге появился дворецкий. Лет сорока пяти, высокий, крепкий, и с той небольшой сутулостью, которая часто выдает силу и встречается у моряков и портовых грузчиков. Его коротко постриженные темные волосы были уже довольно редки, но эта склонность к облысению не портила его лица с располагающим к себе приветливым выражением.

Одет он был, несмотря на жаркий день, в легкий черный костюм с белой рубашкой и маленькой черной бабочкой.

— Позволю себе высказать предположение, — слегка поклонившись, начал он, — что вы — капитан Дастингс. Мистер Джеральд велел мне встретить вас и попросить либо подождать в холле, либо, если угодно, пройти в парк. — Он указал рукой в глубину деревьев. — Там молодые джентльмены устроили легкое развлечение — стрельбу по мишеням. А что это, позвольте спросить, у вас за корзинка?

Я объяснил.

— Какие милые люди эти Роббинсы, — он принял корзинку, — я попрошу кухарку приготовить рыбу к завтрашнему обеду. Так вы присоединитесь к их развлечениям или немного подождете в холле и пожелаете что-нибудь подать вам выпить?

Я, как человек военный и к стрельбе не вполне равнодушный, выбрал первое и двинулся в указанном мне направлении вглубь парка со старыми раскидистыми дубами и перемежающимися почти в человеческий рост кустарниками.

Не успел я пройти и двух десятков шагов, как услышал выстрел ярдах в пятидесяти впереди, затем, после небольшой паузы — второй. Я сразу понял, что это револьвер, а еще вернее — короткоствольный наган 1895 года. Да, третий выстрел не оставил никакого сомнения в этом. Хорошее оружие, считается чуть устаревшим, но очень надежным. В особенности для ближнего боя. Полицейские его любят. Прост в обращении, удобен. Калибр таков, что даже не самое лучшее попадание выводит врага из строя, и вместе с тем наган не очень тяжел и легко помещается в обычном кармане. Я сам одно время держал его и брал с собой в путешествия, хотя теперь стал предпочитать более портативный браунинг.

Еще через минуту я вышел на небольшую поляну и, приблизившись, разглядел среди деревьев двух молодых людей, ту самую изящную девушку и некоего средних лет господина, стоявшего, опираясь на трость несколько в стороне от прочих.

Одним из молодых людей был Джеральд, другой выглядел моложе. Он был примерно одного роста с Джеральдом и несколько походил на него чертами лица.

Стив Харди, как он потом мне представился, двоюродный брат Джеральда.

С первого взгляда Стив производил впечатление симпатичного и еще не до конца взрослого человека. Более подвижного, чем его кузен, и, как бы это сказать, немного более простого в манерах. В нем чувствовалось детское еще желание по каждому поводу говорить слова, что он и делал. Однако вполне невинно. И как я в дальнейшем убедился, ничуть не досаждая другим своим поведением.

Настроение у компании было приподнятое, если не считать того господина с тростью, который не только не участвовал в общем соревновании, но и не проявлял ни малейшего интереса к происходящему.

— Доктор Николос Бакли, — назвался он, пожимая мне руку, после того, как Джеральд представил меня всем собравшимся.

Доктор имел ухоженную, но не запоминающуюся внешность. Светлые гладко причесанные волосы, светлые же водянистые глаза с небольшими, но хорошо заметными под ними мешками, которые усиливали общее усталое и скептическое выражение его лица.

— Теперь ваша очередь стрелять, капитан, — Стив Харди вложил в барабан пять патронов и протянул мне наган. — Вы единственный, кто может поддержать репутацию мужчин и обыграть даму. Бета попала четыре раза из пяти, я — три. А Джеральд — всего один раз.

— Папа прекрасно стреляет, — проговорила девушка. — Папа, почему ты не хочешь?

— Я уже вышел из возраста детских игр, — вполне пренебрежительно ответил на это мистер Бакли.

— А где мишень? — спросил я.

— Секунду ... — Стив вытащил из травы покореженную и уже пробитую в нескольких местах жестяную банку и установил ее на пенек шагах примерно в пятнадцати от меня.

Банка была величиной с очень большое яблоко, и попасть в нее военному человеку, тем более из хорошо знакомого оружия, было делом совсем несложным. Я вскинул руку и начал стрелять. Каждый раз Стив подбегал и ставил сбитую банку на прежнее место.

— Bravo, мистер Дастингс! — первой поздравила меня девушка. — Bravo, хотя это не очень сложная цель.

— Но вы все-таки один раз промахнулись, Бета, — съехидничал Стив.

Она промолчала, чуть улыбнувшись в ответ. Я вскоре заметил, что она часто отвечает на мелкие пустяки не словами, а легкой полуулыбкой или едва заметным кивком головы.

— Неплохо, совсем неплохо, капитан, — безразличным тоном произнес в мой адрес доктор, доставая из жилетного кармана часы. — Пора, однако же, к чаю, а перед этим я хотел бы посмотреть сэра Джона.

Он повернулся и, не дожидаясь остальных, пошел к замку. Не зная кому отдать наган, я неопределенно поводил им в воздухе.

— Давайте, — Джеральд протянул руку, — это мой.

Оружие, я сразу заметил, было совсем новеньким.

* * *

Попав в большую, по-видимому, центральную залу замка, я скоро обратил внимание на один из многочисленных развешанных по стенам портретов — портрет Оливера Кромвеля.

Совсем небольшой по размеру.

Кромвель в начале своей легендарной биографии не очень-то любил парадность, и здесь он был изображен в простой белой с небольшой кружевной отделкой рубаше с широким воротом. Со спокойным и даже на первый взгляд безразличным выражением лица. Хотя приглядевшись, можно было усомниться в этом безразличии. Скорее, в его облике угадывалась покорность року, готовность делать все до конца, как это и отвечало его религиозным и гражданским понятиям. И этим создавался образ обманчивого спокойствия.

— Вам нравится этот портрет? — услышал я вдруг приятный негромкий голос и, оборотясь, увидел спускающегося по лестнице с галереи второго этажа пожилого джентльмена.

— Сэр Джон Холборн, — представился он, сходя с последней ступеньки и направляясь ко мне. — А вы, я ведь не ошибаюсь, капитан Дастингс? Джеральд рассказывал мне о вас.

Я молча поклонился.

— Этот портрет, — сэр Джон на секунду замолк, глядя на великого англичанина, — был подарен моему предку самим Кромвелем в первую годовщину победы в знаменитой Престонской битве. Наш род со своим войском защищал тогда левый фланг и не позволил коварным шотландцам высадить морской десант в тыл Кромвелю. Это очень многое решило, может быть, даже все ...

Он задумчиво замолчал, а я, пользуясь этой паузой, получше рассмотрел его лицо.

Сэр Джон несомненно не был стар, видимо, его не следовало бы даже называть пожилым человеком, но выглядел он так, как будто жизнь задалась целью выжать из него все силы и укоротить, насколько возможно, положенный век. Сохранив еще в изрядном количестве волосы, он был почти седым. Причем той старческой сединой, которая делает волосы слишком мягкими и малопослушными. Они были клочковато взъерошены, и он, видимо, уже по привычке, а не для приведения в порядок, часто поправлял и приглаживал их. Лицо у него было бледное, отечное, но с очень подвижными глазами и с беспокойным болезненным блеском, который, во всяком случае поначалу, неприятно действовал на меня.

— Вы, я вижу, уже познакомились, — послышался откуда-то из глубины голос Уиттона, а затем появился он сам. — Каспер рассказал мне о прекрасном улове анчоусов, который вам, капитан, с Роббинсом сегодня достался. Это значит, Джон, что завтра на обед мы будем есть чудесную уху. Старый Роббинс прислал нам пять фунтов в подарок.

— Передайте ему, пожалуйста, мою искреннюю благодарность. Как вы устроились у них? Они славные люди, вам не показалось?

— Да, сэр Джон, они действительно очень славные люди и устроился я прекрасно, а через неделю прибудет мой друг, с которым я надеюсь вас познакомить.

— Очень буду рад.

— И еще одна радость, Джон. Мистер Дастингс — отличный шахматист. Так что тебе придется попотеть в сражениях с ним.

— Я вовсе не утверждал наличия у себя подобных качеств... — начал было я, но хозяин прервал меня снисходительной улыбкой:

— Мэтью любит легкие розыгрыши, не обижайтесь на него. К тому же, он всегда стремится подсунуть мне кого-нибудь вместо себя для игры в шахматы. Он очень прилично играет, но я ему надоел, и у него масса дел по хозяйству. Добавьте к этому, что он, как это теперь любят говорить, спортивный фанат: гири, плавание, еще какие-то физкультурные упражнения. Ему не до меня.

Мэтью слегка смутился, и сэр Джон это заметил.

— Ну, ну, я просто хотел сказать, что на тебе и так слишком много работы по замку. А какие чудесные он выращивает розы! Вы уже видели, конечно, мистер Дастингс? И делает все сам — от стрижки кустов до, извините меня, унавоживания грядок. Особенно эти его замечательные белые — они всех приводят в восторг. И представьте себе, категорически отказывается продавать черенки, которые у него часто просят.

— Из искусства нельзя делать бизнес, — серьезным тоном проговорил Уиттон. — Хотя, возможно, мой племянник другого мнения на этот счет... Ну, где эта вечно опаздывающая молодежь?

— Мы все уже здесь, — почти тут же ответил Джеральд Холборн, появляясь вместе с доктором из боковых дверей. — А Стив и Бета уже в столовой. Мы можем садиться за стол, а ты, дядя, — съесть свои обычные восемь сэндвичей.

— Хе-хе, — неуверенно взглянув на меня,отреагировал тот, — как будто когда-нибудь я вообще ел больше трех.

Веселые искры сверкнули в умных глазах слуги Каспера.

— Ну, хорошо, четырех, — заметив это, уточнил Уиттон, — в любом случае нельзя так сразу выставлять меня перед гостем обжорой.

— Прошу к столу, господа, — провозгласил слуга и вместе с его голосом раздался первый удар часов.

Я увидел их вдали, в углу залы. Старинные, в человеческие рост, с узорчато оформленной передней стеклянной стенкой и длинным маятником с круглым медным диском на конце и острой

уходящей от него вниз иглой. Вполне возможно, что эти часы звучали точно также и тогда, лет триста назад, когда Оливер Кромвель приехал подарить свой портрет верному боевому соратнику.

Здесь, за столом, я сумел подробней разглядеть своих совсем новых знакомых. К первому впечатлению от сэра Джона, пожалуй, трудно было что-то еще добавить, кроме окончательно утвердившегося во мне мнения, что он человек действительно плохого здоровья, и вероятнее всего — сердечник, что вскоре и подтвердилось из их разговора с доктором.

Доктор Бакли несколько исправил мнение о себе как человеке меланхолическом и мрачном. Оказалось, что он умеет хоть и не часто, но вполне дружелюбно улыбаться. Говорил он не очень много, но с теми точными и культурными оборотами речи, которые приятно располагают к себе собеседников.

Стив Харди был по-прежнему улыбчив, болтал о пустяках, но в меру. И, кажется, старался почаще обращать на себя внимание Беты.

Сама девушка ни чем особенным себя не проявляла, что и неудивительно для простого чаепития хорошо знакомых друг с другом людей. Лицо ее, впрочем, представляло определенный интерес. Ее нельзя было назвать красавицей, но, несомненно, лицо было очень нестандартное и на него хотелось смотреть.

Темные волосы с оригинальной стрижкой создавали тот благородный шарм, который я подметил еще тогда — на дороге у коттеджа. Тоже темные, не коричневые, а непонятного, кажется, очень темно-серого цвета глаза, были внимательными, но обращенными чуть в сторону от собеседника. И какая-то легкая скрытность почудилась мне во всем ее облике.

Доктор Бакли вскоре вынул дорогие карманные серебряные часы и сделал легкий поклон хозяину:

— Благодарю вас. Мне нужно еще посетить больного в рыбацкой деревне. Там, где вы остановились, капитан. Хотя предварительно я предпочел бы все-таки послушать вас, сэр Джон.

— Бога ради, доктор, не беспокойтесь. В моем организме со вчерашнего дня абсолютно ничего не изменилось. Отложим на завтра, а вы, поспешите лучше к бедному больному.

— Ну хорошо, пусть так. Бета, в девять прошу тебя быть дома.

— Конечно, папа.

— Пожалуйста, не волнуйтесь, мистер Бакли, — доглатывая кусочек пирога, весело произнес Стив, — мы с Джеральдом доставим ее в целости и сохранности.

— По-моему, достаточно чего-нибудь одного — в сохранности, например. Прощайте, господа.

— А я ловлю вас на слове, капитан, — весело обратился ко мне Уиттон. — Вы обещали партию в шахматы брату, то есть не обещали в прямом смысле слова, но и не отвергали ведь этого совсем, а?

— Да я ничего и не имею против.

— Мэтью, как тебе не стыдно, — укоризненно произнес сэр Джон.

— Стыдно, брат, очень. Но мне еще нужно съездить в город. Позвонили с почты: пришла посылка из Лондонского клуба роз. Там чудесные черенки для морозостойких прививок. Они выведены в Канаде и их практически еще нет в Европе. Это мечта! Теперь я смогу не вскакивать по ночам из-за весенних заморозков.

— Знаем мы тебя, все равно будешь вскакивать, — заявил Джеральд.

А Стив подтверждающе закивал головой:

— Но теперь уже, чтобы проверить, не случилось ли чего с новыми черенками.

Все засмеялись.

— Вам бы, молодежь, только и вышучивать пожилых людей, — добродушно ответил Мэтью, по-видимому, совсем не возражая против того, чтобы быть объектом мелкого юмора.

— Сэр Джон, — обратился я тут же к хозяину, — я действительно люблю играть в шахматы. Уровень у меня, правда, не очень высокий. Но почему бы не попробовать?

Мы вышли в холл, а оттуда — в соседнюю с ним библиотеку — большую хорошо обставленную мягкой кожаной мебелью комнату.

В ее стене, сразу слева от входа, помещался большой, неиспользуемый в это жаркое время года камин. Наверху по обеим от него сторонам висели два портрета — мужской и женский. Я прочел имена на медных табличках под ними: Чарльз Холборн, Элизабет Холборн.

— Родители, — следуя за моим взглядом, пояснил хозяин.

Дальше, в середине комнаты, находился продолговатый стол, за которым могли бы одновременно работать два-три человека. А еще дальше, в противоположном конце, между двумя удобными креслами стоял небольшой шахматный столик на витых темно-вишневых ножках. Приблизившись, я увидел, что его поверхностью служит редкой красоты шахматная доска, представляющая собой каменную инкрустацию, несомненно, очень дорогую и древнюю. Как и тонкие резные фигуры слоновой кости на ней.

— Индия, — заметив мое любопытное внимание, произнес сэр Джон. — Этому изделию лет двести.

Мы сели и я зажал в оба кулака по пешке, предлагая хозяину выбрать цвет, но он категорически отказался, настояв, чтобы я, как гость, играл в первой партии белыми.

Для того чтобы понять, с каким игроком имею дело, я всегда выбираю ферзевый гамбит. Если противник начинает здесь путаться уже через три-четыре хода, дело ясное и несложное — он слабее меня. Если же первые пять-шесть ходов он делает уверенно и быстро, это — не слабенький, любящий переставлять фигуры дилетант, а вполне грамотный игрок.

Сэр Джон без всяких затруднений принял мое дебютное начало и дело пошло всерьез. Над восьмым ходом уже мне пришлось надолго задуматься, а к двадцатому постепенное давление его черных фигур приобрело угрожающий характер.

Главное для меня при игре в шахматы — сильно разозлиться. Это получилось и дало неожиданно сильный результат. Вскоре я пожертвовал качество, но сделал пешкой вилку на двух коней, к тому же черные фигуры потеряли взаимодействующие линии и могли помышлять уже лишь о ничейном окончании.

Теперь надолго задумался сэр Джон, а я получил возможность расслабиться и в ожидании его хода встал, чтобы рассмотреть корешки книг на полках.

Возраст некоторых доходил, по-видимому, лет до четырехсот. Было немало и современной литературы, главным образом по истории и политике. Возвращаясь к шахматному столику, я заметил, как сэр Джон вынул из нагрудного кармана тюбик с пилюлями и быстро проглотил одну.

— Возможно, нам стоит прерваться? — не на шутку обеспокоился я. — Или даже послать за доктором?

— Не волнуйтесь, мой друг, если позволите себя так называть, Это обыкновенное для меня лекарство. Оно не связано с приятным игровым волнением, которое я сейчас испытываю. Если бы я в этой жизни испытывал только такое, — тихо добавил он, возвращаясь мыслями к позиции на доске.

Прошло некоторое время, сэр Джон сделал свой ход, а еще через пять минут нам обоим стало ясно, что после вынужденной для каждой стороны серии обменов игра неизбежно закончится ничьей.

— А ведь неплохо складывалась борьба, мистер Дастингс. И, как противники, мы вполне соответствуем друг другу.

— Совершенно с вами согласен и буду рад, если наши поединки станут регулярными.

Мы еще немного побеседовали, потом, чтобы не утомлять хозяина и не злоупотреблять гостеприимством, я попрощался и, обещав появиться завтра, отправился домой.

Каспер, выпуская меня наружу, вежливо улыбнулся и пожелал счастливого пути, а я еще раз обратил внимание на его внешность.

При высоком, сильном, чуть сутуловатом теле, в нем не было ничего крестьянского или вообще от человека из сельской местности. Отдельные черты лица, может быть, не стоили специального описания, но ощущалось их общее умное и сильное выражение. Глаза небольшие, карие, очень внимательные. И с абсолютно доброжелательным выражением. Но ничего заискивающего, услужливого. И кажется, вся его мимика была сосредоточена в этих глазах и окружавших их очень подвижных морщинках.

Я отправился к себе, не встретив никого из молодежи. Видимо, им хватало места в большом замке или просторном окружавшем его парке. Мои часы показывали без четверти семь, и летнее солнце только еще приближало свой путь к горизонту.

Когда я вышел на улочку, где находился дом Роббинсов, с другой ее стороны появился доктор. Он двигался почти прогулочным шагом, с видом человека, выполнившего все свои дневные обязанности.

— Оказали помощь своему пациенту? — спросил я, когда мы сошлись на середине улицы.

— Да, хотя, — он поморщился, — если бы мне эти деревенские олухи все сообщили толком, я бы не потратил время на чаепитие. Больного все-таки пришлось отправить в Саутпорт. Только что его туда забрали на дежурной карете.

— И что же, его жизнь в опасности?

— Нет, к счастью нет. Там неплохая клиника. Хотя ее можно было бы сделать лучше и пустить дело с большим размахом. Но все же, это не Южная Америка.

— Вы там долго работали?

— Долго. Причем не только в городах, но и в сельской местности, поначалу. Сколько, знали бы вы, я там видел нелепых смертей. От простого невежества, ленивого благодушия. Легкомыслие среди тамошнего народа поразительное. Всегда надеются, что болезнь сама пройдет.

Вид у доктора был усталый.

Мы некоторое время помолчали.

— Знаете что, — предложил он, — тут в деревне вполне приличный паб. Чистый, и хорошее пиво. Впрочем может быть, вы не любитель пива?

— Любитель, да и время еще не позднее.

— Вот и хорошо. К тому же, есть одна деликатная тема, о которой бы надо поговорить...

Паб оказался действительно вполне приличным. Подошел бы и для лондонской периферии. Состоял он из основного зала, в котором сидело человек тридцать, и нескольких зарешеченных тонкими деревянными планками кабин, в одну из которых мы сразу направились. В отдельном помещении на другом конце находилась бильярдная, откуда, из-за полуприкрытой двери, раздавались иногда гулкие удары шаров и повышенного тона возгласы. В остальном — было спокойно и чинно.

Нам тут же поставили средних размеров бокалы, и отхлебнув, я убедился, что пиво действительно хорошего качества.

— Могу порекомендовать превосходные копченые анчоусы, — предложил официант, — старый Роббинс умудрился наловить их более пятидесяти фунтов. Очень свежего приготовления.

— Ну, дайте, — согласился доктор, — отведаем ваших анчоусов, капитан.

Через минуту рыба была на столе.

Я совершенно не думал, что это так вкусно и мало похоже на то, что под тем же названием продается в столичных рыбных магазинах.

— Они их оригинально готовят, — объяснил доктор, — коптят как-то особенно на мелкой яблоневого стружке и добиваются такого результата, что от этой закуски еще больше хочется пива. Хитрые ребята.

И правда, я еще не успел доесть небольшую рыбку, а бокал мой был уже пуст.

— Так вот, о чем я собирался потолковать с вами, мистер Дастингс, — произнес Бакли после того, как мы уже допивали вторые бокалы.

Он ненадолго задумался, явно подбирая для нужного начала слова.

— Аристократы — непростой народ, капитан, не так ли? По моим наблюдениям, они очень внимательно относятся к самим себе. С ощущением того, что они не как-нибудь, а в принципе отличаются от простых людей. Есть, конечно, исключения, вроде того же Джеральда, но и здесь еще надо разбираться. Конечно, я не хочу задеть пиетических чувств истинного англичанина, воспитанного на представлениях, что аристократия, королевский двор, являются важным элементом национального сознания. Более того, я и не ставлю это под сомнение. Но вот для нас, американцев, подобные вещи просто не имеют никакого значения. И тем не менее, мы принесли и принесем еще миру немало пользы. Ведь лучше всего, когда люди не слишком замыкаются в себе.

Я согласно кивнул, пока не понимая — к чему он клонит.

Мы закурили. Я трубку, а доктор — тонкую ароматную сигарку.

— Здесь слишком небольшое общество, мистер Дастингс. И вы, естественно, в него быстро вошли, а как шахматный игрок будете к тому же часто общаться с сэром Джоном. В этом все и дело. — Он глубоко и с удовольствием затянулся. — У вас в Англии многие бы решили, что я не должен касаться чужой, да еще связанной с трагедиями жизни. Но я считаю — наоборот: и как американец, предпочитающий открытую игру, и как врач, лечащий сэра Джона. Его сердце на волоске, и одно неосторожно сказанное слово или неудачно заданный вопрос... — он неопределенно провел рукой в воздухе и конец его сигары оставил за собой красивую темно-голубую дугу.

— Он так плох?

— У-гу. Бывает, впрочем, что и несколько лет живут с таким сердцем.

Доктор немного помолчал. Потом заговорил снова:

— Сэру Джону всего пятьдесят семь лет. А выглядит он, сами видели, под семьдесят. И всему виной история с его старшим братом, приключившаяся двадцать два года назад. Не буду передавать ее вам во всех известных мне подробностях — это было бы и не к чему, и не очень тактично. Но расскажу то главное, что может при неудачных вопросах с вашей стороны привести ... ну, сами понимаете к каким результатам.

Официант спросил, не нужно ли нам по новому бокалу пива, и мы, согласно взглянув друг на друга, заказали еще. Это было кстати — я как раз докуривал трубку, а мистер Бакли свою сигару.

— Да, так вот, двадцать два года назад, — начал он, — Майкл Холборн — старший брат сэра Джона — убил их отца. Старого лорда Чарльза. Здесь, в замке. — Он сделал небольшую паузу: — Это, так сказать, в общем. А если чуть более подробно, они много лет не выносили друг друга. И вот в один прекрасный вечер, — он, досадуя, поморщился из-за невольно выскочившего совершенно неподходящего слова и поправился: — так вот, в один летний вечер, Майкл удавил своего отца веревкой или шнурком. Набросил его сзади. Дело происходило в той самой библиотеке, где вы с сэром Джоном играли сегодня в шахматы.

Я отставил уже поднесенный ко рту бокал. Заметив произведенное на меня рассказом впечатление, доктор слегка покачал головой и несколько поучительно произнес:

— Такие вот истории творятся порой в древних как сама Англия замках. Вы все-таки пиво пейте, пиво-то хорошее.

Я машинально отхлебнул:

— Странно, ведь это должно было стать громким судебным процессом, а я ничего подобного не запомнил.

— И не удивительно. Майкл Холборн пропал. Исчез через несколько дней и не был найден. Суд, тем не менее, конечно, в конце концов состоялся и признал его виновным заочно. Но что такое заочно,

по первой судебной инстанции, при полной незаинтересованности семьи в общественной огласке дела...

— Простите мое любопытство, действительно неприлично залезать в чужие дела, но случай столь необыкновенен... каковы же у этого страшного события причины?

— Очень трудно сказать, — задумчиво произнес мистер Бакли, — мы сами-то здесь всего два года. Разумеется, общаясь с пациентами, за это время я успел услышать все, что известно местной публике. Но известно, в сущности, очень мало. — Он вынул еще одну сигару, надо полагать, усвоив эту южноамериканскую привычку — часто курить. — Старый Чарльз Холборн состоял видным членом парламента, был, по разным отзывам, личностью несколько спесивой, властной, но антипатии у большинства людей не вызывал. Уже знакомый вам младший сын, Джон, политикой не занимался, жил главным образом в замке. По профессии он что-то вроде литературоведа, кажется, специалист по ренессансу. Пописывал, говорят, в научных журналах толковые статьи. По темпераменту всегда был инфантильным кабинетным человеком. И жену ему, как я слышал, подобрал в свое время отец. Кого-то из дальних родственников.

Доктор сделал затяжку, выпустил два аккуратных кольца дыма и пронзил их длинной стружкой дыма. Я невольно усмехнулся.

— Простите, — тут же извинился он, — когда долго живешь среди этих латиносов, трудно потом бывает избавиться от мелких дурных манер. Так вот, — он заговорил более энергично, — в отличие от младшего брата Джона, старший брат Майкл был сгустком энергии. Говорят, что некоторые люди его даже инстинктивно побаивались, хотя он был обычного роста, приятной наружности и, безусловно, хорошо воспитан. Но сколько я могу с чужих слов судить, он принадлежал к людям редкой психологической формации, — доктор сощурил глаза, — совсем небезобидной. Вы сами по жизненному опыту вероятно знаете, что существуют одержимые личности со своей совершенно особенной системой ценностей. Иногда это приобретает такие формы, что мои коллеги с полным основанием помещают их в психолечебницы. Иногда зря туда помещают, — он затушил сигару, — сложный вопрос. Встречаются, например, типы, одержимые музыкой настолько, что, запретив этим заниматься, их можно попросту убить. То же самое с другими искусствами. А сколько история знает полководцев или фанатов-мореплавателей, которые, употребив ту же энергию в обычном гражданском деле, могли скорее достичь спокойствия и материального благополучия. Но им всем не этого надо. Они могут жить только в определенной среде. Вот такие социальные типы чувствуют себя хорошо лишь постольку, поскольку им не мешают добиваться своего. Если не так, они способны на любые крайности. Очень похоже, что к этой как раз категории относился и Майкл Холборн. Только в политике. И политические разногласия с отцом со временем переросли в лютую ненависть. Вы скажете, что это ненормально? А я и не буду спорить.

Он задумался и чуть замедлил речь.

— Во всяком случае, старый Холборн и его старший сын, как считают все, в том числе и их близкие, в последние год-два до трагедии уже не могли переносить друг друга. И вот, в конце концов, произошла такая развязка.

В пабе прибавилось публики. Появился и Роббинс. Он заметил нас с доктором и поприветствовал, но издали, деликатно, не пытаясь вступать с разговорами.

— Чтобы довести до важного конца мою информацию, капитан, должен кое-что добавить. Года полтора назад из тех же южноамериканских краев прибыл сюда знакомый уже вам Стив Харди: никто иной, как родной племянник сэра Джона, а еще проще — сын Майкла Холборна.

Слишком сильное удивление требует для себя времени, поэтому доктор терпеливо выдержал паузу прежде, чем продолжать.

— Занятная деталь, не так ли? Приехал, что называется, запросто — повидать дядю и родовое поместье. Отец за полгода до этого, как он сообщил, скончался, и всегда внушал сыну, что невиновен в убийстве старого Холборна. Прислал брату письмо. Прощальное, и опять же с уверением в полной своей непричастности к страшной истории. Насколько я знаю, факты слишком убедительно свидетельствовали об обратном. Но и сэр Джон, и Мэтью, и Джеральд, естественно, решили, что мальчик-то во всяком случае не причем, и приняли его как полноправного члена семьи. Так что, видите, не все здесь просто.

— А кем, я имею в виду семейную линию, является Мэтью Уиттон? Джеральд называет его дядей, сэр Джон называл его словом «брат», и тот его так же?

— И здесь есть маленькая тонкость, но уже безобидного, так сказать, свойства. Очень скоро после рождения младшего сына Холборна — Джона — его мать умерла. А еще через пару лет Чарльз Холборн завел, внебрачную связь с женщиной из Саутпорта, которая имела больного и старого мужа вот с этой самой фамилией — Уиттон. Родился мальчик. Чарльз Холборн вполне добросовестно заботился о нем, дал образование. Никогда не отрицал, что это его сын, хотя юридически и не оформлял такого факта. Мэтью, по-моему, славный малый, трудяга, добровольно тянет на себе хозяйство по замку. Очень хорошо отнесся к Стиву, кстати сказать.

На следующее утро я с удовольствием прогулялся в Саутпорт. Этому весьма способствовали хорошая дорога и окрестный пейзаж. С одной стороны — душистый от выпаренных трав степной простор и море за ним со своей бесконечной далью, с другой — лесной массив: сначала из редких дубов и кустарника, потом — сгущающийся и высокий. Где, как сказал Джеральд Холборн, было так много всякого в далеком прошлом. Я подумал о страшных арбалетных стрелах из зеленых засад, пробивающих панцири и кольчуги, черных кованых копьях, тяжелых мечах с крестообразными рукоятками... да, наверное, были здесь и заброшенные на ветки веревки с петлей на конце для тех, кто достался в плен победителю.

Теперь — тихо, безлюдно и мирно.

Пару раз всадники из местной отдыхающей публики легкою рысью проскакали мимо, да два грузовичка с сельским товаром проехали по дороге в город. Было по-детски радостно от окружающей природы и мыслей о полном покое, предстоящих морских купаниях, рыбной ловле, милых людях в соседнем замке.

«Места чудесные, — написал я на телеграфном бланке в Лондон. — С нетерпением жду».

Потом я немного посплел по городу, который действительно не только разросся за эти последние шесть лет, но и заметно изменил старый облик: из тихого и провинциального превратился в деловой, спешащий и, я вспомнил слова Мэтью Уиттона, очень мало подходящий для курортного времяпрепровождения.

В городе не было недостатка в такси, но мне захотелось вернуться назад пешком — уж больно приятно было еще раз окунуться в этот простор и аромат. К тому же, дорога занимала неспешным шагом всего минут сорок пять.

Вечером я решил отправиться в замок попозже. Не очень ловко было являться к чаепитию не получив на то прямое приглашение. Такое приглашение, я, конечно, понимал, имелось в виду само собой, но правила хорошего тона и еще не очень короткое знакомство с моими соседями все-таки требовали некоторой тщательности в поступках. Я отправился на час позже, и не доходя сотни ярдов до замка, столкнулся с Каспером.

— Вот тебе на, мистер Дастингс! А меня послали за вами, узнать — все ли в порядке, вас ждали к чаю, даже не сажались некоторое время.

Я, как мог, объяснил этические соображения своей задержки.

— Ми-истер Дастингс, — улыбаясь своими умными глазами с симпатичными морщинками вокруг них, укоризненно протянул слуга, — лорды в своих провинциальных замках проживают почти что по деревенским правилам. А сэр Джон в особенности не любит всякие церемонии. И пожалуйста, придумайте какую-нибудь другую причину, по которой вы не появились к чаю. Он может очень огорчиться, оттого что вам не сделали подходящего правилам приглашения, что вас этим обидели, а ему очень вредно любое волнение.

— Да, доктор говорил мне вчера об этом.

Каспер понимающе кивнул:

— Доктор Бакли — большой мастер своего дела. Работает с утра до ночи, и без большого разбора между бедными и богатыми, хотя человек — состоятельный. Из Аргентины сюда приехал уже с приличными деньгами, купил сразу хороший коттедж, вы видели, наверно?

Мы направились к замку.

— А вы сами из этих мест? — спросил я.

— Да, из этих, точнее — из Саутпорта.

— И давно работаете у Холборнов?

— Давно, еще за год до смерти старого лорда Чарльза. — Он слегка покосился на меня, но я сохранил на лице индифферентное выражение. — До этого место дворецкого занимал мой дядя, а после его смерти должность, как бы наследственно, передалась мне.

Когда мы приблизились к крыльцу, Каспер предупреждающе ускорил шаги, чтобы распахнуть передо мной входную дверь, а я почему-то подумал о том далеком прошлом, когда этот сильный и по-своему обаятельный человек, лет двадцати пяти от роду, пошел вдруг в дворецкие. Станный выбор — ведь раньше он жил и работал в портовом городе, а недалеко был большой Ливерпуль. Почему же в деревню? На работу, которой занимаются обычно немолодые семейные люди, и жена дворецкого может выполнять роль горничной или кухарки.

— А кто еще у вас делает работу по дому? — спросил я, когда он уже приготовился открыть дверь.

— В первой половине дня работает приходящая из деревни кухарка, пару раз в неделю две местные девушки производят общую уборку, а остальное делаю я. — Он улыбнулся и показал на клумбу: — Но уход за цветами мистер Уиттон добровольно взвалил на себя.

Я с удовольствием посмотрел на уже знакомый круг алых роз, окаймляющих центр из белых.

В расположении розового цветка, его повороте или склоненности, всегда есть что-то благородное и немного завораживающее. Все алые розы слегка клонили свои очаровательные на грациозных шейках

головки. Белые — держали их гордо и абсолютно прямо. Они проиграли своим соперницам тогда, пятьсот лет назад, и казалось, теперь не хотели их знать.

— Прекрасные цветы, мистер Дастингс, на них нельзя налюбоваться. Прошу вас, сэр Джон в библиотеке.

Я, конечно, отговорился по поводу опоздания к чаю какими-то словами об устройстве на новом месте, походом в город и тому подобным.

Поговорили немного о прекрасной библиотеке, почти целиком прочитанной сэром Джоном, который не без доли гордости сообщил мне, что в свое время даже получил предложение занять профессорское место в одном из английских университетов. Потом речь перешла на замок, и я отметил, как разительно отличается его передняя часть от той, что выходит к морю.

— Да, по сути дела — это два разных здания. Второе, где мы сейчас находимся, пристроено к первому, очень древнему. Конечно, они соединены между собою и представляют общий комплекс, хотя, — сэр Джон неопределенно поводит рукой в воздухе, — в старую часть никто не ходит. Там даже есть заколоченные дубовые двери XIII-XIV веков, но никому не известно — кто и когда их в последний раз открывал. Я как-нибудь покажу их вам, однако, знаете, как человек, связанный всю жизнь с историей, я постепенно уверился в том, что прошлого нельзя касаться без особой необходимости. Оно как бы не умирает и может зло огрызнуться, а может помочь... — он произнес последние слова с той неопределенной интонацией, когда говорят о вещах, полный смысл которых не может быть дан до конца человеку.

Белыми на этот раз играл хозяин, и поначалу мне казалось, что он не настроен на серьезную борьбу. Предложен был известный вариант защиты Нимцовича, который обычно предполагает спокойную игру и заведомо дает большие ничейные шансы черным. Все так некоторое время и шло. Потом мой противник сделал несколько, на мой взгляд, безобидных перемещений, а еще через пару ходов я почувствовал тот хорошо известный всем шахматистам неуют, когда прямых угроз еще нет, но возникает некоторый вакуум собственных действий и ощущение, что с той стороны работают по слишком четкому плану.

После тридцатого хода противник сумел сгруппировать большие силы на моем королевском фланге и кроме этого стало ясно, что мне придется отдать в центре пешку без всяких за то тактических компенсаций. Напрягая все умственные и волевые силы, я сделал еще четыре хода и несколько демонстративно откинулся на спинку кресла. Сэр Джон, нагнувшись над доской, взглянул на меня довольным, хоть и едва заметным взглядом.

— Позиция проиграна, — мрачно промямлил я.

— Ну, почему же, — пытаюсь соблюсти утешающую вежливость, возразил хозяин. — Можно еще попробовать обороняться.

— Оставьте, пожалуйста! — не очень вежливо возразил я. — Что проиграно, то проиграно! Давайте, лучше, если время позволяет, сыграем еще одну партию.

— С удовольствием.

На этот раз я выбрал открытый вариант королевской пешкой с последующими разменами легких фигур, дабы перейти потом к трудному, но любимому мной ладейному окончанию.

Однако и здесь моим замыслам не суждено было сбыться. Сначала все, как и в первый раз, шло по понятному плану, но в середине игры какими-то ухищрениями противника позиция отклонилось от мной намеченной. Что-то снова стало вязнуть и не получаться, хотя никаких заметных ошибок я не делал. А кончилось, хоть и после более продолжительной борьбы, но тем же самым плачевным для меня результатом.

К сожалению, мне не всегда удастся скрывать пустяковую досаду.

— Я отстал в дебютной подготовке, и вы меня на этом ловите.

— С большим трудом, должен признаться, — попробовал меня успокоить хозяин.

— Ладно, не утешайте. В ближайшее время я поработаю над дебютом. Еще, как говорится, не вечер.

Вечер, тем не менее, уже наступал, и сэр Джон вышел проводить меня на крыльцо. Я уже пожимал ему на прощание руку, когда из дома весело высыпала молодежь.

— Мы отправляемся на морскую прогулку, папа, — обратился Джеральд к отцу, — покататься у берега. Может быть, все-таки присоединишься к нам, доктор утверждает, что для тебя это очень полезно.

— Нет-нет, оставьте меня, пожалуйста, в покое, — быстро ответил тот, и я отметил тень недовольства, пробежавшую по его лицу.

* * *

Я никогда не обольщался на предмет серьезных у себя шахматных дарований и не занимался этим профессионально, но, как любитель, очень был к этой игре привержен.

Вы не замечали, что любители шахмат и тенниса бывают не менее честолюбивы, чем профессионалы? К сожалению, за мной это тоже водится.

Я решил завтра же дать телеграмму Пэро с подтверждением всех местных прелестей и просьбой захватить с собой два известных шахматных учебника по дебютным системам и типовым игровым ситуациям, указав магазин, где можно их приобрести. Утром, встав не очень рано, я совершил, как и прежде, прогулку в город, послал ту самую вторую телеграмму и, не торопясь, возвратился домой.

Старик Роббинс орудовал во дворе с большой издававшей виды сетью.

— А, мистер Дастингс! Готовлюсь, вот, к завтрашнему лову. По всем признакам анчоус пойдет уже по-настоящему. Может подвернуться и косяк крупной сельди.

— Тогда не возьмете ли и меня с собой?

Роббинс замялся:

— Та ловля, знаете ли, была небольшой прогулкой, забавой. А завтра может выдаться тяжелая работа, мистер Дастингс. Там уж нельзя плошать. Если повезет — придется гнуть спину вовсю.

— Ну, этим меня не испугаешь. К тому же, физический труд после городской жизни мне только полезен.

— Нет, — Роббинс резко замотал головой, — у нас так не принято. Если будет настоящая работа, я отдам вам двадцать процентов выручки. Здесь так принято — уж не менее двадцати процентов. Мне это выгодно, поверьте.

— Ну-ну, извольте, — со смехом согласился я.

— Только вставать на этот раз придется очень рано. С восходом солнца нам надо уже быть на воде.

— Договорились, — охотно согласился я.

Смешно сказать, но это был повод не появляться в замке и, значит, не ставить себя под угрозу нового шахматного разгрома, от которого я еще не успел морально восстановиться.

Тут же я написал по этому поводу извинительную записку и отправил ее с соседским мальчиком в замок.

* * *

Старый рыбак не ошибся — сельдь пошла.

Лодок в утреннем море было много — десятка два, по крайней мере. Как и бывает всегда у рыбаков, каждый принаравливался к своему месту: одни — поближе к береговой полосе, куда иногда резко прижимались косяки анчоусов. Другие, стремясь набрать побольше крупной, хоть и менее деликатесной сельди, уходили дальше в море.

Сначала дело у нас шло не слишком здорово, однако вскоре мы наравались подряд на несколько косяков, и работа закипела так, что я пару раз искренно ругнул себя за самонадеянность, толкнувшую меня на столь тяжелое предприятие.

"Пэро бы сюда, — потеряв в один из моментов равновесие и ударившись коленом об острый край деревянного ящика, подумал я, — сидит там в кресле у одного из лучших дантистов Лондона и разыгрывает страдальца".

Мы час не покладая рук трудились. Потом вернулись на берег, оттащили улов во двор Роббинсов, где засолкой рыбы сразу занялась миссис Роббинс и еще какая-то пришедшая помогать ей женщина, и, не передохнув пяти минут, отправились назад.

Теперь уже косяки были помельче и шли при дневном свете осторожней, но все равно рыбы хватало. Мы провели на воде еще часа два и, набившись доверху и закончив ловлю, решили немного отдохнуть на прохладном морском ветерке.

Некоторые лодки уже плыли к берегу. Ярдах в трехстах от нас трудился с сетями Мэтью.

— Не мистер ли это Уиттон? — присматриваясь, спросил Роббинс. — Ну да, он самый, — ответил он на свой же вопрос.

Потом раскурил трубку и поощрительно кивнул в ту сторону:

— Умеет работать, хоть и из благородных. И сильный, чертяка! Тут наши ребята перед рождеством устроили в пабе армрестлинг. Так он пятерых положил без передышки.

Мы были недалеко от берега, точнее, от обрывистой скалы, на краю которой возвышалась старая стена замка. Солнце стояло уже высоко, и я попросил разрешения у Роббинса искупаться с лодки.

— Валяйте, — согласился старый рыбак, — я, как раз, докурю свою трубку.

Хотя мои уши не позволяют мне нырять глубоко, я с детства люблю это занятие. Поэтому, оказавшись в воде, я набрал побольше воздуха, чтобы уйти в прозрачную синюю глубь.

— Эй, поосторожней! — Роббинс предупреждающе поднял руку. — Тут от стены, резкие течения.

Стоило мне опуститься ярдов на три, как вдруг и впрямь почувствовались сильные завихряющиеся потоки воды.

— А откуда эти течения? — спросил я, взобравшись в баркас и вытаскивая из сумки полотенце. — Вода там и сильная, и холодная.

— Бог его знает. — Роббинс, слегка сощурившись, невесело взглянул на замок. — Всякое говорят... что старая часть замка уходит глубоко в скалу и там есть свои искусственные пещеры, где топили пленников или мучили их всякими водяными пытками. Я стараюсь не интересоваться этим. Не стоит без большой нужды трогать прошлое.

Меня поразило сходство его слов с тем, что недавно сказал сэр Джон.

* * *

Когда мы перетащили вторую партию пойманной рыбы во двор, усталость заметно дала о себе знать.

— Без вашей помощи я бы с таким уловом не справился, мистер Дастингс! — пожимая мне руку, проговорил рыбак. — Пожалуй, я вам должен поболее двадцати процентов...

— Да перестаньте вы, пожалуйста! — бурно запротестовал я, чувствуя большое желание отправиться поскорее к себе в комнату, раздеться и лечь. На полчаса, хотя бы.

Я так вскоре и поступил, и минут, наверное, уже через пять заснул. Крепчайшим, почти наркотическим сном, и, как выяснилось, спал больше четырех часов.

Роббинс уже отвез рыбу в город, и привычный к таким нагрузкам, вернувшись, отправился в паб.

Голова у меня от необычного времени сна была тяжеловатой. Следовало прогуляться по свежему воздуху.

Я так и сделал, направившись без всякой определенной цели к шоссе, и хотел было затем повернуть назад, как увидел Мэтью Уиттона верхом на велосипеде, с пустой корзинкой сзади на багажнике. Подкатив ко мне, он слез и мы поздоровались.

— Вот, — указывая на корзинку, весело заговорил он, — направляюсь к вам в поселок. Приходится самому и за продуктами ездить. Каспер с кухаркой занимаются засолом рыбы, что я сегодня наловил, а молодые наши аристократы по деревенским магазинам ходить не изволят.

Так как Уиттон не очень спешил, а прогулка исчерпывала все мои планы, мы отправились туда вместе неторопливым шагом.

Разговор некоторое время вертелся вокруг сегодняшней рыбной ловли. Потом мой попутчик снова посетовал на молодежь, которая не желает заниматься этим здоровым для человека делом, несмотря на то, что и Джеральд, и Стив, хотя и в разных частях света, провели свое детство у моря. Это позволило мне спросить:

— А почему у Стива фамилия Харди? Он ведь урожденный Холборн.

— Да, — Мэтью утвердительно кивнул и, помолчав, добавил: — Вам, конечно, известна мрачная история нашего замка? Не надо отвечать — ее здесь всем рассказывают. Так вот, как вы понимаете, Майкл после побега не мог жить в Аргентине под своей фамилией. Он ведь был осужден и находился в розыске. А Харди... Стив объяснил, что отец взял такую фамилию по смыслу жизни, так сказать. Харди — «тяжелый», «тяжкий», как и его судьба. — Уиттон болезненно поморщился, и это несвойственное его лицу выражение не захотело сразу уйти. — Стив говорит, что ему самому нравится эта фамилия, и он предпочел бы ее не менять. Рассказывал мне, как прошло его детство. Часто приходилось стоять весь день с лотком сигарет на пыльном городском перекрестке, чтобы заработать на еду. Под палящим солнцем. И любой зевака мог оскорбить, а местные подростки отнять выручку в конце дня, да и ножом полоснуть, при случае.

Мне сделалось неловко за свой беспардонный вопрос, и я уже открыл рот, чтобы извиниться, но Мэтью понял это и успокаивающе махнул рукой:

— Все уже в прошлом. Значит, будете сегодня отдыхать от морских трудов? — тут же спросил он. — К нам не загляните? Ладно уж, но завтра вас ждем обязательно.

Я клятвенно обещал.

Неожиданно сзади раздался клаксон автомобиля. В остановившейся машине с открытым откидным верхом — дорогой, из последних моделей — сидел доктор Бакли.

— Только что завез Бету в замок, — поприветствовав нас, сообщил он, — вы уж проследите, пожалуйста, Мэтью, чтобы вечером не позже девяти ее проводили домой. Возможно, Стив окажет эту услугу.

Он приподнял на прощание шляпу и бесшумно покатил дальше.

— Странно, — Уиттон достал платок и вытер шею — было жарковато, хоть мы и стояли в тени большого дерева у дороги. — Почему он недолюбливает Джеральда? — Вопрос, как показалось, он больше адресовал к самому себе. — Не знаю, какая девушка Англии отказалась бы от такой партии.

— И вообще не очень понятный человек, — задумчиво и после небольшой паузы добавил он. — Обеспеченный, и даже весьма. Посудите сами — купил сразу новый с отличной обстановкой коттедж. Машину вы только что видели. Кабинет у него в Саутпорте великолепно оборудован. А вкалывает с утра до ночи. Здешнюю публику лечит за небольшую плату.

Он опять вытер шею платком и тут же, забыв о случайно набежавших мыслях, начал улыбчиво прощаться.

Хотя я не из слабых людей, но его неумышленно крепкое рукопожатие произвело на меня впечатление.

* * *

Дневной сон не погасил до конца всей усталости от непривычной утренней работы, и я лег спать непривычно рано — в начале вечера, что заставило меня и очень рано встать на следующее утро.

Утро, собственно говоря, еще не наступало. За окном было темно, но, впрочем, судя по стрелкам часов, до восхода солнца оставалось не так уж много времени.

Тело после вчерашних трудов побаливало, но самочувствие было бодрым.

Я быстро собрал в матерчатую сумку нужные купальные принадлежности и почувствовал себя почти счастливым, оттого что сегодня не буду путаться в сетях и лихорадочно рассовывать по ящикам рыбу. А вечером отправлюсь в замок, поболтаю с его милыми обитателями, сыграю с сэром Джоном партию в шахматы, пусть и с плохим для себя исходом. Ничего, в ближайшие дни Пэро привезет мне книги по теории. Посмотрим потом: кто кого!

Я тихо спустился по лестнице и вышел из не запертых, как водится в подобных деревушках, дверей дома.

Летом на морских побережьях творятся диковинные вещи. Еще до восхода солнца, превращая ночь в день, неизвестно откуда появляется свет и лишь потом, минут через двадцать, из-за горизонта показывается краешек солнца. Свет — молочного оттенка, но это не туман. Воздух прозрачен и абсолютно тих. Мир вокруг похож на первозданный, бывший до человеческого сотворения.

Именно в такие дивные минуты я оказался у кромки воды на песчаном, вперемежку с мелкой галькой берегу, почти рядом с мощной крепостной стеной замка. Спящим, как и все вокруг.

Спали чайки. Спало само море. Неподвижное и огромное. Волны еле заметно касались берега. Было так рано, что никто из рыбаков еще не вышел к лодкам.

Вода показалась мне совсем теплой, и я тихо поплыл, с наслаждением вдыхая воздух и выпуская его затем пузырями в воду.

Мне вскоре надоело это безмятежное спокойствие и на память внезапно пришли странные подводные течения у крепостной стены. Неизвестное манит, и мне вдруг захотелось еще раз проверить те непонятные исходящие от стены замка потоки.

Доплыв до отвесного гранита, я набрал побольше воздуха и ушел вглубь.

Опять, где-то начиная с трех-четырёх ярдов, я почувствовал сильные увлекающие вдоль стены холодные струи, а опустившись еще, резко ощутил, как они холодея усиливаются и тянут уже не вдоль крепостной стены, а вниз и в сторону открытого моря. Дальнейшие испытания показались мне излишне рискованными, тем более что и кислородного запаса в легких оставалось совсем немного.

Щадя ушные перепонки, я медленно, касаясь шершавой скалы руками, поднялся на поверхность и расслабился на несколько секунд, держась снизу за небольшой гранитный выступ.

Что-то с неприятным тяжелым звуком вдруг проскрипело наверху, ярдах в шести над головой, там, где кончалась природная скала и начиналась крепостная стена замка.

— Почти совсем светло, — сказал мужской голос, хрипловатый и резкий — ручаюсь, что никогда не слышал его раньше.

— Идите до самого Саутпорта обязательно только вдоль берега, так никто не увидит, — ответил другой, совсем тихий и сдавленный, как будто говоривший очень боялся быть услышанным.

— Знаю, — ответил первый с той же резкой хрипотцой. — А крупное дело затевается, не так ли, очень крупное? Только смотрите, чтоб не вышло как в прошлый раз.

По-видимому, второму не понравилось сказанное.

— Идите быстрее и осторожней, — проговорил он после некоторой паузы тем же сдавленным еле слышным голосом.

— Ладно, — уходящий издал звуки, похожие на иронический смешок, — значит, до послезавтра.

Спустя несколько секунд снова раздался тот же неприятный тяжелый скрип, а еще через минуту растаял звук удаляющихся шагов. И почти тут же я почувствовал, что изрядно замерз от неподвижного, прикованного к холодным камням состояния. Но с полминуты еще я решил подождать и лишь потом тихо поплыл к берегу.

Странный незнакомец направился в другую сторону — к городу — и не мог наткнуться на мою одежду. А с этой стороны, чуть поодаль, уже подходили к своим баркасам первые рыбаки. Я вылез на берег, сильно растерся полотенцем и в задумчивости отправился домой.

По мере неторопливого приближения к дому, мои чувства менялись, смещаясь от простого недоумения к озабоченным и даже взволнованным раздумьям.

Что это за таинственная встреча, свидетелем которой я стал? Таинственная не только своим странным разговором, но и потайной дверью в крепостной стене? Какое именно дело затевается послезавтра, «слишком серьезное», как выразился этот человек с неприятным голосом — хриплым и грубым. И еще что-то жестокое и зловещее было в нем.

Какие действия мне в этой ситуации предпринять?

Конечно, рассказать все сэру Джону! Как раз сегодня вечером, когда мы уединимся за шахматами.

А его больное сердце?... Ведь доктор говорил мне, что любая мелочь способна мгновенно привести к трагическому исходу.

«Тогда логичнее всего, — приближаясь к дому, подумал я, — посоветоваться с Мэтью Уиттоном».

Мальчик на велосипеде с большой кожаной сумкой подкатил к калитке в одно время со мной.

— Почта, мистер. Не подскажите, как мне найти капитана Дастингса? Ему телеграмма из Лондона.

Я молча достал из кармана мелочь и протянул мальчугану.

— Спасибо, господин капитан, — поняв, что нашел адресата, ответил он, и покатил дальше по переулку.

«Выезжаю завтрашним утренним через Ливерпуль, с пересадкой на Саутпорт. Пэро».

«Утренним»... то есть уже завтра днем мой знаменитый друг будет здесь.

Не камень, а целая гора свалилась с моих плеч! Какое счастье, что Эркуль приезжает завтра, и до этой странной истории остаются, по крайней мере, сутки. Не надо никого будоражить и ломать голову — что именно сейчас делать. Он-то уж, слава богу, разберется.

Совсем успокоившись, я переоделся и направился прогуляться к центральной площади, где в магазине имелся железнодорожный справочник.

«Ранний на Ливерпуль» — так значилось в телеграмме.

По справочнику оказалось, что это экспресс с отправлением в 7.00 из Лондона. Экспресс почти без остановок. В Ливерпуле — в 12.10. Далее, тридцатиминутный перерыв до местного поезда на Саутпорт и еще сорок минут в пути с прибытием сюда в 13.20.

Чудесно!

Теперь следовало решить — как лучше его встретить.

Проще всего, взять такси от вокзала.

Но в свете всех утренних событий, не лучше ли подстраховаться и попросить помочь Мэтью Уиттона, а заодно сразу ввести моего друга в круг местной публики и постараться предупредить какое-то, возможно, неблагоприятное или даже злое намерение?

Я быстро написал и отправил с соседским мальчиком в замок записку:

«Дорогой господин Уиттон! Как я уже имел удовольствие сообщить вам, сюда прибывает мой друг. Завтра в 13.20. Это, кстати сказать, довольно известная личность — детектив Эркуль Пэро. Не могли бы Вы одолжить автомобиль для его встречи? Необходимые водительские документы у меня имеются. С уважением, капитан Дастингс».

Через час я получил ответ и, честно говоря, именно такой, которого мне хотелось.

«С удовольствием приму участие во встрече Вашего знаменитого друга и выполняю роль водителя. Буду у Вашей калитки ровно в 13 часов. С уважением, М.Уиттон».

Была и немного грустная приписка: «Ночью у сэра Джона произошел стенокардический приступ. Легкий, но, к сожалению, нередкий для последнего времени. Он человек волевой и духом бодрый, поэтому несомненно будет рад видеть завтра у себя и Вас, и Вашего друга».

Таким способом мистер Уиттон давал знать, что беспокоить сэра Джона сегодня не желательно. Все было выражено с полной мерой ума и такта. На миг, забыв о случайно подслушанной утренней беседе, я подумал о том, с какими славными людьми свела меня здесь судьба — и старшим поколением, и молодежью.

Но тут же, физически, всей спиной я ощутил холод камней, к которым вынужден был прижиматься, слушая ранним утром те странные, если не сказать зловещие слова.

* * *

На следующий день Мистер Уиттон точно выполнил свое обещание, и ровно в 13 ноль-ноль мы двинулись по шоссе в сторону Саутпорта.

Езды было менее пятнадцати минут. День выдался нежарким, немного облачным, без резких солнечных лучей, и с легким, нежно обдувавшим лицо, ветерком с моря. Я вдруг подумал, что мог оторвать гостеприимного Уиттона от очередного морского промысла и тут же спросил об этом.

— Ну что вы, мои рыбные заготовки требуют всего двух-трех настоящих выходов в море. Можно было бы этого и вовсе не делать, а просто покупать рыбу у местного населения. Но в этом процессе есть своя традиция. А отказаться от чего-либо, проще и глупее всего. Вам нравятся мои розы перед замком? — неожиданно спросил он.

— Очень. Особенно белые.

Мэтью, не отрывая глаз от дороги, довольно и благодарно кивнул головой.

Поставив на стоянку машину, мы вышли на перрон и почти сразу увидели вдали лениво вползающий пассажирский состав. Еще через две минуты мимо нас медленно поплыли вагоны. И вот впереди, из середины одного из них высунулся, насколько позволял ему маленький рост, и радостно замахал руками, мой друг — Эркуль Пэро. Даже на отдалении была хорошо видна его добрая полудетская улыбка.

— Прекрасно узнается по газетным фотографиям, — тихо произнес Мэтью у меня за плечом. Еще через две минуты мы стояли на перроне, пожимая друг другу руки.

— Рад познакомиться с таким известным и доблестным человеком, — проговорил Уиттон, как мне показалось, даже с чувством некоторого смущения. — Все наши, в замке, с нетерпением ожидают знакомства с вами, надеются, что это произойдет уже сегодня вечером.

Я в нескольких словах объяснил моему другу о каком замке и людях идет речь, и какую любезность они нам оказывают, предоставив автомобиль для встречи.

Пэро тут же снова пожал руку Уиттону и рассыпался в благодарностях, обещая сегодня же быть с визитом, если это и впрямь будет удобно хозяевам.

Потом мы вдвоем подхватили багаж Пэро, включая и летний зонтик, оставив его неуклюже суетиться вокруг нас с просьбами: «ну дать же понести что-нибудь».

— А вы ведь не видели современный Саутпорт, мсье? — обратился Мэтью к моему другу, когда мы стали усаживаться в большой открытый автомобиль. — Да и вы, капитан, посмотрели его только мельком. Давайте воспользуемся случаем и проведем небольшую автомобильную экскурсию.

— О, это слишком любезно с вашей стороны... — начал свой вежливый протест Пэро, но Мэтью снисходительно махнул рукой, запуская мотор:

— Я сам люблю иной раз прокатиться по городу, посмотреть, как он растет, на торговые корабли у пирсов поглазеть. Бывают и из дальних стран. От них веет чужими землями, где нам, увы, вряд ли уже придется побывать.

* * *

Город действительно производил солидное впечатление.

С большим центром, где разместились хорошие гостиницы, рестораны и большое здание драматического театра викторианского стиля с ухоженным сквером вокруг. Деловая часть удивляла обилием торговых контор, судовых агентств и прочих, связанных с этим бизнесом, юридических и посреднических заведений. Мэтью кивнул головой на четырехэтажное здание, мимо которого мы проехали, с просторным фешенебельным подъездом:

— Там, в бельэтаже, приемный кабинет доктора Бакли. Имеет уже ассистента и медсестру. Для ожидающих пациентов в приемной развешаны тропические попугаи в клетках, и даже колибри есть. Заказывает это добро морякам на южноамериканских линиях.

— Весьма достойный и компетентный человек, — добавил я для своего друга. — Их коттедж недалеко от замка. У него прелестная дочь, и вы с ними скоро познакомитесь.

Ближе к гавани пошли кварталы попроще: несколько обиходных питейных заведений и кинематографов, широкий, рассчитанный на пару сотен человек танцзал, магазинчики, дешевые гостиницы для моряков и непритязательных приезжих. За всем за этим открылась гавань, и легкий морской ветерок понес к нам особенные, несвойственные никакому другому месту запахи: дерева, угольного дымка, смолы и водорослей, а главное — моря. Зеленого у пристаней и пирсов, с неряшливой белой пеной, слегка поднимающейся вокруг свай.

Внизу на пристанях и пришвартованных судах шла размеренная и с виду неторопливая работа. Небольшие каботажные суда разгружались или грузились ручной силой, а более крупные — дальнего плавания — портовыми кранами. Сновали моряки в синих и темно-серых робах, и любопытно было поглазеть на подпачканные копотью трубы, с рисунками диковинных флагов, и на немало повидавшие на своем веку якоря. Кто-то вдали басовитым гудком оповещал о своем прибытии или, уходя, прощался.

Мы медленно проехали по набережной в сторону городских окраин, где начиналось наше шоссе на Престон.

Набережная закончилась. Порт остался позади, и вместо морских судов, вдоль узкой дощатой полосы над водой, отделенной от берега невысокими перилами, теснились баркасы с закрученными вокруг мачт парусами, ботики, большие и маленькие лодки — нехитрые средства для плавания живущих у моря людей. Прикованные к мосткам короткими цепями, они вразнобой покачивались, образуя, казалось, бесконечно длинную линию. Это зрелище вместе с нежным морским ветерком убаюкивало. На время все мои мысли и заботы улетучились.

Наверное, это состояние измерялось немногими секундами, что-то вдруг заставило меня очнуться и обратить внимание на спутников.

Я понял — машина стояла на самой окраине. Мэтью негромко продолжал свой экскурсионный рассказ, показывая рукой на море, и вместе с Пэро они смотрели в его синюю даль. Я вспомнил слова моего друга о далеком детстве, бабушке, жившей, скорее всего, на таком же, вот, побережье. И судя по грустно-улыбчивому выражению его глаз, понял, что угадал его теперешнее настроение.

— Ну вот, — подводя черту экскурсии, произнес Уиттон, — теперь можно ехать домой.

— Весьма вам признателен, весьма, — проговорил Пэро. — Я будто попал в другой мир и только сейчас вполне почувствовал, как мне этого в последние несколько лет не хватало.

— Ну и отлично, — довольно улыбнулся Мэтью, берясь за руль, — отдохнете у нас как следует. Стартер прожурчал знакомый мотив, прожурчал еще и... мы не двинулись с места. Следующая попытка закончилась точно также.

— Что за незадача! — Наш водитель вышел из автомобиля, запрокинул капот и несколько секунд смотрел внутрь неопределенно потрагивая механизмы руками. — Мистер Дастингс, не могли бы вы поработать стартером?

— Конечно могу.

Я быстро пересел на водительское кресло и сделал несколько безуспешных запусков.

— Достаточно, спасибо. Я, кажется, понял. — Он с полминуты повозился в кишках машины, невидимый за поднятым капотом, а потом вынырнул наружу. — К сожалению, так и есть... — В его руке был белый цилиндрик свечи зажигания.

— Вышла из строя?

Он кивнул головой и бросил бесполезную свечу в сторону: — И самое обидное, что у меня нет другой в запаске. Ну, ничего, здесь до механического магазина всего несколько минут быстрой ходьбы. Значит, минут через десять я возвращусь.

Мы оба взглянули на часы, они показывали ровно два.

На лице Уиттона мелькнула болезненная гримаса:

— Что за проклятое невезение!

От досады он с силой захлопнул капот, и это привлекло внимание Пэро, который не очень следил за нами, оставаясь еще в плену старых грез.

— Что-нибудь произошло, друзья? Я могу помочь?

Расстроенный Уиттон замотал головой:

— С двух до трех у них перерыв. Какой кошмар, джентльмены. Это моя непростительная ошибка. Но свечи выходят из строя так редко, и надо же такому случиться!

— А, — быстро понял Пэро, — вы не можете сейчас купить нужную деталь? Не огорчайтесь, бога ради. Это мы виноваты, что злоупотребляли вашим гостеприимством.

— Именно! — поддержал я. — К тому же мы на отдыхе и нам некуда спешить.

Беднягу Уиттона эти слова не очень утешили. Он было попытался еще что-то сказать в свое обвинение, но Пэро не дал этого сделать:

— Я полагаю, — он указал на уходящее в луговую даль шоссе, — что лучше всего поступить так: нам с Дастингсом совсем не вредно пройти пешком. Вы ведь не возражаете, топ ами? Вот и отлично! После поезда это будет не только приятная, но и просто необходимая для меня прогулка. А вы, мистер Уиттон, подвезете нам потом багаж к дому, за что мы вам будем крайне благодарны. — Он быстро схватил зонтик и полез из машины. — Вы говорили — всего две мили? Мы одолеем их меньше чем за час. А когда вы подъедете, — он ободряюще взял Мэтью под локоть, — я знаю, у Дастингса всегда припасена бутылка отменного виски. Так вот, когда вы подъедете, мы попробуем, действительно ли оно такого уж высокого качества, м-мм?

Настроение, кажется, стало к Уиттону возвращаться.

— С удовольствием, господа, — все еще виновато улыбаясь, выговорил он, — я буду уже в три с небольшим у вашего дома.

— Ну и отлично. Вперед, Дастингс! Теперь вы становитесь моим экскурсоводом.

* * *

Уже через десять минут неторопливой ходьбы мы оказались среди обворожительной природы. Дорога, как я уже говорил, уходила от берега вглубь ярдов на триста, и это пространство между ней и берегом поблескивало от серебристой высокой травы. Берег на всем протяжении был каменистым и приподнятым на три-четыре ярда, так что видимая черта воды несколько отдалялась. С другой стороны дороги береговая скалистая порода уступала место обычной лесистой почве. Отдельные кустарники и небольшие деревья подходили почти вплотную к шоссе, а далее, ярдах в двухстах, начинались крупные дубы и клены. Лес уплотнялся, оставляя между деревьями лишь небольшие просветы.

— Простите, что не спросил об этом сразу, как ваши зубы, Пэро?

— Зубы? Бог мой, в этом прекрасном мире у меня улетучилась из головы память о всей этой канители. Доктор прекрасно все сделал. Однако же, как по-вашему, это не отразилось на моей дикции? Как я произношу букву эр-рр?

— Эль, как, эль, — спокойно ответил я. — Произносите как обычно.

— Э, Дастингс! Послушайте еще раз: эр-рр!

Я довольно рассмеялся:

— Успокойтесь Пэро! Здесь провинция, здесь так шутят.

— Угу, это новость. Я думал, что даже в английской провинции так могут шутить только люди, не перешагнувшие сержантского звания. Оказывается и капитаны тоже. Примечательно.

Мы еще некоторое время шли, обмениваясь нехитрыми шутками, когда я вдруг вернулся мыслями к странному эпизоду у старой стены замка и пережитым мною тревожным ощущениям. Надо было оставить пустяки и приступить к рассказу.

Впрочем, моим намерениям ненадолго помешали два всадника.

Молодая пара, совершая конную прогулку, на легком ходу проскакала по лугу слева от нас, направляясь, по-видимому, в Престон. Женщина смеялась и что-то говорила молодому человеку. Лошади были отличные, а всадники — одеты в красивое верховое платье.

— Может быть, и нам как-нибудь стоит прокатиться, Пэро? Мне говорили, отдыхаящим здесь нетрудно взять хороших лошадей напрокат.

— Нет, *top atі*, вряд ли я буду так приятно смотреться в седле, как эти люди. Попробуйте, если хотите сами. Взгляните, — он показал рукой в направление леса, — еще один.

По другую сторону дороги, почти невидимый за кустарником и стволами деревьев очень быстро скакал еще какой-то всадник.

— Бог с ними, со всеми, Пэро. Послушайте теперь, пожалуйста, внимательно. У меня есть кое-какие новости.

* * *

Во время всего моего рассказа Пэро слушал не прерывая и слегка поигрывал зонтиком. Закончив, я некоторое время ждал и, наконец, не выдержав, спросил:

— Ну, и что вы об этом всем думаете?

— Думаю, что тем более не стоит тянуть с визитом в замок, хотя ... до завтрашнего дня у нас еще есть время. И думаю неплохо, что вы дождались меня и не стали об этом трезвонить. — Он осторожно потрогал правым мизинцем кончики своих идеально подстриженных усов. — Любопытная история. А впрочем, истории с интригующим началом нередко заканчиваются пустяками.

Я вдруг обратил внимание, что мы уже близки к цели. Впереди, в двухстах ярдах, был виден коттедж мистера Бакли. Я сказал об этом Пэро и тут же заметил, как мужская фигура быстро ступила на крыльцо дома и скрылась внутри.

— И сам доктор вернулся, — добавил я. — Значит, ездил к пациенту куда-то поблизости.

Мы миновали коттедж, я взглянул на плотно зашторенные окна. Как бывает, когда хозяев нет дома. Автомобиля тоже не было видно. Наверное, он уже стоял запертым в гараже.

Еще через пять минут мы подошли к тому месту, где от основной дороги начиналась другая, ведущая к замку, и сам он уже был виден в просветах парка между деревьями.

Пэро с интересом посмотрел в ту сторону:

— Любопытное строение, — произнес он, внимательно вглядываясь, — я что-то не пойму, кажется там и старая крепостная башня, и более современная архитектура? Замок перестраивался?

— Да, от старого остались две башни по бокам, вон, видите вторую, и та часть, что смотрит на море. А все, что в центре, встроено в начале восемнадцатого века.

Мы как раз поравнялись с центральной частью и с невидимым отсюда крыльцом, к которому между деревьями вела прямая аккуратно постриженная травяная дорожка. Я взглянул на часы. Было без двадцати минут три, следовательно, до появления Мэтью оставалось не менее получаса.

— У нас еще много времени, пройдем до середины парка, вы сможете оттуда рассмотреть замок лучше. А если встретим кого-нибудь из молодежи, сообщим, почему задерживается Уиттон, — предложил я.

Мы двинулись по тенистой дорожке и вскоре оказались под кронами ближних к замку деревьев, откуда открывался полный вид на красивое здание. Даже неплохо была видна прекрасная клумба из алых и белых роз перед невысоким полукруглым крыльцом.

Пока мой друг с интересом осматривал дом, входная дверь приоткрылась и на крыльце, щурясь на солнце, появился Каспер. Ему было трудно заметить нас на таком расстоянии, да еще в тени деревьев, и я уже собирался издали его окликнуть, когда заметил, что Пэро сделал несколько шагов в сторону и начал, присев, разглядывать что-то чуть наискось за линией кустов шиповника, за которыми, я знал, шла поперечная парковая дорожка. Меня удивило выражение его лица. Оно заострилось, стало мрачным и жестким.

— Дастингс! — отрывисто произнес он. — Идите сюда! Смотрите...

Я еще не успел вполне осознать увиденное, как какая-то сила заставила нас обоих броситься вперед!

Отделявший нас от дорожки плотный кустарник едва доходил мне до плеча. Там, по его другую сторону, лицом вниз лежал Джеральд Холборн. Я сразу узнал его по тому самому летнему костюму и шляпе, сползшей теперь на траву и оголившей затылок с густым, облепившем волосы пятном — пятном темной крови.

Я, видимо, сделал попытку преодолеть кусты, потому что почувствовал, как Пэро схватил мой локоть и услышал его слова:

— Нет! Так не надо. Обойдите кругом и осторожно проверьте, жив он или нет.

Я тут же обежал кусты и оказался рядом с телом.

Рука мне показалась теплой. Я попробовал повернуть тело, и оно, неожиданно резко, само опрокинулось на спину.

На меня смотрели пустые застывшие глаза.

Глаза Стива Харди!

* * *

Я ошарашенно посмотрел на Пэро. Он, вытянувшись за кустами на цыпочках, видел все.

— Мистер Дастингс! — услышал я с крыльца голос Каспера. — Это вы? Мне плоховато видно против солнца!

— Да, Каспер, здравствуйте! — ответил я, не очень понимая, что делать дальше. И тут же услышал голос своего друга:

— Это слуга? Скажите ему, чтобы подошел, но не очень близко.

Я тут же исполнил его приказание.

— Иду, сэр. — Каспер двинулся в нашем направлении. — А кто это с вами?

Он по-прежнему щурил глаза на солнце, но уже видел нас хорошо.

— Сейчас мы вам все объясним, — ответил за меня Пэро. — Подойдите еще поближе, но не выходите на поперечную дорожку.

— Извольте, сэр, но почему?

— Потому что там лежит труп.

Ответ прозвучал негромко, но достиг ушей Каспера, который, будучи отделенным зеленой преградой, уже стоял ярдах в десяти от злосчастного места, хотя и не мог видеть тела.

— Как вы сказали, сэр? — переспросил он, напряженно вытягивая шею.

— Там труп Стива, Каспер, — ответил я, ощущая, как мои взбунтовавшиеся нервы неприятным комком дергаются под ложечкой. — Мы только что на него наткнулись. А это мой друг, Эркуль Пэро.

Каспер, уставившись на меня все с тем же выражением, напряженно слушал.

— Идите в дом, — отчетливо выговаривая слова, приказал Пэро, — и вызывайте по телефону полицию. Немедленно.

— Конечно, сэр, полицию...

Бедняга сделал два шага назад, наткнулся спиной на ветки и, неуклюже развернувшись, заспешил к крыльцу.

— Что там случилось, Каспер?

Это уже был голос мисс Беты Бакли. И почти сразу я увидел ее среди зелени. Она приблизилась к нам с левой стороны замка. Ничего не ответив, слуга вбежал на крыльцо и скрылся внутри.

— Остановите ее, — энергично прошептал Пэро. — И держите подальше отсюда.

— Мисс Бета! — я быстро обогнул кусты и пошел к ней навстречу.

— А, капитан, рада вас видеть! Но что произошло с Каспером? Случилось неладное?

Она остановилась и удивленно посмотрела на меня большими темными глазами.

— Пойдемте лучше к цветочной клумбе. Кое-что действительно случилось. Я сейчас объясню.

— Пойдемте... — неуверенно согласилась она.

Воспользовавшись этим, я быстро направился к дому, и девушка вынуждена была почти побежать за мной.

— Скажите же, наконец, мистер Дастингс! — Теперь мы стояли почти у крыльца. — Мне уже просто не по себе!

— Убили Стива. В затылок, — коротко сказал я. — Туда нельзя ходить до приезда полиции.

Ее колодезный взгляд уперся в меня еще сильнее. Мне показалось, что я почувствовал исходящую оттуда силу.

— Но это не-воз-мож-но! — медленно выговорила она. — Стив?!

Я молча кивнул.

На несколько секунд мы оба застыли. Потом она неожиданно повернула голову и посмотрела вдаль мимо моего плеча.

— А почему вы решили, что он уже мертв?! Нужен врач, я немедленно позвоню отцу!

Теперь уже я был вынужден поспешить за ней.

Телефонный аппарат находился в холле. И Каспер, договорив последние слова полиции, не успел еще повесить трубку, как ее перехватила Бета.

— Полиция в Саутпорте сказала, что они немедленно выезжают, — доложил он мне.

Я взглянул на часы в углу — было без двенадцати минут три.

— К трем приедут, — посмотрев туда же, добавил Каспер. — Какие будут еще приказания? — Все то же напряженное выражение не сходило с его лица.

— Указания? — Только сейчас я подумал о хозяевах дома. — Надо срочно сообщить о случившемся Джеральду и сэру Джону! Нет, постойте... — я сразу вспомнил о его больном сердце, — ему нельзя так сразу об этом говорить.

— Ваша правда, мистер Дастингс, нельзя. Может быть, лучше подождать доктора, чтобы он дал заранее лекарство или приготовился к срочным мерам? Такое сообщение очень дурно подействует на сэра Джона.

— Так и сделаем. Но необходимо найти Джеральда. Где он?

— У себя, сэр. После завтрака он поднялся наверх и с тех пор не выходил из дома.

— Мистер Дастингс! — Бета повернулась ко мне, не отрывая от уха телефонную трубку. — В городской приемной папы нет. Ассистент сказал, что он уехал два часа назад к пациентам. И дома его тоже нет.

— Как нет? — Я вспомнил фигуру доктора, буквально минут десять назад скользнувшую в дверь коттеджа. — Впрочем... особой срочности сейчас нет, в данную минуту он все равно помочь не сможет.

— Но почему?

Я вынул из рук девушки трубку и положил на рычаг.

— Потому что в моих словах не было ошибки, мисс. Постараемся держать себя в руках. Стив мертв, это факт. К сожалению, мне в жизни пришлось видеть немало трупов.

Наступила тишина. Я знал, что страшные истины доходят до людей не сразу и в их окончательные мгновения лучше не смотреть друг на друга.

Тишина продолжалась, и мне не хотелось нарушать ее первым. «Но все же, — подумал я, — надо поскорее сообщить о произошедшем Джеральду».

И почти сразу, мне показалось, раздались шаги на втором этаже. Нет, не показалось. Я поднял голову. По ступенькам, весело улыбаясь, уже спускался Холборн-младший. Как всегда элегантно. В ослепительно белой рубашке и таких же брюках спортивного стиля.

— Простите, что задержался, Бета. Рад видеть вас, капитан. Вы встретили своего друга?

Девушка только взглянула на него в ответ, Каспер стоял неподвижно, неловко вытянувшись.

Следовало действовать быстро и энергично.

— Мне нужно сказать вам два слова, Джеральд, — стараясь выглядеть совершенно спокойным, произнес я, — пройдем на минуту в библиотеку. Всего на одну минуту.

Он еще не успел вполне приблизиться к нам, как я пошел навстречу и увлек его за собой в соседнюю комнату.

— Ваш двоюродный брат, Стив, — едва закрыв дверь, начал я, — только что убит в парке перед замком. От вашего хладнокровия сейчас многое зависит. Постарайтесь сразу преодолеть это кошмарное чувство.

Лицо Джеральда застыло.

— Повторите.

Я повторил.

— Как это произошло?

— Мы обнаружили его вместе с моим другом Пэро. Тело было почти теплым. С минуты на минуту должна приехать полиция.

— Они, — он кивнул в сторону двери, — уже знают?

— Да.

Он, глядя в пол, покусал краешек нижней губы, потом решительно произнес:

— Надо все предпринять, чтобы это известие не убило отца.

— Разумеется, Джеральд. Вы сами должны решить, как лучше это сделать. И присутствие доктора, я думаю, необходимо.

— Конечно... да, а где дядя Мэтью? Разве вы приехали не вместе?

— Мы пришли пешком, а он задержался из-за поломки автомобиля.

Кажется, Джеральд хотел еще что-то спросить, но мы оба услышали звук шуршащих по гравии шин и устремились на крыльцо.

В открытой полицейской машине сидели четверо. Один из них, в штатском, лет пятидесяти, походил на старшего.

Он сразу же поздоровался за руку с Джеральдом.

— Это начальник полиции Саутпорта, лейтенант Кагерли, — представил тот нас. — А это мистер Дастингс. Именно он и его друг Пэро обнаружили... — молодой человек чуть замялся, не желая произносить ужасное слово, — обнаружили тело Стива.

— Э, как вы назвали второго господина? — переспросил лейтенант.

— Эркюль Пэро, — с подтверждающим кивком ответил я.

Брови полицейского на секунду приподнялись и опустились.

— Ну что ж, пойдете, — быстро проговорил он. — Вам, мистер Холборн, и... — он искал глазами, — вашему слуге придется тоже пройти для опознания.

Пока меня не было, Пэро не изменил ни своего места, ни даже позы, в которой стоял. Он вежливо поприветствовал полицейских приподнятой шляпой и, только когда они приблизились, отошел назад в тень ближайших деревьев, приглашая меня жестом присоединиться.

В моей голове вдруг мелькнула мысль, что именно там, совсем незадолго до нашего появления, мог стоять и преступник, подкарауливая жертву, защищенный тенью и ветками и невидимый с солнечной стороны замка.

Вместе с полицейскими к телу подошли Джеральд и Каспер. И почти тут же до меня донеслись слова последнего: «Сэр, на нем ваша одежда!».

По-видимому, на самого Джеральда это не подействовало неожиданно. Он что-то проговорил лейтенанту и, выслушав, тот кивнул в ответ головой. Судя по всему, на этом и закончилась процедура опознания убитого.

Полицейские принялись осматривать все вокруг. Они постоянно перекидывались словами, в которые я не очень вслушивался, однако вскоре возглас оттуда заставил обратить на себя внимание.

Один из сотрудников с довольным выражением поднял в воздух руку и передал что-то лейтенанту Кагерли. Тот тоже, похоже, обрадовался находке.

Еще через пять минут лейтенант направился к крыльцу, а кто-то из полицейских прокричал моему другу:

— Мистер Пэро, господин лейтенант просит вас пройти с нами. И вас, мистер Дастингс.

Двинувшись, мы увидели, что двое сотрудников уже доставали из автомобиля складные носилки.

— Везите тело в морг, — коротко скомандовал им начальник и, указывая на полицейских пальцем, добавил: — ты, останешься на вскрытие. А ты, вернешься за мной.

— Есть, сэр! — одновременно ответили оба.

* * *

— Я, конечно, не буду сейчас тревожить сэра Джона, — начал лейтенант, когда все мы, кто как, расположились в холле, — но остальные должны предельно отчетливо рассказать мне о том, что связано с этим ужасным убийством. Понимаю состояние родных и близких, однако вынужден буду задавать вопросы. Не злоупотребляя ими, разумеется. Могу я кого-нибудь из вас, господа, попросить начать? — он повернулся в нашу с Пэро сторону.

Мне достаточно было одного короткого взгляда, чтобы понять желание моего друга пока не участвовать в разговоре.

Мой рассказ был, естественно, короток.

Вторым по очереди оказался Джеральд. Как выяснилось из его тоже очень немногих слов, он сразу после завтрака отправился к себе в мастерскую, что в верхней части правой башни, если глядеть с крыльца. Оттуда не виден парк, только море. Выстрела он не слышал, а может быть, работая, не обратил на него внимания. Примерно без двадцати три, закончив эскизы, он прошел в свои комнаты в новой части замка, в том же правом крыле, где и комнаты отца, переоделся и спустился вниз. И только тут узнал о случившемся. Что же касается одежды Стива, этот костюм — точная копия его собственного. Будучи здесь месяц назад, он обещал кузену сделать такой подарок.

Каспер и Бета сообщили практически одинаковые, но уже более важные сведения.

Оба находились в левом крыле здания. Точнее, девушка сидела на свежем воздухе в одном из кресел на небольшой площадке, ярдах в двадцати от обрывистого берега. Это любимое всеми место отдыха: и хозяев, и гостей. Стив и Джеральд тоже должны были прийти туда, но задерживались. Со стороны замка на площадку выходит окно кухни и боковая дверь. В кухне в это время трудился Каспер. Окно было приподнято, и они с Бетой время от времени переговаривались. В половине третьего оба услышали выстрел в парке, но не придали ему особого значения, так как подумали, что это Стив и Джеральд затевают стрельбу, как несколько дней назад. Джеральд, ведь, так Бете прошлым вечером и сказал: «Приходите пораньше, что-нибудь придумаем, прежде чем нам покажут знаменитого детектива». Но одинокий выстрел и отсутствие молодых людей вскоре показались девушке странными. Через некоторое время она подошла к кухонному окну и попросила Каспера узнать, чем они там так увлечены, что позабыли про ее существование. Тот и отправился на крыльцо взглянуть.

— А что сэр Джон? — спросил Кагерли. — Он не покидал сегодня своих комнат на втором этаже?

— Нет, — ответил Каспер, — он не очень хорошо себя чувствовал последние два дня, не спускался к столу ни вчера, ни сегодня утром, но собирался поужинать вместе с гостями вечером. — Он указал глазами в нашу сторону и, чуть помолчав, добавил: — Сэр Джон в связи с этим приказал мне привести в порядок малый серебряный сервис для ужина. Чем я и занимался на кухне.

Джеральд, опять закусив губу, машинально поднял глаза наверх, туда, где сейчас в неведении находился его больной отец. Мне стало ясно, о чем он с волнением подумал.

По-видимому, это понял и лейтенант:

— Последний вопрос, господа, — он встал, давая понять, что первый разговор почти закончен. — Погибший никогда ничего не говорил о своих возможных врагах?

Ответом послужило отрицательное покачивание головами.

— Не выказывал косвенным образом страха, опасений? Нет?.. Тогда на этом пока закончим. — Он подошел к Джеральду и пожал на прощание руку: — Примите мои глубокие соболезнования.

Мы с Пэро сделали то же самое.

— Где окна сэра Джона? — спросил лейтенант у провожавшего нас на крыльце Каспера. — Он не мог оттуда что-нибудь заметить?

— Он бы дал об этом знать, — резонно ответил слуга. — К тому же, сюда выходят только окна спальни, а находясь у себя, первую половину дня сэр Джон всегда проводит в кабинете. Там боковая сторона.

Мы отказались от предложения лейтенанта подождать машину.

— А знаете что, тогда, если позволите, я прогуляюсь, до шоссе вместе с вами, — попросил он.

— Мы и сами бы этого хотели, лейтенант, — сказал Пэро. — Мой друг стал случайным свидетелем одной любопытной сцены. Сейчас он вам сам про нее расскажет.

— И вы даже предположительно не можете сказать, капитан, кто из жителей замка разговаривал с тем незнакомцем? — спросил Кагерли, как только я закончил. — Жаль. — Он потер шею и полувопросительно произнес: — Выходит, что участвовал кто-то из своих, а срок убийства был перенесен с завтрашнего дня на сегодняшний?

— Я бы не спешил с таким выводом, лейтенант, — спокойно возразил Пэро.

— Вы полагаете, что эти события могут не иметь друг с другом связи? Впрочем, — не дожидаясь ответа, проговорил он, — в этом неладном замке всякое может случиться.

— Вы имеете в виду события двадцатилетней давности? — переспросил я. — Мне их рассказывали, но только в самых общих чертах.

— Какие события? — Пэро удивленно приподнял брови. — Вы ничего не говорили мне, *mon ami*.

— Просто еще не успел. Столько ведь неожиданного случилось.

— А я эту историю знаю не в общих чертах, джентльмены. — Угрюмое выражение на лице лейтенанта, как мне показалось, усилилось.

Мы как раз вышли на шоссе Саутпорт-Престон. Полицейской машины еще не было видно. Да и вообще дорога была пуста в обе стороны.

— Здесь всегда так малоллюдно? — оглядевшись, спросил Пэро.

Лейтенант кивнул:

— Летом в середине дня всегда. — Он задумчиво покачал головой, снова взглянул на дорогу, а потом на каждого из нас поочередно.

— Честно вам скажу, мсье Пэро, от вас и от вашего друга не скрою, я чего-то похожего на сегодняшний день давно опасался. У нас за двадцать с лишним лет после того ужасного случая ничего чрезвычайного не происходило. То есть работы у полицейских всегда хватало — портовый город. И заводы строятся, народ прибывает. Кражи. Поножовщина не такая уж редкость. Бывали и смертельные исходы. Но всегда понятно как и почему. Преступников либо мы сами задерживали, либо по нашим данным в других городах их хватали. Раскрываемость у нас высокая, и в Лондоне полицейское управление Саутпорта на хорошем счету. А тут такая непонятная история, и опять в этом замке. Вдобавок, то, что вы сейчас рассказали, мистер Дастингс, совсем привело меня в замешательство.

— Мы с удовольствием помогли бы вам, лейтенант, — дружелюбно предложил Пэро, — заезжайте сегодня к нам вечером. Не спеша все обсудим. Расскажите нам в подробностях ту историю.

— Неловко. Выходит, что я напросился. Не говоря уже о том, что это нарушит ваш отдых.

— Не беспокойтесь. — Заметный одному мне радостный огонек загорелся в глазах моего друга. — Ничто так не способствует хорошему отдыху, как активная работа мозга.

На этом мы и расстались, оставив лейтенанта Кагерли дожидаться автомобиля.

* * *

Миссис Роббинс встретила нас у калитки и объявила, что Мэтью Уиттон совсем недавно доставил багаж, который она уже перенесла в приготовленную для моего друга комнату.

— Он очень удивился, не найдя вас здесь.

— Мы зашли в замок, — коротко объяснил я, — и, видимо, разминулись на обратном пути, когда возвращались через парк.

Попросив миссис Роббинс подать через сорок минут обед, мы разошлись по своим комнатам.

Пэро, конечно, требовалось время, чтобы разложить вещи и освоиться на новом месте, я же, переодевшись и имея в запасе свободные полчаса, сел в удобное плетеное кресло и погрузился в навеянные событиями раздумья.

Гибель молодого ни в чем не повинного человека была чудовищна нелепа. Я не успел познакомиться с ним близко, но он производил, бесспорно, симпатичное впечатление. Был мил, любезен. И, наверное, влюблен в Бету Бакли, почему-то подумалось мне. С кузеном у него были явно дружеские отношения. Так, во всяком случае, это выглядело для постороннего. Казалось, само

спокойствие царило в этом замке с деятельным Мэтью Уиттоном, внимательным, располагающим к себе слугой и умным гостеприимным хозяином сэром Джоном.

Внезапно беспокойная мысль, как тот лесной всадник, пронеслась в моей голове. А мог ли так уж спокоен быть дом, где его хозяин потерял отца и брата? Брата, обвиненного в самом страшном из мыслимых убийств. И не был ли несчастный Стив постоянным напоминанием сэру Джону о той ужасной, хотя и давней трагедии? И не только ему. Старый Чарльз Холборн был ведь и отцом Мэтью, воспитывавшим его после смерти матери.

Тяжелые мысли неожиданно потащили меня за собой.

А что известно об этом погибшем мальчике? Изгнаннике, с клеймом сына преступника, вынужденном после смерти отца, спасаясь от бедности, приехать к родственникам и просить помощи. С каким чувством он переступал порог этого замка? Его наследственного, между прочим. Ведь он был сыном старшего брата, а значит и замок, и высокое дворянское звание, с правом на законное место в палате лордов, наследовал он, а не Джеральд. Однако имел ли Стив на это достаточные юридические права? Какие вообще права в таком странном положении ему принадлежали? И как к этому внутренне относился Джеральд?

Будто вслед моим мыслям неизвестно откуда взявшиеся серые тучки закрыли солнце, прохладный воздух втянулся в комнату через открытое окно, а потемневшие кроны деревьев настороженно зашевелили ветками.

Легкий стук раздался в дверь, и она тут же приоткрылась.

— Дастингс, — Пэро всунул свою голову внутрь, — я готов. И если мои часы не врут, сейчас самое время перекусить. Только... — он подозрительно повел назад ноздрями, — что это за странный резкий запах доносится со стороны столовой миссис Роббинс. Не испортилось ли у нее что-нибудь на плите?

— Думаю, нет, — мне неожиданно стало смешно, — это та самая камбала с морковью и луком, о которой вы так мечтали в Лондоне. Свежая и очень больших размеров.

— Теперь узнаю, — не вполне уверенно проговорил он, — как это я сразу не понял.

Конечно, память о детских впечатлениях нас нередко обманывает. И воспитавшему в себе тонкий вкус, моему бедному другу сейчас явно расхотелось есть эту вульгарно пахнущую рыбу. Но отступить было поздно, и решительно вздохнув, как перед зубным кабинетом, он начал спускаться в столовую.

* * *

После обеда я решил немного прогуляться по поселку и сделать в лавках небольшие покупки. Грозившие дождем тучки рассеялись, но сделали свое дело — стало уже не жарко. Пэро, которому, как он сказал, уже надоело сегодня перемещаться, остался дома. К тому же, время шло к вечеру, мог подъехать лейтенант Кагерли, и одному из нас следовало его встретить.

О случае в замке уже стало известно. На улицах и в лавках до меня несколько раз долетали обрывки разговоров. Женщины с печально-недоуменными взглядами покачивали головами.

Послonyaвшись некоторое время, я повернул домой и, оказавшись на своей улице, сразу увидел полицейский автомобиль у калитки дома.

— К вам только что приехал гость, — показывая пальцем на комнаты второго этажа, строгим полупрошепотом произнесла миссис Роббинс. — Должно быть, в связи с той историей в замке?

Я утвердительно кивнул и поднялся наверх.

— Вы правы, лейтенант, — услышал я из-за плохо прикрытой двери в комнату Пэро, — у камбалы неприятный и слишком устойчивый запах, но мой друг Дастингс ее просто обожает... А! Вот и он, входите, входите. Мы тоже только что вошли, но я предусмотрительно распорядился принести лед к вашему прекрасному виски. Надеюсь, вы не откажетесь, лейтенант?

— С удовольствием немного выпью. Сегодня чертовски скверный день. Вы еще не все знаете, джентльмены, — он тяжело опустился в предложенное кресло. — Вы не все еще знаете.

Такое начало сулило мало хорошего, и мы оба удивленно уставились на нашего гостя.

— Я к вам прямо из замка. Сэр Джон найден мертвым в своем кабинете. Его обнаружили минут через тридцать-сорок после нашего ухода. Нет, это не похоже на убийство, — он слегка расслабил галстук, — доктор Бакли утверждает, что это почти наверняка инфаркт. Тело направлено на вскрытие, скоро наш эксперт даст официальное заключение.

— Инфаркт был вызван сообщением о гибели племянника? — спросил Пэро. — А доктор, он что, не дал предварительно сильных успокаивающих?

— В том-то и штука, джентльмены, что они только собирались это сделать. Доктор, вскоре после нашего ухода, позвонил в замок узнать, не там ли мисс Бета, услышал о случившемся и быстро примчался, захватив с собой нужные медикаменты. Решили, что войти лучше сначала только ему в сопровождении Каспера, поговорить с лордом о самочувствии, пощупать пульс и сделать под благовидным предлогом укол — сэр Джон был послушным пациентом. Однако когда они вошли, тот был уже мертв.

Виски, после такого сообщения, действительно не помешал. Мы с лейтенантом сделали по приличному глотку, но Пэро только повертел в руках свой стакан.

— Вы спросили доктора Бакли о примерном времени наступления смерти?
— Конечно, мсье. Она случилась не менее чем за час до их появления.
— Значит, — прикинул я, — это могло произойти, когда мы все были в парке. То есть, когда вы осматривали труп, а мы с Пэро наблюдали за этим. А Джеральд, Каспер и Бета выпали из нашего общего поля зрения.
— Именно так, капитан. Поэтому я позволил себе спросить всех троих: где каждый в то время находился. Выяснилось, что Каспер стоял на пороге открытой двери и тоже наблюдал оттуда за происходящим. Мисс Бета сидела на стуле в холле. А мистер Холборн-младший поднялся ненадолго к себе наверх.
— И никто из них не входил к сэру Джону?
Кагерли отрицательно помотал головой:
— Утверждают, что никто.
— Следовательно, слуга и девушка все время видели друг друга? — уточнил Пэро.
— Точнее, девушка видела слугу через открытую на крыльцу дверь. Впрочем, смерть сэра Джона могла произойти и некоторое время раньше.
— М-мм, прекрасный виски, Дастингс, — сделав маленький глоток, Пэро встал и прошелся по комнате. — Вы уже сообщили о сегодняшних событиях в Лондон, лейтенант?
— Да, связался прямо из замка. Оттуда сказали, что завтра для руководства расследованием к нам выедет старший инспектор Джап. Я слышал раньше это имя, но не сталкивался с ним.
— Зато мы с Дастингсом сталкивались с ним не раз. А, топ аті? Опять нам очень повезло? Его иронический тон насторожил полицейского.
— Вам не слишком хочется иметь с ним дело, мсье? — осведомился он. — Не очень приятный тип?
— Скорее наоборот — не из самых неприятных. Вдобавок, я к нему привык. А теперь, лейтенант, будьте так любезны, сделайте еще хороший глоток виски и расскажите нам обещанную историю, о которой Дастингс знает совсем немного, а я — вообще ничего.

* * *

Надо заметить, что Кагерли оказался неплохим рассказчиком. И с точки зрения полицейского репортажа, обладал способностью к четкому и короткому изложению. Поэтому лучше всего передать услышанное в тот вечер в прямой речи, тем более, что я почти дословно ее запомнил. Вот, что мы вскоре узнали.

«Я, джентльмены, пришел в полицию после армии. Три года проработал в Ливерпуле простым полицейским. Потом там же закончил сержантскую школу и получил направление в Саутпорт. Приехал за месяц до событий, о которых сейчас расскажу.

В замке постоянно жили тогда: старый Чарльз Холборн и его рано овдовевший младший сын Джон с известным вам Джеральдом. Хорошо его помню — семилетнего, хотя уже двадцать два года миновало.

Мэтью Уиттон — сын Чарльза Холборна от гражданского брака, как вы наверно знаете, — имел тогда небольшую квартиру в Саутпорте, работал там школьным учителем истории и пытался вести самостоятельную жизнь. В замок он приезжал только в пятницу, проводил там два дня и в понедельник пораньше отправлялся прямо на уроки. Первый сын Чарльза Холборна, Майкл — он тремя года старше Джона — был холост и жил постоянно в Лондоне, хотя нередко наведывался в замок. Возраст его приближался тогда к сорока. Человек он был уже довольно известный и числился в когорте молодых политиков с большим будущим. Образован был прекрасно. Но вот с отцом у него отношения становились все хуже и хуже. Как будто природа задалась целью — сделать из родных людей врагов. Оба были по характеру непримиримы. И по темпераменту друг друга стоили. Лорду Чарльзу хоть и за шестьдесят перевалило, но сил ему было еще не занимать.

Майкл был политиком по призванию и, разумеется, должен был наследовать скамью отца в палате лордов. Но вот по политическим взглядам они со старым Холборном совершенно расходились. И не потому, что Майкл был каким-нибудь «левым», «радикалом». Просто, как все говорят, он не выносил, когда дело не делается должным образом. Считал, что его отец и ему подобные люди в парламенте — замшелые консерваторы, больше брюзжат, чем ищут решения, и тянут Англию назад. Возможно даже, к катастрофе. Конечно, прилюдно они с сыном в своих политических битвах границ не переступали, но было доподлинно известно, что наедине доходили до крика, и Майкл нередко возвращался в Лондон раньше времени.

Не знаю, у всех ли аристократов такая черта характера, о которой дальше скажу.

Не с юридической, разумеется, а с моральной стороны сын считал себя равноправным с отцом приемником их рода, замка, да и всего, что делалось в английской истории и в будущем могло произойти. Оба себя от Англии не отрывали и от ее имени пытались говорить. Не знаю, какая была от того действительная польза. Не мне судить. Другие члены семьи их нарастающую вражду переносили плохо, и каждый пытался влиять как мог, но без особого результата. Интересно, что и со своим

родным, и со своим сводным братом, отношения у Майкла были очень хорошими. И точно также у лорда Чарльза — никаких конфликтов с другими домашними, тишина и покой.

В это как раз самое время, но только двадцать два года назад, когда политики расходятся на каникулы, Майкл Холборн приехал в свой родовой замок недели на три. У мистера Уиттона ввиду школьных каникул тоже явилась возможность на два месяца перебраться сюда из города. Он тогда работал над школьным учебным пособием по английскому средневековью — война Алой и Белой розы, кажется. Потом, я слышал, получил за это какую-то премию. А младший брат Джон, тот всю жизнь старинной литературой занимался. Так что все — народ культурный, не праздный и с общими интересами.

И вот в один из дней в конце июля — звонок из замка. Дежурный докладывает при мне начальнику полиции: убийство, лорд Чарльз удушен. Мы срочно выехали.

А дальше подробности.

Во-первых, не день был, а почти уже вечер — около шести.

Убийство произошло в библиотеке, куда лорд спускался всегда ровно в пять после дневного двухчасового сна. В половине шестого слуга Каспер приносил ему туда стакан молока. Да, джентльмены, Каспер тогда уже состоял у них на службе.

Теперь самое важное. В замке мало что изменилось с тех пор, и вам, капитан, в особенности легко будет зрительно представить себе картину.

Площадку у левой части замка, если смотреть с фасада, вы знаете? Да, там удобное место для отдыха во второй половине дня. Тень, вертикально обрывистый берег в шесть ярдов, красивый вид на море. С правой стороны от замка берег более пологий, размытый, там пляж, а дальше — рыбацьи лодки. Это для вас, мсье Пэро, чтобы вы тоже имели полную зрительную картину. В замок, как мы тогда полагали, имелись всего три входа — известный вам парадный и два «черных» с боков. Левый черный ход ведет в соединенное с кухней кладовое помещение. Эта дверь, как и кухонное окно, выходит на площадку. Войти в нее незаметно, когда кто-нибудь находится на площадке, просто нельзя. Боковая дверь в противоположном правом крыле ведет в библиотеку. Раньше, когда лорд Чарльз принимал морские ванны с весны до поздней осени, он и его юные сыновья, чтобы не обходить здание, регулярно этим ходом пользовались. Потом, с возрастом, поостыли и перестали вообще эту дверь открывать. Внутри она тогда, как и сейчас, скрыта за драпировкой, и самый тщательный осмотр показал, что ее действительно давно никто не трогал. Кстати, как мы сегодня установили, ее никто не трогал и в этот раз.

Теперь самое главное.

В четыре часа дня, тогда еще тридцатипятилетний, Джон Холборн расположился с книгой в кресле на известной вам площадке, а несколькими минутами позже, Мэтью и маленький Джеральд вышли в море на лодке, чтобы порыбачить удочками, и встали на якорь примерно в ста ярдах от берега почти напротив Джона Холборна. Они все время видели друг друга, и мальчик, вытягивая рыбу, несколько раз кричал об этом отцу. Каспер трудился в той самой кладовке с дверью, открытой наружу, делал какие-то полки и провозился так до половины шестого, когда нужно было отнести лорду Чарльзу молоко. Джон Холборн все это время слышал за своей спиной возню Каспера и его привычное посвистывание, несколько раз они переговаривались. Его старший брат Майкл находился все это время на втором этаже — работал в своем кабинете. Когда Каспер направился через холл в библиотеку, Майкл показался наверху и начал спускаться по лестнице. По сути дела, они оба обнаружили труп старого лорда. Каспер, еще не переступив порог библиотеки, вскрикнул от удивления, увидев хозяина в странной обмякшей позе с упавшей на грудь головой».

На этом месте подуставший лейтенант сделал небольшую паузу, чтобы чуть-чуть промочить горло, и я, воспользовавшись моментом, спросил:

— А центральная входная дверь? Она была на запоре?

— Сейчас и об этом.

Наш гость, выпив виски, вытер платком рот и хотел продолжить, но Пэро тоже задал вопрос:

— Простите, лейтенант, вы сказали, что Каспер и Джон Холборн иногда переговаривались, не помните о чем?

— Ничего сколько-нибудь значительного: слуга несколько раз обращался к Холборну по мелким хозяйственным вопросам и тот ему отвечал. Так вот про центральную входную дверь, она у них днем никогда не запиралась, однако и в те годы, как и сейчас, от нее в кухню идет прикрытый панелью металлический тросик, который уже при легком потягивании дверной ручки приводит в движение колокольчик в кухне у Каспера. Раздается громкий звук, хорошо, кстати, слышимый и на площадке для отдыха. Механизм старомодный и необыкновенно прочный. Для того чтобы вывести его из строя, пришлось бы просто перерезать сам трос. Мы бы это обнаружили. Нет, джентльмены, центральную дверь за все это время никто не открывал.

Ответив на наши вопросы, лейтенант снова приступил к последовательному изложению давних событий.

«Лорд Чарльз был удушен шнуром, хотя возможно, тонким ремешком или чем-то в этом роде. Убийца подошел сзади, и хотя лорд сидел к двери спиной, сделать это незаметно очень трудно. Надо ведь было открыть дверь библиотеки и проделать пять-шесть шагов по комнате. Никаких признаков борьбы или сопротивления со стороны жертвы мы не обнаружили. Весь дом был тоже тогда осмотрен со всех сторон, в том числе и со стороны моря. Судя по вашим словам, капитан, эта потайная дверь находится где-то по центру старого крепостного строения. Мы там ничего кроме шершавого шестисотлетнего камня не обнаружили. Но вряд ли убийца мог воспользоваться тем потайным ходом с моря на глазах у двух человек в недалеко стоящей лодке. Оттуда прекрасно виден каждый булыжник в стене и береговая линия с обеих сторон замка. Даже просто приблизившийся со стороны моря к замку человек попадал в поле зрения.

Таким образом, при всей непредвзятости, мы в полицейском управлении пришли к выводу, что главным подозреваемым становится Майкл Холборн. В Лондоне очень всполошились — ведь и убитый, и основной подозреваемый были известными политическими фигурами. Сразу включилась пресса.

Без прямых улик арестовать Майкла Холборна было нельзя, однако ему уже на следующей день было в категорической форме предложено не покидать замок — домашний арест, по сути дела. Дальше круги стали сужаться. Двое знакомых лорда Чарльза, с известными в обществе именами, показали под присягой, что при последней встрече с ними в Лондоне, лорд произнес в адрес сына такие слова: «Я начинаю всерьез его опасаться. Мне кажется, порой, что он меня просто убить готов». С другого политического края пройдохи-журналисты вытащили еще одну компрометировавшую Майкла информацию. Вполне достоверно утверждалось, что в кругу близких друзей он обвинял отца в человеческой и политической непорядочности. В том, что крупные семейные средства, к которым сыну закрыта дорога, направляются на подкуп газет, для давления на оппонентов и на него лично. Враждебные к Майклу Холборну группировки в парламенте сразу этим воспользовались. Было заявлено, что сразу же по окончании парламентских каникул будет поставлен вопрос о взятии его под стражу, и уже заранее собирались подписи. Фактов виновности у следствия не становилось больше, но обстановка вокруг накалялась с каждым днем. Полиция вынуждена была со своей стороны обратиться в Верховный суд за разрешением на арест и предварительное заключение подозреваемого, и хотя это сделали по сугубо служебным каналам, имеющему влиятельных друзей Майклу Холборну все стало известно. Этот прокол полиции, надо думать, сыграл решающую роль — подозреваемый исчез. Испарился.

До сих пор я ничего не могу сказать о том, помогал ли ему в побеге кто-нибудь из близких или нет.

Обстоятельства исчезновения таковы. Холборн велел подать ему пораньше ужин наверх. Утром не спускался к завтраку, что он уже до этого делал, ссылаясь каждый раз на бессонницу и головную боль. Просил в таких случаях не беспокоить. Домашние стали проявлять озабоченность только к вечеру. Короче говоря, розыск начали с опозданием на сутки. И все-таки странно. Уйти безо всяких следов было очень трудно. Работала полиция всех прибрежных городов Европы. Опросили команды судов, которые отходили от английских берегов в те первые сутки. В портах и на вокзалах постоянно дежурили агенты. И все без результата. Единственная ниточка появилась немного позже. Двое моряков с торгового английского судна заявили сначала бразильской, а потом ливерпульской полиции, что видели в Рио-де-Жанейро человека, как две капли похожего на Майкла Холборна. Они отплыли в Бразилию через две недели после того, как разгорелся весь этот скандал вокруг убийства в замке, поэтому видели в газетах фотографии подозреваемого. По случайности, одна из таких газет даже сохранилась у них на борту. Вернувшись с прогулки по городу на корабль, они рассказали капитану, что видели беглеца. Тот сразу сообщил в посольство. Местная полиция искала, но тщетно. Возможно, Холборн уехал в тот же день куда-нибудь еще. Хотя в Рио-де-Жанейро в то время проживало уже более четырех миллионов человек. Так что вряд ли местные сыщики старались искать в таком море народа чужого преступника».

Раздался стук в дверь.

Заботливая миссис Роббинс спросила, не подать ли нам чаю.

Лейтенант Кагерли от дальнейших угощений отказался. За окном сгущались сумерки.

— Надо отправляться в город, джентльмены. Посмотреть медицинские заключения и результаты экспертизы гильзы, которую мы нашли на месте преступления. Подготовить отчет для завтрашнего визитера. Не очень-то, честно говоря, люблю я этих «лондонских генералов».

— Скажите, лейтенант, — обратился к нему Пэро, когда мы вышли проводить гостя до машины, — полиция допрашивала Стива Харди при его приезде сюда?

— Разумеется. Да он и сам этого хотел, поскольку был убежден в невинности отца.

— И что же он сообщил?

— Да ничего существенного. Только за год до смерти, чувствуя ее приближение, Майкл Холборн рассказал ему — кто они в действительности такие. Говорил, что стал жертвой чудовищной провокации, и велел после его кончины отправиться в Англию к дяде, передать ему письмо и поведать об их жизни в изгнании. Они, как он нам рассказал, переезжали с места на место, а в последнее время жили в небольшой дешевой квартирке на окраине Буэнос-Айреса. Мы запросили тамошних

полицейских коллег. Все подтвердилось. Жили они бедновато и очень замкнуто. На одном из местных кладбищ есть могила с надписью «Майкл Харди-Холборн» и даты жизни. Больше ничего не осталось. В квартире к тому времени уже проживали другие люди.

— А что было в письме?

— Всего несколько фраз о том же самом, что он говорил сыну: не виновен, надеется на брата и верит в божий суд. Оригинал остался у сэра Джона.

Мы попрощались до завтра и лейтенант укатил.

Вечернее небо выглядело почти ясным, от попытавшейся было налететь три часа назад грозы сохранились лишь небольшие, высокие, темные облачка, судя по потеплевшему воздуху, будущий день намечал себя жарким.

— А знаете, *top ami*, — проговорил Пэро, с удовольствием вдыхая воздух, — что если нам лечь спать пораньше, а завтра встать вместе с солнцем и на море! И много ли у нас еще такого впереди?

* * *

— Любопытно, Дастингс, очень любопытно. Значит, Каспер сказал вам, что Джеральд Холборн вчера с самого утра не выходил из замка. Однако как слуга мог знать об этом?

— Я думаю, он ориентировался на тот самый звук от открывающейся парадной двери.

Вернувшись после раннего купания и позавтракав, мы пили кофе под тенистым деревом недалеко от крыльца нашего дома. Пэро объявил это утро «утром вопросов».

— Да, но почему Джеральд не мог, например, выйти в парк вместе со Стивом Харди?

— Хм, возможно, такая мысль не пришла Касперу в голову. Я, честно говоря, сам об этом не подумал. Но, впрочем... тогда Джеральд должен был вернуться в замок каким-то иным способом. Иначе бы звук колокольчика услышали и Каспер, и Бета.

— Верно. Как верно и то, что Джеральд мог воспользоваться боковой дверью в противоположной стороне замка. Ее ведь полиция проверила позже.

— Старой дверью из библиотеки?

— Ну-да. Как слуга заранее знал, что Джеральд ей не воспользовался? И тем не менее, он сразу спешит нас заверить, что его молодой хозяин всю первую половину дня не покидал своих апартаментов.

— Вы полагаете, он намеренно его выгораживает?

— Совсем не исключено.

Пэро поставил чашку на белый плетеный столик и кончиком платка аккуратно подправил усы.

— К тому же, та потаенная дверь, Дастингс. И нет ли в замке других дверей, ей подобных? Неужели слуга ничего об этом не знает после более чем двадцатилетнего здешнего пребывания?

— Согласен с вами, очень странно. Но у меня есть еще один вопрос, Пэро, — кто тот незнакомец с резким зловещим голосом, покинувший замок через потайную дверь? Какую роль он играл в убийстве?

— И играл ли вообще?

— Что вы имеете в виду?

— Что в этом замке могут происходить независимо друг от друга два разных события.

— Слишком абстрактное допущение, Пэро.

— Как все, *top ami*, о чем мы пока можем толковать. Попробуем, фантазируя дальше, обозначить потенциальных убийц, оставляя пока в стороне мотивы. Итак, Джеральд Холборн. А кто еще?

— Мэтью Уиттон, — неожиданно вырвалось у меня. — Вспомните того всадника в лесу, промчавшегося за деревьями, когда мы шли по дороге. Прискакав лесом, он мог привязать лошадь у дерева, пробежать с полсотни ярдов до шоссе Саутпорт — Престон и еще сотню ярдов по аллее, где мы с вами оказались спустя пятнадцать минут. То есть... — я посчитал в уме ярды и минуты, — совершив убийство в половине третьего, он имел еще шесть-семь минут в запасе до нашего появления. Вполне достаточно, чтобы незамеченным вернуться к лошади, а через несколько минут очутиться вновь на окраинах Саутпорта.

— Блестящая мысль, мой друг, блестящая! Мы, конечно, оставляем сейчас в стороне симпатичную личность Уиттона, его расположенность людям? С формальной точки зрения все так могло и быть.

Я поперхнулся кофе:

— Вы сами задали теоретический тон разговору. К чему же такие неуместные замечания?

— Не сердитесь, пожалуйста, *top ami*. Я ведь себя проверяю не меньше, чем вас. Логика хороша, но только вместе с моралью. Доверяйся впечатлениям, хоть и не поддавайся им. Я не умею сказать яснее. Ну-ну, вы правы, гипотеза очень интересная. Однако же, лошадь не коробка спичек. Конечно, на окраинах Саутпорта держать в сарае лошадь — дело не сложное. Но это значило бы, что у Уиттона есть помощник, к которому может явиться полиция. И вы полагаете, что мистер Уиттон — историк, интеллектуал — позволил бы себе такой примитивный риск? Вряд ли, хотя гипотеза ваша, несомненно, заслуживает проверки. Это как раз во вкусе инспектора Джапа, подарим ее ему. Ну же, кто там еще на очереди?

— Доктор Бакли. Я увидел его издали, вбегавшего в дом. Помните, когда мы шли по дороге? Он, кстати, вряд ли нас тогда заметил. — Я прикинул уме время. — Это было минут через семь-восемь после убийства Стива. То есть как раз, чтобы вернуться к машине на безлюдной дороге, доехать к себе, открыть-закрыть двери гаража и впрыгнуть в дом. Вдобавок, доктор не поднимал телефонную трубку, когда ему звонила дочь, хотя трудно предположить, что за это время он мог отправиться куда-то еще.

— Верно, мой друг, верно. Личность доктора во всей этой истории почти загадочная. Вспомним, что он появился здесь совсем недавно. С немалыми деньгами, как вам рассказывали. Приехал из Буэнос-Айреса. Того самого города, где жили Майкл Холборн с сыном.

Пэро встал и, заложив руки за спину, прошелся к крыльцу и обратно.

— Знаете, топ аті, что в этой гипотезе о докторе сильнее всего?.. А то, что он имел возможность планировать свою акцию не в одноразовом, так сказать, варианте, а в удобном в смысле стечения обстоятельств. Ведь у него была исключительная возможность заезжать или заходить в замок в любое время. Как постоянный лечащий врач сэра Джона, он был всегда уместен. К тому же, его дочь проводила значительное время в замке. Внешне, замечу, очень непохожая на своего отца. Не кажется ли вам, что замыслив убийство, он мог многократно испытывать случай, пока дело не сложится наверняка?

— Что это вы сказали про их несходство? — На мгновение я представил себе отца и дочь рядом и, неожиданно для себя самого, поразился физиономическому различию этих людей.

Пэро заметил мою реакцию.

— Возможно, она унаследовала материнские черты, — неуверенно предположил я.

— Возможно, топ аті, в этой истории столько непонятных событий в прошлом и настоящем, что возможно всякое. Итак, доктор — вполне подозрительная фигура, если, опять же, пока не рассматривать мотивы. Давайте продолжим список.

— Еще незнакомец. Тот, что позавчерашним утром таинственно покинул замок.

— Несомненно. Но давайте сначала обсудим другую фигуру.

— Какую?

— Каспера. Мы ведь пока упомянули о нем, в связи с попыткой прикрыть Джеральда Холборна. Но мы не рассматривали его в качестве самостоятельного действующего лица. Со своими интересами. И своими планами. А если таковые у него были, ему ничего не стоило заранее обвязать язычок у колокольчика куском материи, далее, выскальзывая время от времени из кухни в холл, он мог дожидаться появления парке Стива, а остальное, как говорится, дело техники. Уже через десять секунд после выстрела он мог продолжать насвистывать в кухне мелодии или обратиться к мисс Бакли с каким-то вопросом. То есть, продемонстрировать свое присутствие.

— В таком случае я бы позволил себе пойти дальше и предположить, что на время отсутствия его мог подменить кто-то третий, ведь свистеть и позвякивать посудой способен каждый.

— Совершенно правильно, Дастингс! А теперь, скажите, вся эта ситуация ничего вам не напоминает?

— Вы полагаете... — вчерашний рассказ лейтенанта Кагерли пронесся в моей голове за считанные секунды, — вы полагаете, если заменить мисс Бету на Джона Холборна, ситуация окажется точь-в-точь как двадцать два года назад?

— Именно. Только сейчас слуге нужно было выскользнуть в парк, а тогда — в библиотеку. Вы помните, что ответил лейтенант, на мой вопрос — о чем Каспер переговаривался тогда с сидящим на площадке Джоном Холборном? Он ответил, что слуга несколько раз обращался к тому по незначительным хозяйственным делам. Иначе говоря, разговор между ними происходил лишь тогда, когда его инициировал слуга.

— Но ведь и Джон Холборн мог вдруг обратиться к нему с вопросом.

— Несомненно, топ аті, как равно теперь могла и Бета. Но вероятность того, что это произойдет за те полторы минуты, которые требовались для убийства, крайне мала. К тому же, если в этот момент его действительно подменял сообщник, тот мог закашляться и прохрипеть в ответ что-то вроде извинений, протянув время, а появившийся вскоре Каспер имел возможность сразу вступить в разговор. Не следует исключать и подражание голосу. Не так уж это сложно на расстоянии из-за полуприкрытого окна, из глубины помещения.

— В самом деле, Пэро, риск здесь ничтожный, но не кажется ли вам, что в этой гипотезе есть одно слабое место?

— Какое?

— Имея сообщника, Касперу не следовало убивать самому. Убийство мог совершить тот, второй. Зачем преступникам было усложнять свои действия?

Мой друг понимающе кивнул головой:

— Причина, тем не менее, есть, и очень важная. Заметьте, в своем возражении вы опять исходите из посылки, что преступление было запланировано на именно этот день и час. Но почему, как и в гипотезе с доктором, злоумышленники не могли действовать гибко? Весьма вероятно, что попыток

такого рода было несколько, и мы не знаем, какая по счету оказалась удачной. Здесь очень важно то обстоятельство, *mon ami*, что Каспер имел возможность спокойно приблизиться и к старому Чарльзу Холборну в те далекие годы, и к Стиву Харди теперь. И если вдруг что-то мешало, он мог откладывать свой замысел, не вызывая подозрений. Иное дело — чужой незнакомый человек. Такой должен был действовать только один раз и наверняка.

Звук автомобильных шин донесся со стороны калитки. Мы повернули головы и увидели сразу два полицейских автомобиля. Во втором сидели уже знакомые нам полицейские вместе с лейтенантом Кагерли, в первом, рядом с водителем, восседал старший инспектор Джап собственной персоной.

— Приветствую вас, господа! — громко проговорил он, не поднимаясь с сиденья. — Не ожидали меня так рано увидеть? То-то! А я не стал дожидаться утреннего поезда и выехал в ночь на автомобиле.

Чувствовалось, что настроение у инспектора боевое.

— В Лондоне обратили на это убийство и неожиданную смерть Джона Холборна очень большое внимание, — объявил он, когда мы подошли и поздоровались, — поэтому руководство Скотланд-Ярда очень просило меня отложить отпуск и срочно приняться за дело. И знаете, что я сразу же сказал коллегам? Будь я проклят, если не встречу там Пэро, ха-ха! Сколько мы с вами не виделись, кажется, год?

— Почти, — улыбаясь, ответил мой друг. — Так вы не очень довольны, что мы с Дастином действительно оказались здесь?

— Ну почему, я к вам привык. Садитесь на заднее сиденье, поедem в замок. Вы ведь почти свидетели происшедшего, а мне необходимо все знать в деталях.

Машины двинулись на небольшой скорости одна вслед другой.

— Я уже успел просмотреть отчет местной полиции, — повернувшись к нам, сообщил старший инспектор, — вы, капитан, так до сих пор не пришли к заключению, кто из обитателей замка мог в то раннее утро вести разговор с неизвестным?

— Нет, голос был приглушенным, сдавленным. Как будто говоривший сам опасался быть услышанным.

— Жаль. А впрочем, все равно разберемся, — бодро подвел черту Джап.

Как выяснилось, по дороге полицейские заехали к доктору Бакли и предложили ему для дачи показаний явиться вместе с дочерью в замок, где мы и застали всех в полном сборе.

* * *

Если старшего инспектора и можно было в чем-то упрекнуть, так только не в нерешительности.

Он начал прямо с того, что запретил всем присутствующим покидать пределы округа замка до специального разрешения. Исключение касалось одного доктора, которому, впрочем, было указано, что о своих перемещениях он должен уведомлять ассистента, чтобы полиция в случае чего знала, где его искать.

Далее, не сбавляя оборотов, Джап заявил, что смерть сэра Джона в столице считают не менее трагическим и подозрительным событием, чем гибель его племянника, однако начнет он все-таки с последнего.

— Экспертиза установила, что Стив Харди был убит выстрелом примерно с десяти шагов в затылок. Гильза и извлеченная пуля свидетельствуют, что стреляли из револьвера системы — наган 1895 года. Я хочу знать, каким оружием обладает каждый из вас.

— Именно такой наган хранится в одном из ящиков моего стола, — после секундной паузы ответил Джеральд Холборн.

— Пройдите с мистером Холборном и принесите наган, — приказал одному из полицейских Джап. — Кто еще имеет оружие? — обратился он к остальным.

— Если позволите, старший инспектор, — вмешался я, — у меня в саквояже заперт браунинг. Я имею на него разрешение и обычно беру в путешествия с собой.

— А, капитан, причем здесь вы и ваш браунинг! Так, больше ни у кого нагана нет?.. Ладно.

Джап обвел глазами холл и, увидев портрет Оливера Кромвеля, приблизился и почтительно стал разглядывать...

На лестнице появились Джеральд Холборн и сопровождавший его молодой полицейский с револьвером в руке.

— Должен сообщить, сэр, — еще издали начал он, — что оружие хранилось в незапертом ящике.

— Вот как? — инспектор угрюмо взглянул на Джеральда. — Это грубое нарушение существующих правил. В любом случае, мы лишаем вас на полгода прав на пользование оружием, а пока заберем наган на экспертизу.

Молодой человек безразлично пожал плечами.

Инспектор взял в руки наган, открыл затвор, рассмотрел и понюхал ствол.

— А из него не так давно стреляли, — довольно заметил он. — Как вы можете это объяснить?

— Мы развлекались стрельбой по мишени. Стив, Бета и я. Кроме того, капитан Дастингс принял в этом участие.

— И забыли почистить потом наган?

— Это я забыл, сэр, — сделав шаг вперед, проговорил Каспер. — Это моя обязанность.

Мне показалось, что Джеральд несколько удивленно на него взглянул.

— Вы что же, знали, где лежит наган, и в любой момент могли взять его в руки?

— Разумеется, сэр. Мистер Джеральд не скрывал, где он хранит оружие. В последний раз, когда молодые господа решили развлечься стрельбой, он при всех велел мне подняться к нему в кабинет и взять револьвер из верхнего ящика письменного стола.

— Очень мило, что все об этом знали и могли им воспользоваться, — процедил Джап и повернулся к лейтенанту Кагерли. — Пусть кто-нибудь из ваших сотрудников быстро проедет в город, чтобы там сделали контрольную стрельбу и сравнили гильзы. Потом, с результатами, назад.

Через минуту одна из полицейских машин рванулась в город.

— Ну что ж, продолжим, — инспектор обвел присутствующих пристальным взглядом. — Мне известно, что кроме центрального входа есть еще две боковые двери.

— Совершенно верно, старший инспектор, — подтвердил Мэтью Уиттон. — Только той дверью, что со стороны библиотеки, мы очень давно не пользуемся.

— Знаю. Но я знаю и то, что в замке есть еще как минимум одна дверь — потайная, в крепостной стене. Она выходит на узкую полоску скалы, что идет вдоль стены над морем. Никто не покажет нам ее?

На некоторых лицах отразилось недоумение.

— Могу вам только сообщить, — после общего молчания снова проговорил Уиттон, что в ту часть старого замка ведут две двери, но они заколочены, и на моей памяти никто не пытался туда проникать. Это не было принято, — добавил он, чуть подумав. — Наш покойный отец — сэр Чарльз Холборн — всегда говорил: «Не стоит совать зря в прошлое нос».

— Именно так, — подтверждающе закивал головой Каспер. — Когда я нанимался сюда двадцать три года назад на работу, лорд сказал мне, чтобы я не трогал эти двери: «Там спит время, и будить его гораздо опасней, чем будить спящую собаку». Я в точности запомнил его слова.

На Джапа обе ностальгические тирады не произвели ровным счетом никакого впечатления.

— Пошли посмотрим, — приказал он.

Из холла мы попали сначала в задний коридор, потом по некрутой широкой лестнице, расположенной, как мне показалось, по центру, спустились на пару ярдов вниз. Впереди обнаружился старинный арочный ход, а за ним — сплошная темень.

Два сильных полицейских фонаря ударили туда, и мы увидели узкий каменный свод, по-видимому, протянувшийся вдоль всего замка и отделявший старую часть от нового здания.

Стоявший впереди всех Каспер хотел было что-то сказать, но инспектор бесцеремонным жестом показал ему отойти в сторону.

— Дальше мы сами осмотрим. Приступайте, ребята.

Полицейские с фонарями исчезли из нашего поля зрения.

Их отсутствие, однако, продолжалось недолго.

— Мы обнаружили две двери, — вынырнув к нам из темноты, доложил Кагерли. — Одна слева, другая справа от этого входа.

Начали с той, что слева. Вперед пошли двое полицейских с мощными фонарями, Джап, лейтенант и мы с Пэро. Прочих попросили не создавать тесноту и подождать, пока позовут.

Дверь, которую я вскоре увидел, оказалась точь-в-точь как на изображающей рыцарское средневековое театральную сцене: чуть ниже человеческого роста, с округлым верхом, пересеченная продольными и поперечными лентами грубого кованого железа.

Вход был заколочен крест накрест двумя крепкими деревянными досками.

— Придется взять у хозяев ломик, господин старший инспектор, — разумно предложил один из полицейских.

Джап не ответил. Он с напряжением вглядывался в верхний край одной из досок. Еще через несколько секунд он взялся за нее и с силой потянул на себя. В тот же миг доска оказалась у него в руках, да так, что избыток примененной силы заставил инспектора отшагнуть назад.

— Во-от, — удовлетворенно протянул он, — а теперь посмотрим на гвозди.

Под ярким светом фонаря были хорошо видны два толстых блестящих гвоздя. Ржавчина на них отсутствовала.

— Думаю, все понятно, — не умея скрыть радости от сделанного открытия, произнес инспектор. — В последнее время доску не раз вынимали, а потом ставили на место как декорацию, и ржавчина слезла. Ну-ка, попробуйте вторую.

Один из полицейских так же легко расправился со второй доской. Потом он надавил на дверь, и она с легким скрипом поехала внутрь.

— Господин старший инспектор, — раздался голос Мэтью Уиттона с того места, где электрический свет пробивался в коридор от входа, — вам не нужна помощь?

— Благодарю, не нужна. Впрочем, если у вас есть такое желание, можете к нам присоединиться.

— Можно и мне, сэр? Это я, Каспер.

— Ладно, валяйте!

Джап вынул фонарь из рук одного полицейского, приказав ему оставаться у входа.

— Остальные за мной! — бодро скомандовал он и первым шагнул в неизвестность.

Мы двинулись вслед.

Фонарь инспектора сильным рассеивающим светом показывал путь. Полицейский со вторым фонарем замыкал общее шествие, направляя свет на потолок над нами и стены.

За дверью начинался довольно тесный ход. Только два человека могли идти рядом, а каменный потолок можно было легко достать, протянув вверх руку. Ход отчетливо загибался влево, уводя нас от центра, из-за чего свет от фонаря инспектора постоянно утыкался в стену. Джап и лейтенант двигались впереди, медленно и осторожно. За ними на расстоянии вытянутой руки шли мы с Пэро. Потом, Каспер и Уиттон.

Я не считал шаги, но думаю, мы не сделали и сорока, когда я одновременно почувствовал запах воды и почти сразу услышал резкий возглас Джапа:

— Стоп! Не двигаться!

Впереди по-прежнему была видна закругляющаяся каменная стена, и только посмотрев через плечо лейтенанта Кагерли, я с ужасом вдруг увидел, что оба они стоят всего в нескольких дюймах от края колодца ярда в три в диаметре, а видимая впереди стена находится уже на другой его стороне. Коварный колодец перекрывал весь проход, и каждый, кто направлял свет вдоль стены, а не под ноги, пропустил бы его смертельный край.

— Отвратительная ловушка, — процедил сквозь зубы лейтенант.

От направленного вниз фонарного света были хорошо видны гладкие круглые стенки колодца, без малейшего намека на выступы, за которые можно бы было цепляться. Три ярда голого камня и вода.

— Посмотрите, там сильный водоворот! — это сказал Пэро, протиснувшийся между двумя полицейскими к краю.

— Вы правы.

Инспектор направил свет вертикально вниз и мы увидели движущуюся и будто закипающую воду.

Пэро вынул из кармана пиджака платок, расправил его и бросил вниз. Белое пятно сделало красивый полукруг, потом стало стремительно смещаться к центру... и вдруг исчезло так, что взгляд не сумел зафиксировать этот момент.

— Похоже, здесь нам больше нечего делать, — зло и с досадой проговорил инспектор. — И давайте отойдем от края.

— Мне кажется, тут есть еще один ход, — проговорил сзади Уиттон. — Только что я почувствовал с правой стороны воздушную тягу.

— А я и сейчас чувствую, как тянет воздух, — раздался голос полицейского сзади. — Это совсем рядом!

— Ну-ка, ну-ка, я сам! Подержите мой фонарь, Кагерли. Светите обоими фонарями в эту сторону.

Джап отошел на несколько шагов назад и начал тщательно осматривать и ощупывать камень.

— Пока не улавливаю никакой воздушной тяги... ага, вот здесь! — Он провел рукой сверху вниз и объявил: — По-моему, тут тонкая невидимая щель. А сверху что-то вроде маленькой выемки. Получается подобие ручки. Попробую потянуть на себя.

Инспектор напрягся, но ничего не вышло.

— Возможно, так закрывается эта потайная дверь, а чтобы открыть, надо просто толкнуть, — посоветовал Мэтью Уиттон. — Позвольте, я попробую.

Он надавил в месте предполагаемого проема плечом и прямоугольная каменная плита медленно отошла внутрь.

Лейтенант Кагерли посвятил туда фонарем.

— Похоже, этот ход смещается к центру, господин старший инспектор, и может вывести нас к цели, — проговорил он и, помедлив, добавил: — Если на пути не окажутся новые ловушки.

— Дайте сюда фонарь! — Джапу явно не понравились эти последние слова, но он не собирался отступать. — И старайтесь страховать меня сзади. Вы тоже пойдете с нами, — приказал он второму полицейскому, — а остальные пока остаются здесь.

Все трое исчезли в узком проеме, и мы тотчас оказались в сплошной темноте.

Но это неудобство недолго длилось. Послышалось шипение спички, и предусмотрительный Каспер аккуратно разжег толстую восковую свечу.

— Скажите, мистер Уиттон, — заговорил Пэро, — а в семейных преданиях ничего не говорится о старой части замка, его потайных ходах и ловушках?

— Нет, мсье, — чуть подумав, ответил тот. — История замка, конечно, старая и связана с историей Англии самым тесным образом. Известно, что еще викинги пытались захватывать замок. Потом сторонники Ланкастеров оборонялись здесь от Йорков, а позже сами отправились отсюда в поход на них на юг. Оливер Кромвель останавливался в замке после Престонской битвы... Очень много трагического происходило вокруг. Но только не в самом замке, мсье. Внутри всегда был покой, который, увы, так ужасно нарушен в двадцатом веке.

Я прислушался к черной дыре, в которой пару минут назад скрылись полицейские, и мне послышались шаги. Нет, не послышались. Звук нарастал, кто-то быстро возвращался назад.

— Что там, мой друг? — заметив мое настороженное выражение, спросил Пэро.

Я не успел ответить. Из темноты замелькал фонарь, и голос молодого полицейского донесся до наших ушей:

— Идите сюда! Идите смело, здесь безопасно!

Опередив меня, Пэро первым юркнул в проход.

Путешествие было совсем недолгим. Уже через два десятка шагов мы различили впереди светлое пятно, и, преодолев еще такое же расстояние, оказались перед выходом наружу.

Инспектор и лейтенант уже стояли с другой стороны, с удовольствием солнечный воздух. Теплое море подкатывало внизу к скале небольшими пенистыми гребешками.

— Подумать только, — лейтенант Кагерли открыл крышку карманных часов, — такое ощущение, что минуло не меньше получаса как мы вошли в эти каменные недра, а ведь, на самом деле, всего девять минут прошло.

Теперь уже мы все вылезли на край скалы над морем. Узкий, не более чем в полтора ярда.

— Не сомневаюсь, что и дальше дела пойдут также быстро, — самодовольно заявил Джап, адресуясь к нам с Пэро. — Взгляните, эта наружная потайная дверь запирается изнутри на простую деревянную щеколду. А этот камень, — он показал на незаметный от прочих булыжник, — прикреплен к другому ее концу и торчит сквозь дырку в стене. Достаточно надавить на него внутрь и щеколда отходит. Таким образом, знающий человек может не только легко выйти из замка, но и легко в него попасть.

— Вы сказали — девять минут, лейтенант? — снисходительно взглянув на Кагерли, переспросил он. — Это при нашем медленном движении, поисках, стоянии у проклятого колодца. А я вам скажу: из холла до места, где мы сейчас находимся, не более семидесяти шагов. Тому, кто знает наизусть эти лисьи норы, не составит большого труда попасть сюда из холла... — он на секунду сдвинул брови, — секунд за тридцать, и даже ... за двадцать пять. Обойти замок, быстро спустившись к пологому берегу, и попасть в парк можно еще секунд за двадцать. И столько же назад. Значит, чтобы обернуться, преступнику хватало двух минут. Он мог следить за жертвой из окна и даже помахать приветственно рукой или улыбнуться, встретившись взглядами. Через минуту — убить. А еще через минуту оказаться на прежнем месте.

С этической точки зрения оглашать такую гипотезу при Каспере и Уиттоне было очень бесцеремонно.

— Разумеется, я не отбрасываю версию, что убийцей мог быть какой-то посторонний человек, — почувствовав это, проговорил инспектор, — хотя для этого нужно предположить, что он знал замок лучше его теперешних хозяев.

— В замке есть еще одна таинственная дверь, старший инспектор, — тихо напомнил Пэро.

— Не беспокойтесь, скоро здесь не будет уже ничего таинственного. Я не хочу надолго откладывать заслуженный отпуск.

Последняя фраза инспектору почему-то показалась удачной шуткой, и он улыбнулся во всю физиономию, приглашая других сделать то же самое.

Приглашение, тем не менее, не нашло особой поддержки.

* * *

День бурно начинался и в полном смысле слова оказался таковым. События как будто старались подгонять друг друга.

Однако же по порядку.

Вторая дверь, против явного ожидания Джапа, оказалось действительно наглухо забитой, и было件нятно, что в течение многих лет никто не пытался туда проникнуть.

Каспер принес необходимый металлический инструмент и, повозившись, двое полицейских с натугой втолкнули дверь внутрь.

К моему удивлению вместо черной тьмы за дверью показался свет. Не яркий, но, несомненно, проникающий снаружи, дневной. Внутри нам открылся большой продолговатый зал. Свет проникал из множества прорезей по всему периметру высокого каменного потолка. Зал был пуст. Люди, перестраивавшие замок, вынесли когда-то отсюда все то, что было уже стариной для того далекого от нас времени. На каменных плитах пола лежал слой песка, постепенно попадавшего сюда с ветром через отверстия наверху.

— Взгляните, господин старший инспектор, — нарушил общее молчание один из полицейских, — там справа, в торце, похоже, щель от приоткрытой дверцы.

— Действительно, и очень неприметной. Пошли посмотрим.

Ближе дверка оказалось столь небольшой и серенькой, что если бы не выдававшая ее щель, вряд ли бы кто-нибудь отличил ее от стены.

Инспектор взял в руку фонарь и, приоткрыв створку шире, осторожно сунулся внутрь.

Некоторое время, не говоря ни слова и придерживаясь за косяк с внешней стороны, он шарил там фонарем, потом исчез в глубине, приглашая жестом других.

Дождавшись своей очереди, я оказался в глухой освещенной двумя фонарями комнате, ярдов семи в длину и пяти в ширину. В одном ее углу находилось нечто вроде примитивной деревянной кровати из полусгнивших досок. В другом — такой же грубый стол и табурет. Вся эта, с позволения сказать, мебель была подгнившей и потрескавшейся, и походила на самодельную, из бедного крестьянского дома прошлого века.

Джап покрутил в руках табурет, потрогал доски стола и кровати. Было ясно, что он не видит большого проку от таких трофеев. Полицейские по его приказу простучали стены и осмотрели пол.

Нигде ничего.

Оставаться долее тут было незачем. Джап кивком пригласил всех к выходу.

— Мсье Пэро, — окликнул он моего друга, который, воспользовавшись фонарем полицейского, зачем-то рассматривал старый стол и потолок над ним, — там пусто, не стоит терять зря времени.

— Да, да. Абсолютно пусто, сейчас я иду.

* * *

В холле, куда все мы вернулись, помимо Джеральда, доктора и его дочери нас уже ожидал отправленный ранее в город полицейский. Он сразу же подошел к Джапу и Кагерли и что-то им тихо проговорил. На лице лейтенанта появилось хмурое выражение, инспектор сохранил спокойствие, за которым, как мне показалось, скрылась радость от услышанного.

— Прошу всех сесть, мне надо будет задать ряд вопросов, — громко объявил он.

Все расположились на креслах и стульях, кроме младших полицейских чинов, которым Кагерли сделал знак выйти на крыльцо, и Каспера, оставшегося стоять согласно положению слуги.

— Я что-то не видел вас с нами, мистер Холборн, — обратился инспектор к Джеральду. — Вам не интересно было посмотреть, какие секреты скрывает ваш собственный замок?

— Предпочитаю услышать об этом коротко от других. К тому же, мне не до праздного любопытства — не забывайте, что я вчера потерял и отца, и брата.

— Помню, ведь я поэтому сюда и прибыл. Впрочем, поговорим об этих смертях чуть позже. Мистер Уиттон, — Джап неожиданно повернулся в другую сторону, — не могли бы вы рассказать, как провели время с момента, когда эти господа, — он показал на нас с Пэро, — покинули вас на окраине Саутпорта, и до того момента, как открылся магазин запчастей после обеденного перерыва?

— Время я провел очень примитивно, — не смутившись таким началом, ответил Уиттон, — в трех минутах от того места, где встал автомобиль, есть большой портовый паб. Я отправился туда и просидел около часа. Что еще было делать?

— А на лошади вы хорошо скакать умеете?

— Вообще не умею. Ни разу в жизни не пробовал.

— Разве вы никогда не держали здесь в замке лошадей?

— Никогда. Все мужчины в нашем семействе были к ним равнодушны.

— И у вас нет среди знакомых в Саутпорте любителей конной езды?

— Возможно и есть, но я не могу вспомнить сразу. А какое это может иметь значение, старший инспектор?

— Пока я предпочел бы только задавать вопросы. Скажите, доктор Бакли, где вы были вчера днем примерно в половине третьего?

— У кого-нибудь из пациентов, я думаю.

— У кого именно? Разве вы уже не помните?

Доктор поднял глаза к потолку и пошевелил бровями.

— Ну почему же, помню.

— Тогда скажите.

Мне показалось, доктор хотел еще потянуть с ответом, но все-таки произнес женское имя и адрес.

— Хорошо, господа, — поднимаясь со своего стула, заключил Джап, — мы проверим ваши сообщения. Прощаюсь с вами очень ненадолго. Да, кстати! Что касается убийства вашего кузена, мистер Холборн. — Инспектор сделал несколько шагов и подошел к Джеральду почти вплотную. — Пуля вылетела из вашего нагана. Вот, — он вынул из кармана небольшой пакет и вытряхнул из него на ладонь две гильзы. — Эта, на ней наклеен номер один, найдена на месте убийства, а эта, с номером два, получена при экспертизе. Каждое огнестрельное оружие имеет свой неповторимый след от

ударного бойка, его нельзя перепутать. Ваш наган дает царапину слева вверх. Эксперт утверждает, что степень совпадения исключает ошибку.

Наступила та самая тишина, при которой, как говорят, слышно собственное дыхание. Инспектор точно рассчитал свой удар и тут же нанес второй.

— А теперь о смерти сэра Джона. Вскрытие показало, что он действительно умер от обширного инфаркта. Но вот, чем был вызван инфаркт? Я полагаю, что скорее всего внезапным сообщением о гибели его племянника. А сообщить ему об этом могли только вы, мистер Холборн. У других на этот счет полное алиби. Все это дает мне формальные основания для вашего ареста. Но я ограничиваюсь пока требованием не покидать замок, пока я не проверю прочие версии. До скорой встречи, господа.

* * *

Полицейские машины двинулись прочь от крыльца, а мы направились домой, но задержались у цветочной клумбы.

— Чудесные розы! — с восторгом произнес Пэро, не успевший рассмотреть их во вчерашней сумятице. — И кажется даже, что они чувствуют друг друга и имеют особенные между собой отношения. Те белые и эти алые.

— Так оно и есть, мсье, розы — живые существа, очень чуткие и внимательные.

— А, это вы, мистер Уиттон. Дастингс говорил мне, что все это ваша работа. Великолепно, просто великолепно!

— Спасибо за такие теплые слова, — поблагодарил Мэтью. — Моему бедному брату цветы тоже очень нравились. Он часто при плохом самочувствии выходил из дома, чтобы посидеть на стуле рядом. Говорил, что они его лечат.

Только сейчас я обратил внимание на перебинтованную кисть Уиттона. Заправленный за край уголок бинта вылез и повязка могла размотаться.

— Вы повредили руку? — спросил я. — Сильно?

— Нет, пустяки. Поцарапал, когда копался вчера в машине. Сделайте одолжение, помогите мне потуже поставить повязку.

Я размотал бинт. На повернутой ко мне внешней стороне его правой кисти, ниже косточек среднего и указательного пальцев, оказалась небольшая, но довольно глубокая царапина с рваными краями.

— Хорошо, что не задет ни один сосуд, — взглянув на рану, проговорил Пэро. — Надо ее почаше дезинфицировать.

— Не беспокойтесь... спасибо, капитан. Не возражаете, если я немного провожу вас, джентльмены? Мы пошли медленным шагом по той же центральной парковой дорожке к шоссе.

— Скажите, пожалуйста, мистер Уиттон, — обратился к нему Пэро, — а сэр Джон не мог увидеть само убийство или лежащее внизу тело из окон своих апартаментов?

Мэтью покачал головой:

— Я тоже сначала об этом подумал... Нет, не мог. Одно из его окон действительно для этого подходит, но в середине дня оно всегда закрыто от солнца плотными шторами. И когда мы обнаружили его бездыханным, я потом вспомнил, шторы были закрыты.

В просвете между деревьями завиднелась дорога.

— Хорошая у вас аллея, но чересчур короткая, — готовясь проститься с нашим любезным провожатым, сказал я.

— В таком случае, — неуверенно произнес Мэтью, — в таком случае я позволю себе еще немного задержать вас в тени деревьев, джентльмены. Чтобы рассказать об одном существе пустяке.

Он неловко развел руками.

— Что такое, мой друг? Говорите, пожалуйста, говорите.

Ободряющая улыбка Пэро сразу вывела Уиттона из смущения.

— Стаканчик для приема лекарств, мсье. Мой брат всегда пользовался одним и тем же. Его не было на столике, где обычно. Я осмотрел сегодня все. Он исчез.

— Вы не спрашивали Каспера, может быть, он его убрал?

— Спрашивал, он там ничего не трогал.

— Может быть, Джеральд?

— С какой стати ему это делать, мсье? Джеральду бы такое и в голову не пришло.

— Хм, а больше ничего не пропало?

— По-моему, ничего.

— Вы правильно сделали, что рассказали нам об этом. И у меня к вам большая просьба. Попробуйте отыскать то письмо, которое отец Стива, Майкл Холборн, написал перед смертью сэру Джону, и позвольте мне на него взглянуть.

— Его не надо искать. В одном из двух ящиков письменного стола мой брат держал деловые бумаги, а в другом — личные. Письмо наверняка там, во втором.

— А ящики хорошо закрываются?

— Мсье, мы живем в провинции, да еще в собственном замке. Зачем здесь что-то закрывать?

— Нам надо больше двигаться, топ аті, а в особенности мне, — в качестве послеобеденного вывода заявил Пэро. — Здесь все слишком свежее — мясо, рыба, овощи и даже сам воздух. Боюсь, как бы от этого не изменился мой естественный вес.

Я позволил себе веселую вольность:

— Ваш естественный вес, Пэро, обладает тем огромным преимуществом, что некоторые к нему прибавки ничего не способны испортить.

— А мои лондонские костюмы?! Вы сказали не подумав, Дастингс. Кстати, вам не кажется, что наш друг Джап повышает понемногу свой профессиональный класс, а?

— Я сам собирался сказать вам об этом.

— И совершенствует себя в одном и том же направлении — в скорости действий. Не сомневаюсь, что он быстро проверит все, что касается показаний Уиттона и доктора Бакли. Точнее, установит их алиби.

— Вы уверены в невиновности обоих?

— Я сказал только, что Джап это быстро установит.

— По-вашему, он должен сейчас делать что-нибудь еще?

— Ну разумеется, топ аті, он должен прежде всего думать над тем, кого, все же, хотели убить.

— Я вас не понял.

— Стива Харди или Джеральда Холборна? Вспомните, костюмы и даже шляпы были совершенно одинаковы. Кроме того, вы сами сказали мне, что они почти одного роста и с некоторым внешним сходством, как и бывает у близких родственников.

— Но кто и с какой целью мог покушаться на Джеральда?

— Погодите, топ аті, мы слишком мало еще знаем о всех этих странных смертях. Я имею в виду не только случившиеся вчера, но и ту, далекую и не менее загадочную.

Солнце давно перевалило за полдень, но стояло еще высоко. Жаркий день был в самом разгаре, и выходить из-под тени раскидистого дерева, где мы устроились в плетеных креслах, совсем не хотелось.

Некоторое время мы сидели молча, и Пэро стал проглядывать утреннюю «Таймс», доставленную недавно мальчиком-почтальоном.

— О местном происшествии пишут пока немного, — сообщил он. — Но уже объявлено, что расследованием занимается «сам знаменитый инспектор Джап». И говорится, в частности, что за последний год он усадил за решетку одиннадцать человек. Нам, Дастингс, надо бы помолиться за этих несчастных, потому что теперь одному господу богу ведомо, кто из них в самом деле преступник, а кто — нет.

— Хэлло! Джентльмены, могу я войти? — раздался от калитки мелодичный женский голос.

Я посмотрел в ту сторону и увидел мисс Бакли. Она была одета в легкое белое платье и закрывалась от солнца таким же белым зонтиком. Только направившись к ней навстречу, я увидел приколотый к платью с левой стороны черный траурный бант.

— Я просто вышла пройтись, — грустно улынувшись, произнесла девушка. — Дома одной тяжело, а в замке я чувствую себя сейчас лишней. Бедные Джеральд и мистер Уиттон. Это такой удар для обоих.

Мы прошли в тень дерева, где Пэро уже галантно стоял за спинкой одного из кресел, предлагая нашей гостье присесть.

— Прикажете попросить миссис Роббинс приготовить для вас чаю или кофе? — предложил он.

— Благодарю вас, от кофе я никогда не отказываюсь. Отец утверждает, что здесь, в Англии, его нельзя слишком часто пить, как мы делали там, в Латинской Америке. Но я не могу отвыкнуть.

— Там пьют очень много кофе, мадемуазель?

— Да, и в любое время суток. Десять чашечек в день не считается чем-то особенным.

— Невероятное количество! Мой врач не велит мне пить больше двух. Вам скучно здесь после той жизни, мадемуазель? В чудесном теплом климате? Там ведь зимой весна, а остальное время лето?

В глазах девушки появилась ирония:

— С жарой, когда нельзя выйти на улицу, с сезоном дождей, когда от высокой влажности приходится залезать в сырую постель. С бессонной ночью, когда на вашей улице подгулявшая молодежь может всю ночь петь серенады под балконом местной красавицы. — Ее лицо вдруг осветилось улыбкой. — Конечно, я все это страшно люблю, и жалко тех, кто там не был.

— Почему же вы оттуда уехали? — спросил я. — Ведь дела вашего отца, кажется, шли неплохо.

— Шли очень хорошо. — Ее лицо сразу стал задумчивым. Она слегка пожала плечами. — Мне почему-то с самого детства говорили, что надо жить в Англии. Что мы туда обязательно поедem, когда я вырасту. Я никогда не задумывалась, зачем нам нужно уезжать.

Я спросил еще о природе тех далеких, экзотических мест, а когда появилась миссис Роббинс с кофейником и чашкой на подносе, почувствовал, что Пэро рад наступившей в разговоре паузе и собирается перевести его в другое русло.

— Не хочется говорить о грустном, мадемуазель, но видимо общение с несчастным Стивом Харди помогало вам привыкать к холодной Англии? У вас ведь в этом смысле была одна и та же судьба?

Бета ответила не сразу.

— Нет, — качнув головой, наконец проговорила она, — Стив не любил вспоминать свою родину. И вообще ее не любил. Он даже неохотно разговаривал со мной по-испански. — Она еще помолчала, помешивая ложечкой кофе, потом тем же грустным тоном добавила: — Мы жили в разных мирах, мсье. Я — в большой дорогой квартире в центре Буэнос-Айреса. Он — на окраинах, мимо которых мы иногда проезжали за город на машинах. В Англии нет такой бедности и несправедливости, которые испытывают люди там. Здесь этого просто не знают, и я уже поэтому не должна жалеть, что сюда приехала.

— Но здесь Стив Харди стал богатым человеком, не так ли? — невольно вмешался я, чтобы разбавить возникшие темные краски.

— О, да! Но он слишком плохо знал, что это такое. Богатство, ведь это еще и привычка. Джеральд каждый раз привозил ему небольшие подарки. Стив радовался им как ребенок. Хотя сэр Джон открыл на его имя счет и сделал его полноправным наследником фамильного капитала.

— Сэр Джон поступил на редкость благородно, — согласился я.

— Скорее, естественно для благородного человека. К тому же, большую роль сыграл здесь и мистер Уиттон. Он сразу потребовал, чтобы Стив получил все положенные ему семейные права.

— Значит, его жизнь в замке была безоблачной?

— Да, наверное, можно именно так сказать. Впрочем, кажется, все-таки один человек его недолюбливал.

— Кто же?

— Каспер. Хотя, возможно я неправильно выразилась. Стив говорил, что часто ощущает на своей спине его взгляд. Его это немножко забавляло.

— Он говорил это только вам, мадемуазель? — почему-то спросил Пэро.

Девушка не сразу уловила смысл вопроса.

— Не знаю ... нет, помню, как он сказал это при мне и Джеральде.

— И как отреагировал Джеральд?

— Никак. Рассмеялся. Мистер Пэро, я сожалею, что вспомнила об этом пустяке. Вы зря придали моим словам слишком глубокий смысл.

— О, никакого особенного смысла, пожалуйста, не беспокойтесь! Но вот, что касается Каспера: мы твердо уверены, что все то время, пока вы сидели в кресле у моря, он находился в кухне?

— Конечно уверена. Хотя я и сидела к нему спиной, но слышала, как он все время возился и посвистывал. Это его манера.

— А море, мадемуазель Бета? Вы ведь все время туда смотрели. Что вы заметили?

— Ровным счетом ничего, мсье. Море в это время, если так можно сказать, совершенно безлюдно. Рыбаки заканчивают утреннюю ловлю к двенадцати часам, а на вечернюю выходят не раньше пяти. И в этом промежутке только отдыхающие могут прокатиться на моторной лодке, но вчера и этого не было. Никто не проплывал.

— Но можно было подойти на моторной лодке и с другой стороны замка, со стороны Престона? Вы бы ведь этого не увидели?

— Не увидела, но, конечно, услышала бы. На воде в спокойную погоду звук небольшого двигателя слышен на триста-четыре ярдов. — Девушка вежливо улыбнулась, давая знать, что ей пора. — Ваша хозяйка готовит хороший кофе, господа. Но я надеюсь, что вы в ближайшее время попробуете, как я его делаю. Пожалуйста, если будете прогуливаться мимо нашего дома, заходите без ваших английских церемоний. Мы еще не отвыкли от тех простых южных манер.

* * *

— Послушайте, Пэро! — я проводил до калитки нашу обаятельную гостью и вернулся под дерево. — А что если кто-то приплыл со стороны Саутпорта не на моторной лодке, а на веслах?

— Незаметно для девушки?

— Вот именно. Попробуем разобраться в этом математически.

Я провел концом трости прямую линию, изображающую берег над морем, потом круто оборвал ее вниз под девяносто градусов. Затем на суше у берега я изобразил маленький столбик, долженствовавший означать человека, и провел от его верхушки черту к краю. Получился вытянутый треугольник.

— Вот площадка и обрыв. Стулья и кресла стоят на площадке в семи-восьми ярдах от края. Следовательно, даже для вставшего в полный рост человека угол зрения по тангенсу составляет примерно один к пяти. А высота берега в этом месте достигает шести ярдов. — Я продолжил

гипотенузу треугольника вниз к предполагаемой морской воде. — Таким образом, взгляд может улавливать только то, что находится на расстоянии от берега не ближе, чем шесть умноженное на пять, то есть не ближе тридцати ярдов. Иными словами, тридцать ярдов от берега — слепая зона, я нигде не ошибся?

— Вы абсолютно правы, *mon ami*.

— Здесь глубоко и плыть, не шумя веслами, можно всего в десяти-двенадцати ярдах от берега.

— Можно, но только зачем? — Пэро флегматично пожал плечами. — Это не дает экономии времени — почти то же, что идти вдоль берега быстрым шагом.

Я вынужден был согласиться.

— И кстати, чтобы проскользнуть незаметно, значительно удобней пробраться вдоль крутого берега от Саутпорта пешком. Убийца имел возможность спокойно пройти под краем скалы, где расположилась девушка. Полоска берега в этом месте песчаная и шагов не слышно. Затем он мог подняться по выбитым в скале под башней невидимым с берега ступенькам и проникнуть в замок через известную нам потайную дверь. Или просто обойти замок вдоль крепостной стены и попасть с другой стороны в парк. А после убийства таким же образом скрыться.

Внезапно Пэро встал из кресла. В его глазах появилось то очень серьезное выражение, которое всегда предвещало появление новой и важной мысли. Я приготовился услышать нечто для себя неожиданное.

Он, сощурившись, взглянул на небо:

— Жара спадает, Дастингс. Надо идти на море, чтобы меньше потом в Лондоне обращать внимание на холод и сырость!

* * *

Мы пробыли на песчаном берегу около двух часов и стали уставать от хотя уже и невысокого, но еще очень яркого солнца и сплошной морской синевы перед глазами. К тому же Пэро как бы между прочим заговорил о прекрасных кулинарных способностях миссис Роббинс. Я понял, что пора возвращаться.

Путь от моря в поселок, как я уже говорил, пересекало престонское шоссе. Оказавшись на нем, я сразу обратил внимание на два больших автомобиля, двигавшихся к нам со стороны Саутпорта. Оба, не доезжая, повернули к замку. И хотя издали не удалось вполне рассмотреть сидящих там людей, это вне сомнений были возглавляемые Джапом полицейские.

— Что-то затевается, — пристально глядя в ту сторону, проговорил Пэро, — полагаю, вечером будут новости.

* * *

Ожидания не обманули моего друга. Этот вечер, как и предыдущий, мы провели снова вместе с полицейским. И в той же комнате. Только на этот раз нашим гостем был старший инспектор Джап.

По-видимому, натуре инспектора были свойственны только два состояния. Он был либо энергичен, либо доволен. И ничего другого я, сколько не силюсь, не могу припомнить.

Этим вечером он был доволен. Очень. И не пытался скрывать.

— Если только за компанию, джентльмены, — в ответ на предложенный виски проговорил он. — Хотя, честно скажу, выпить сегодня повод есть. Я только что арестовал Джеральда Холборна. Кагерли повез его на второй машине в Саутпорт.

Он с удовольствием сделал глоток.

— Отличное качество! Теперь расскажу вам все по порядку, джентльмены. — Джап сел поудобней в кресле и, попросив разрешения, закурил папиросу. — Так вот... во-первых, вернувшись после наших утренних приключений в город, я сразу получил у городского судьи разрешение на доступ к нотариальным документам и обратился к местному юристу, который вел дела сэра Джона. Выяснилось, что согласно действующему законодательству, Стив Харди, будучи в семье Холборнов сыном старшего брата, чья вина была признана всего лишь судом первой инстанции, является наследником майората.

Лишить его этого права способен был только Верховный суд, если бы он окончательно признал виновность его отца. Однако юрист объяснил, что в ситуации, когда против давно пропавшего Майкла Холборна действуют тяжкие, но косвенные, а не прямые улики, Верховный суд не вынесет решения ни за, ни против. Таким образом, в случае смерти весьма больного сэра Джона, погибший молодой человек становился бы наследником замка с землей вокруг и половины значительного капитала, который остался от его деда сэра Чарльза. Этот капитал не был растрочен младшим сыном Джоном, который, как вам известно, вел очень умеренный образ жизни. Тут же выяснилось еще одно очень интересное обстоятельство. Стив Харди не мог вступить во владение замком и титулом до смерти сэра Джона, но, что касается денег, имел право вытребовать свою половину при наступлении совершеннолетия. — Инспектор с удовольствием допил виски и добавил: — А его совершеннолетие

было совсем не за горами — через две недели Стиву Харди исполнился бы двадцать один год. Таким образом, джентльмены, Джеральд Холборн терял слишком много. Кучи денег он лишился сразу, а после смерти отца, которая могла произойти в любой момент, от него уходили и место в палате лордов, и родовый замок, где он, в лучшем случае, становился гостем. И я решился на экстренные меры. Мы провели в комнатах Джеральда обыск. И среди множества скляночек, кисточек и прочей дряни нашли небольшой пузырек. Знаете, что в нем было? Никогда не догадаетесь... ко-фе-ин! Я полагаю, вы имеете представление, как он действует?

— Учащает работу сердца, — еще не понимая, к чему он клонит, ответил я.

— Неточно, Дастингс. — Инспектор снисходительно улыбнулся и перекинул ногу на ногу. — Вызывает сердцебиение. И не относится к категории ядов, то есть не попадает в поле зрения судебно-медицинской экспертизы. К тому же, его нетрудно смешать с пахучей микстурой, не вызывая резких изменений вкуса. И Джеральд Холборн мог беспрепятственно это проделать, зайдя на минуту в комнату к отцу. До или после того, как он убил Стива Харди. Это уже не очень важно.

— А как он сам объясняет найденный кофеин? — спросил я.

— Никак. Он занял позицию полного отрицания. Якобы не имеет понятия, откуда взялся этот пузырек. И также ведет себя по всем остальным вопросам. Более того, парень совсем неглуп. Он спросил меня — из чего следует, что убийство совершено именно из его нагана? Кто-то ведь мог использовать другой, той же марки, потом положить в карман после выстрела свою гильзу, а на место преступления подбросить гильзу от его оружия. Но я был к этому готов и быстро загнал его в угол, джентльмены.

— Каким же образом? — удивленно спросил Пэро.

— Из Лондона мне уже сообщили, что разрешение на наган Холборн получил всего месяц назад. Известно, что на протяжении этого месяца он в замке не был, стало быть, и наган привез с собой только сейчас. Где можно было взять стреляную гильзу именно от этого оружия? Выстрелы хорошо слышны, джентльмены. И до убийства Стива Харди, по свидетельству всех опрошенных, они раздавались один только раз, когда молодежь развлекалась стрельбой на лужайке. Вы, Дастингс, принимали ведь в этом участие. Скажите-ка, сколько тогда в общей сложности было сделано выстрелов?

— Пойдите... — я начал вспоминать. — Условие было — по пять патронов на человека. Доктор участвовать отказался, значит ... двое молодых людей, Бета и я. Итого — двадцать.

— Совершенно верно, мисс Бакли сказала то же самое. Я послал полицейского на ту лужайку, и он без труда собрал те самые гильзы. Их ровно двадцать. Все — на месте. Холборну нечего было возразить. Он в капкане.

— А алиби других людей вам удалось проверить? — спросил я. — Показания Мэтью Уиттона и доктора Бакли подтвердились?

— Можно считать, что да. Та пациентка, которую навещал доктор, подтвердила, что в половине третьего он находился еще у нее. Это в предместьях Престона. А Мистер Уиттон действительно просидел в том самом пабе. Официант его помнит. Он, правда, не следил за ним все время, и чисто теоретически Уиттон мог исчезнуть минут на пятнадцать, проскакать туда-назад и вернуться на прежнее место. Но, — инспектор поднял уже несколько устало брови вверх, — мы и здесь не поленились проверить: сейчас на этой окраине Саутпорта нет ни одного человека, который держал бы лошадь. И, наконец, в бюро проката лошадей мы сразу все узнали про вашего таинственного лесного всадника. Это один из молодых богатых отдыхающих. Из одной компании с той парой наездников, что проскакали мимо вас к Престону. Молодой лихач просто отправился за ними вдогонку и хотел удивить их, оказавшись на месте раньше. Отчего не позабавиться, если не надо работать, а деньги оттягивают карман.

— Могу вас только искренне поздравить, старший инспектор, — Пэро даже изобразил маленькие аплодисменты. — Что вы намерены делать дальше?

— Уехать в Лондон завтра же утром. Собранные мною улики отправятся в суд, а я — в заслуженный отпуск.

Джап с удовольствием посмеялся собственной шутке, а я подумал, что, как бы то ни было, поработал он действительно неплохо.

— Кстати, кто такая та пациентка доктора Бакли? — неожиданно спросил мой друг.

— ...а-а, — протянул инспектор, не сразу понявший, о ком идет речь. — Какое это теперь может иметь значение? Женщина лет тридцати пяти, довольно привлекательная, приехала сюда недавно из Южной Америки. Ее фамилия — Гивейрас. А имени уже не помню.

Он встал, собираясь прощаться.

— Задержитесь еще немного, старший инспектор, — предложил Пэро, — выпейте с Дастингсом виски, а я пока взгляну на те ваши двадцать гильз. Где они?

Джап удивленно пожал плечами, потом подошел к открытому окну и окликнул полицейского в машине. Еще через минуту тот принес небольшой побрякивающий полотняный мешочек.

— Поеду с женой в Рим, — с удовольствием проговорил Джап, принимая от меня новый стаканчик, — а потом в Венецию. Вы там бывали, капитан?

— Давно, и очень хотелось бы еще.

— А я ни разу не был.

— Действительно двадцать, — раздался сзади нас голос моего друга, который разложил гильзы под лампой на ночном столике. Джап ответил на это заявление легкой улыбкой. — Но только вот одна из них, — спокойно договорил Пэро, — от другого оружия. Идите сюда и взгляните.

Мы оба от удивления не сразу двинулись с места. Потом в одно мгновение оказались у столика.

Гильзы были расставлены вряд, пробитыми капселями кверху. Пэро молча ткнул пальцем в одну из них.

Мы несколько раз провели глазами по шеренге маленьких тусклых шляпок и каждый раз взгляд, как заусенец, задевал шестую гильзу. Характерный скос бойка здесь отсутствовал, удар приходился по центру и вмятина из-за этого была более глубокой.

— Дьявольщина! — прохрипел Джап. — Ну и хитер же этот парень! Ловко он собирался меня провести.

— Каким образом? — не понял я.

— Да очень просто! Представляете, какой эффект произвел бы его адвокат на судебном процессе, продемонстрировав то, что мы сейчас увидели? Он бы заявил, что из нагана Холборна сделано только двадцать выстрелов, тех самых — на поляне. А убийца действовал другим оружием и поменял гильзы, пытаясь навести полицию на подзащитного. Ни один присяжный не признал бы в такой ситуации Холборна виновным. Дело пошло бы на следствие и, вероятнее всего, закончилось ничем.

— Вы хотите сказать, — переспросил я, — что Джеральд Холборн сам устроил этот трюк с гильзами, чтобы потом разрушить обвинение?

— Несомненно.

Инспектор вернулся к столику и опрокинул внутрь весь стаканчик.

— Я ваш должник, Пэро! Здорово мог бы сесть в лужу. А теперь, я поверну хитрости Холборна против него самого. Я превращу эту его провокацию в дополнительный аргумент обвинения. Двойная игра преступника, а? Это произведет впечатление.

* * *

— Вы полагаете, Джеральд Холборн действительно совершил это убийство? — спросил я, как только мы вернулись к себе, проводив инспектора до машины.

— Разумеется, нет, топ амі. В этой истории еще слишком много неясного. Но должен сказать, что наш старый друг Джап сумеет представить суду убедительное обвинение.

— Однако, — подумав, возразил я, — у адвокатов тоже имеются хорошие встречные доводы.

— Какие же, например?

— Во-первых, Стив Харди был одет в точности, как и его двоюродный брат, а значит, убийца мог охотиться за Джеральдом.

— Правильное соображение, но не для Джапа и прокурора. Они с удовольствием выслушают это и ответят, что данное обстоятельство лишь усиливает позицию обвинения. Холборн ведь сам привез в подарок брату этот костюм. Они заявят, что это хорошо спланированная преступником деталь для будущей защиты.

— Ладно, возможно вы правы. Но объясните мне, зачем Джеральду требовалось держать у себя изобличающий его пузырек с кофеином? Он мог легко от него избавиться.

— Каким образом?

— Просто выкинуть в море.

— Вот здесь, топ амі, не только Джап, но и я не соглашусь с вами. Да-да, не удивляйтесь. Окна апартаментов подозреваемого, как и мастерская, на море не выходят. Идти днем к берегу и бросать что-то в воду — означает риск быть замеченным. Вставать ночью, чтобы сделать это, тоже рискованно. К тому же, после удавшегося во всех отношениях преступления преступник очень боится рисковать по мелочам. Это известно каждому криминалисту. У него возникает комплекс подозрительности и страха. Кто знает, а не установлено ли уже скрытное наблюдение за домом? Холборн мог не решиться ликвидировать пузырек, хотя, несомненно, собирался это сделать.

Миссис Роббинс принесла нам вечерний чай.

— У обвинения есть и еще один важный аргумент, — проговорил Пэро, когда она вышла из комнаты, — алиби остальных действующих лиц. Хотя, я согласен, поведение доктора и выглядит явно подозрительным. Послушайте, Дастингс, а точно ли именно его вы видели тогда у коттеджа? Расстояние ведь, чтобы разглядеть лицо, было слишком большим, не так ли?

Сосредоточившись на минуту, я вызвал в памяти ту недавнюю сцену... И вынужден был скоро согласиться с моим другом — мужская фигура в светлом костюме быстро мелькнула в дверях коттеджа. Более ни за что нельзя было поручиться.

— «Мужская» лишь потому, что костюм был мужской, — уточнил Пэро.

Мне снова пришлось согласиться.

Пэро сощурил глаза и покусал краешек верхней губы.

— И вам не кажется странным, топ аті, что женщина, подтверждающая алиби доктора, опять же из Южной Америки? Как много их вдруг оказалось, на маленьком кусочке английского побережья.

* * *

С погодой нам решительно везло, и, завтракая следующим утром во дворике под полюбившимся нам деревом, я с удовольствием поглядывал на синее без единого облачка небо. Еще нежаркие солнечные лучи весело пробивались к нам сквозь зеленую крону.

Пэро с удовольствием допил вторую чашку кофе и собирался что-то сказать, когда на улице прозвучал скрип тормозов и почти тут же непривычно громко хлопнула калитка.

Я повернул голову в ту сторону и увидел спешащего к нам по дорожке лейтенанта Кагерли.

— Доброе утро и приятного аппетита, джентльмены, — торопливо проговорил он.

Вид у лейтенанта был крайне озабоченный.

— Похоже, утро все-таки не очень доброе, а? — взглянув на него, предположил Пэро.

— К сожалению, вы угадали, мсье. — Кагерли отрицательно махнул рукой на мое предложение сесть. — Поэтому я сейчас здесь. Один из рыбаков выловил сегодня утром труп. Мы выехали по сигналу, и я посчитал необходимым заехать по дороге к вам.

Уже через двадцать минут мы все стояли полукругом на берегу, в том месте, куда рыбаки после ловли вытаскивали свои баркасы, в двух сотнях ярдах от замка. Мертвое тело было прикрыто грубой мешочной холстиной.

На этот раз, помимо полицейских, приехал и пожилой медэксперт. Именно он медленно отвернул прикрывавшую мертвеца материю и отодвинулся назад, давая возможность рассмотреть погибшего.

Первое, что бросилось мне в глаза, — темно-синяя морская роба и выступающая на груди тельняшка. Потом я без труда рассмотрел лицо.

Вероятнее всего, погибшему было около пятидесяти. Кожа на лице смуглая, прорезанная длинными морщинами по щекам, как это часто бывает у людей тяжелого физического труда, проводивших за ним всю жизнь. Темные густые волосы, сильно вьющиеся. Даже сейчас, мокрые, облепившие голову, они сохранили волнистые линии. Тоже темные с пробивающейся сединой усы и борода сходились с баками — очень распространенный фасон среди матросов торгового флота. Продолговатый нос с горбинкой. Выпуклый лоб с сильно выступающими надбровными дугами. Черты лица резкие, если так можно выразиться, мефистофельского типа. И сам этот моряк был явно из людей не слабых. Среднего роста, но с очень сильно развитой грудной клеткой, и кисти рук выглядели тяжелыми и непропорционально большими. Я тут же обратил внимание на несколько странную татуировку на левой руке. Она изображала кинжал, обвитый шипастой розовой веткой.

— Вы вполне оценили рисунок, мсье? — указывая Пэро на татуировку, прервал молчание лейтенант.

— Конечно. Он говорит о том, что погибший в своей жизни проводил время не только в море, но и в тюрьме. И, судя по количеству шипов, это заняло у него четыре года. Я не ошибся?

— Нет, у меня получилось столько же.

Кагерли кивнул медэксперту, приглашая его к осмотру.

Мы отошли на несколько шагов назад и молча стали ждать первых результатов осмотра.

Они последовали уже через несколько минут.

Никаких серьезных травм, кроме мелких ссадин на трупe не оказалось. Это обстоятельство, а также большое количество воды в легких погибшего, позволяло заключить, что он не был умерщвлен заранее, а затем сброшен в воду, что нередко встречается в полицейской практике. Смерть наступила именно в морской воде. И произошло это примерно сутки назад, то есть вчерашним днем или утром.

— Могу от себя добавить, — обращаясь к нам с Пэро, сказал Кагерли, — что в полицейское управление в Саутпорте этот парень раньше не попадал, иначе я бы запомнил его физиономию.

Никто из стоявших поодаль рыбаков тоже не опознал утопленника.

Лейтенант поглядел на замок:

— Поскольку труп найден слишком близко, неплохо бы пригласить взглянуть на него Каспера и Уиттона. Они очень многих знают и здесь в округе, и в Саутпорте.

Вскоре, сопровождаемые посланным за ними полицейским, вдали обозначились две хорошо знакомые фигуры, и, случайно взглянув на лейтенанта, я понял его чувство неловкости перед людьми, на которых и так уже обрушился шквал страшных событий.

— Как говорит пословица, беда не приходит одна? — приблизившись, проговорил Уиттон. — Здравствуйте, господа, что еще у нас стряслось?

К моему удивлению в нем не чувствовалось ни растерянности, ни подавленности, как по всем понятиям должно бы быть с человеком, потерявшим племянника и брата, да еще при столь странных и трагических обстоятельствах. Напротив же, Каспер выглядел очень траурно и понуро. Он стоял с

опущенной головой, ни на кого не глядя, что придавало его высокой сутулой фигуре болезненное выражение. Я заметил синие тени у него под глазами и ту красноватость век, какая бывает у людей всю ночь не спавших.

Лейтенант коротко объяснил, в чем дело, и попросил приглядеться к утопленнику.

Уиттон некоторое время внимательно его разглядывал, потом категорически заявил, что никогда этого человека раньше не видел. Каспер бросил на покойного короткий взгляд и отрицательно мотнул головой. Мне даже показалось, что он и не попытался как следует разглядеть лицо погибшего.

— Можем мы еще быть чем-то полезны? — спросил Уиттон.

— Если позволите, окажите нам с Дастингсом маленькую услугу, — неожиданно для меня произнес Пэро. — Мы бы хотели осмотреть ту площадку для отдыха, на краю обрыва.

— Пожалуйста, мсье, — Уиттон сделал приглашающее движение рукой, — пойдете с нами.

Признаться, я не сумел найти никаких объяснений внезапному желанию моего друга и, когда мы оказались на месте, почувствовал себя довольно глупо.

С полминуты, щурясь на солнце, Пэро водил из стороны в сторону головой, потом, повернувшись к Касперу, попросил:

— Покажите, мой друг, где именно сидела позавчера мисс Бакли.

— Извольте, сэр.

Каспер взял стоявшее рядом просторное белое кресло из легкого дерева, сделал несколько шагов и поставил его примерно посередине площадки. Спинка кресла смотрела на нас и на кухонное окно за нашей спиной.

Пэро что-то не понравилось. Он снова, сощурившись, поводил головой вокруг.

— А в котором часу на площадку приходит тень? — спросил он, посмотрев и на слугу, и на Уиттона.

— Примерно в половине четвертого, — ответил Мэтью, и Каспер согласно кивнул головой.

— Ну а мисс Бакли появилась здесь в начале третьего, не так ли? То есть в то время, когда солнце во всю светило?

— Так, сэр, — покорно ответил слуга, по-видимому, не очень пытаясь понять к чему все это.

— Вряд ли девушка сидела здесь прямо под открытым солнцем, а Каспер?

— Конечно, нет, сэр. У нее был большой зонтик. Очень красивый, под цвет платья. Она очень элегантная девушка, сэр.

— Да, я успел заметить. А не найдется ли у вас поблизости какого-нибудь зонта?

— Только от дождя, сэр.

— Ничего, сойдет.

Каспер все с тем же послушным безразличием направился к боковой двери, а еще через несколько секунд появился с большим темно-серым зонтом в руках.

Почему-то этот незамысловатый предмет вызвал у Пэро прилив хорошего настроения.

— Будьте так любезны, Дастингс, — обратился он ко мне, — сядьте в то кресло на минуту.

Я выполнил эту просьбу и тут же услышал сзади рассуждения моего друга:

— Если я ничего не путаю, солнце в своем движении переходит с этой стороны замка на другую.

Поэтому в середине дня его лучи идут уже со стороны крыши замка, то есть в затылок Дастингсу?

— Совершенно верно, мсье, — подтвердил Мэтью Уиттон.

Пэро быстро приблизился и, сунув мне в руку конец открытого зонтика, отошел назад.

— Представьте себе, мой друг, что горячие солнечные лучи бьют вам прямо в затылок, попробуйте защититься от них зонтом. А вы, Каспер, пожалуйста, пройдите в кухонное помещение.

Я немного наклонил зонт назад, и его края сами зацепились за верхушку высокой спинки кресла. Получился очень удобный навес.

— Отлично, *top ami*, отлично! — Еще больше обрадовался Пэро. — Каспер! Встаньте так, как если бы вы чистили тот самый серебряный сервиз. Что вы видите в окно Каспер?

— Ничего, сэр, — раздался из дома приглушенный голос слуги, — я стою к окну спиной.

— Повернитесь и посмотрите.

— Вижу капитана Дастингса в кресле, сэр.

— Хорошо, займите прежнее положение.

Я услышал быстрые шаги моего друга.

— Аккуратно, так чтобы не сдвинуть зонт, встаньте из кресла, *top ami*, и отойдите на десять шагов за угол.

— А теперь посмотрите снова, Каспер! — скомандовал Пэро, как только я выполнил его указание.

— Что вы видите?

— Да то же самое, сэр. Капитана в кресле под зонтиком.

— Ошибаетесь, Каспер, его уже там нет! Вернитесь быстро на место, Дастингс.

Уже хорошо понимая — в чем дело, я прошмыгнул назад, успев заметить за кухонным стеклом удивленное лицо слуги.

— Четыре секунды, — пробормотал Пэро и тут же, повысив голос, добавил: — Чрезвычайно признателен за возможность провести этот маленький опыт.

Мэтью, явно озадаченный увиденным, собрался что-то спросить, но Пэро, как мне показалось, совершенно намеренно опередил его собственным вопросом:

— Нам с Дастингсом необходимо побывать сегодня в Престоне. Как лучше это сделать? Нельзя ли вызвать сюда по телефону такси?

— Я думаю, нет нужды, мсье, — Уиттон, судя по всему, еще не вполне освободился от нахлынувших мыслей. — Престон, вы сказали? Впрочем, какая разница, куда вам ехать. Возьмите наш автомобиль. Капитан ведь умеет водить машину, а мне она сегодня не понадобится.

В моей голове вдруг мелькнула мысль, что при всей своей воспитанности и деликатности мой друг с годами приобрел способность, когда это нужно было делу, довольно хитро использовать хорошие качества людей.

* * *

— Бьюсь об заклад, Пэро, — начал я, как только мощная дорогая машина мягко понесла нас по шоссе, — что мы едем в Престон для того, чтобы встретиться с госпожой Гивейрас. Или вы просто хотите посмотреть исторические места?

— Вы абсолютно правы. История подождет. Таково ее предназначение — все время ждать. — Он на мгновение задумался, но тут же, чуть иронично скосив на меня глаза, добавил: — Хотя вы правы не до конца, *mon ami*. В мои задачи входит встреча еще с одним человеком. Поупражняйте-ка свою проницательность и догадайтесь с кем.

На этот счет у меня не было ни малейших мыслей, и видимо, чувство возникшего беспокойства слишком отчетливо отразилось на моем лице, потому что Пэро тут же ласково похлопал меня по плечу.

— Я снимаю свое предложение, вам ведь нужно следить за дорогой и автомобилем. Второй человек — служанка госпожи Гивейрас. Слуги, Дастингс, нередко бывают интересней своих хозяев.

Мне показалось, что в этих словах прозвучал еще какой-то, пока неясный для меня, смысл.

Вскоре мы оказались на окраине Престона и без труда отыскивали нужный дом. Это была совсем небольшая вилла, не дорогая, но симпатичная, с зеленым плющом по стенам.

Только сейчас я подумал, что мы заявляемся в чужой дом без каких-либо юридических к тому оснований, но Пэро так решительно подошел к входной двери и дернул за шнурок, что у меня уже не было времени думать об этом дольше.

Нам открыла служанка. Девушка семнадцати-восемнадцати лет с тем молодым, подвижным, но малозначительным личиком, которые постоянно наблюдаешь в дешевых кафе и кинематографах.

— Не могли бы мы поговорить с мадам Гивейрас? — вежливо улыбаясь, спросил Пэро. — Мы отнимем у нее всего несколько минут.

— Вы иностранцы? — с любопытством посмотрев на нас, спросила девушка и тут же сообщила: — Она должна скоро вернуться. А это ваш такой шикарный автомобиль?

— Нам его предоставили в замке Холборнов. Наверно слышали, какая там случилась история? Я частный детектив, Эркюль Пэро, и действительно иностранец. Бельгиец. А это мой друг, капитан Дастингс.

— Вы специально приехали из Бельгии расследовать это дело?

— В известном смысле, да.

Мне показалось, что девушка почувствовала себя счастливой, оттого что попала в орбиту таких событий.

— Ваша хозяйка, кажется ведь, тоже иностранка? Вы давно здесь служите? — пользуясь благоприятной ситуацией, быстро спросил Пэро.

— Нет, меньше года. И сегодня последний день. Хозяйка завтра уезжает отсюда. Назад, в свою Южную Америку. Но выглядит она как чистая англичанка и говорит как мы с вами. Меня зовут Ева, сэр, Ева Смит.

— Прекрасное имя.

— Вы так считаете?

— Да. А почему она уезжает?

— Не знаю, сэр. Она так неожиданно это решила.

— Может быть, это связано с ее здоровьем, доктор ведь часто ее навещал, не правда ли?

— Часто. Но обычно вечером после семи, когда я отправляюсь к себе домой. А это правда, что Джеральд Холборн совершил убийство? Я видела недавно его портрет в модном журнале, он так не похож на преступника. И он делает такие чудесные платья.

— Как только я это выясню Ева, то обязательно извещу вас прежде, чем сообщения появятся в газетах.

— Вы шутите, сэр.

— Ничуть. А когда доктор был здесь в последний раз?

— Позавчера вечером, в тот самый день убийства в замке.

— Вечером вы сказали? Но ваша хозяйка заявила полиции, что он был днем и уехал около трех.

— Наверно так, сэр, меня в то время не было дома. Но вечером, когда я уже ушла, он приезжал к моей хозяйке. Я зашла за своей подружкой. Она тоже работает служанкой на соседней вилле. Хозяйка ее немного задержала, и я, пока ждала на кухне, видела в окно как доктор прошел по улице и быстро вошел в наш дом. Он очень спешил. Уже были сумерки, но я хорошо его разглядела.

— Прошел по улице... Он разве был не на машине?

— Странно, я об этом не подумала, но автомобиля действительно не было.

— А мадам Гивейрас не изменила к вам своего отношения в последнее время?

— Ко мне нет, она всегда ведет себя вежливо. Но вы правы, в последние дни она изменилась — стала молчаливой и чем-то озабоченной.

— Хорошо, Ева. Тебе ведь все равно здесь уже не работать, а нам ты окажешь большую услугу, если не станешь рассказывать своей хозяйке о нашем визите. Договорились?

— Конечно, сэр.

Мы оба попрощались за руку с девушкой, которая уже показалась мне умненькой, и направились к автомобилю.

— Знаете что, Дастингс, — начал Пэро, помещаясь рядом со мной на переднее сиденье, — я не буду разговаривать с этой мадам Гивейрас. Сейчас это может только повредить. Но вот взглянуть на нее украдкой мне бы очень хотелось. Поступим так: сдвиньте автомобиль ярдов на пятьдесят вперед и сами по стойте немного у открытого капота. Она должна пройти мимо, возвращаясь домой из города.

На улице было пусто. Я несколько минут разглядывал мотор, стоя спиной к той части улицы, откуда ожидалась наша незнакомка. За это время только два мальчика пробежали по тротуару мимо нас, да проковыляла какая-то старушка. Но вот, в глазах Пэро за ветровым стеклом автомобиля сверкнули легкие искорки, и стройная фигура в светлом изящном платье вскоре поравнялась с машиной. По-видимому, женщину заинтересовал появившийся здесь дорогой автомобиль и она, замедлив шаг, повернула лицо в нашу сторону. Я успел хорошо ее разглядеть.

Ей наверняка было за тридцать, но относилась она, похоже, к тому типу женщин, которые развивают красоту с годами, черпая, невесть откуда, обаяние и элегантность. По моим наблюдениям — это, как правило, сильные натуры, и волевой отпечаток несомненно присутствовал на лице появившейся незнакомки. Большие умные глаза скользнули по нам, и женщина ускорила шаг.

* * *

Я полагал, что посещение Престона — единственная цель нашей автомобильной прогулки, однако у Пэро на этот счет имелись свои соображения.

— До чего же приятно сидеть на этих упругих кожаных креслах, Дастингс, и чувствовать, как мощный мотор плавно несет тебя по дороге. И всякие красивые блестящие штучки кругом. — Он с восхищением посмотрел на приборную панель. — Может быть, мы когда-нибудь разбогатеем и сумеем купить на двоих такое чудо? А впрочем, оставим пока мечты и до конца воспользуемся любезностью мистера Уиттона. Мы едем в Саутпорт, мой друг, в полицейское управление.

* * *

Лейтенант Кагерли скорее обрадовался, чем удивился, нашему появлению в его кабинете.

— У меня для вас очень любопытная информация, джентльмены, присаживайтесь поудобней, — поздоровавшись, сразу же объявил он. — Нам удалось установить личность утопленника.

— Так быстро? — удивился я.

— Да, помогла татуировка. Так вот, этот утопленник — Гарри Клайд. Сорока восьми лет, профессиональный моряк. С детства плавал на торговых судах, и капитаны оставались его работой довольны. Но это когда он работал и ничего не замышлял. Потому что парень был хитрый и всегда норовил заступить за черту закона. Делал это обычно в чужих портах. Контрабанда считалась его любимым занятием. Однако не только. Числились за ним и воровство, и даже грабежи в разных портовых городах. Один раз он по-настоящему попался и получил четыре года. По характеру зол и агрессивен. Однако в последнее время вел себя потише. Совсем недавно вернулся из рейса в Буэнос-Айрес и должен был снова уйти туда завтра. Имел две свободные недели на берегу. Мы опросили других матросов с его корабля, но ничего не добились. Клайд ни с кем своими планами, а тем более секретами, не делился. Как он умудрился утонуть, все недоумевают. Кто-то сказал, что он мог пол-океана проплыть. Кстати сказать, эксперт не обнаружил у него в крови алкоголя.

Лейтенант взглянул на нас и поднял вверх указательный палец, давая понять, что он не закончил и сейчас последует нечто важное.

— Теперь самое любопытное, джентльмены. Помните, я говорил вам, что два английских моряка двадцать два года назад, когда разыгралась история с убийством старого Чарльза Холборна, встретили его сбежавшего сына Майкла в Рио-де-Жанейро? Так вот, Гарри Клайд — один из них.

Сообщение вызвало во мне странные и неожиданные ощущения. Будто таинственная рука из ушедшего мира появилась здесь и, как на шахматной доске, сделала свой непонятный ход.

— Час назад я сказал Дастингсу, что человеческая история может только ждать, — проговорил Пэро. — Но ждет она лишь одного — чтоб как-нибудь напомнить о себе.

Он замолчал и некоторое время задумчиво рассматривал кончики своих блестящих белых башмаков.

— Вряд ли я ошибусь, — поднимая глаза на лейтенанта вскоре снова начал он, — если предположу, что второго матроса, видевшего за океаном Майкла Холборна, уже нет в живых.

— Не знаю, как вы догадались, но вы совершенно правы, мсье! Он был ужасный пьянчуга, и как-то зимой, сильно набравшись, забрел на пристань. Ну, видно и оступился.

Смерть незадачливого матроса произвела на моего друга на удивление сильное впечатление.

— Когда это было? — быстро спросил он и даже слегка приподнялся в кресле в ожидании ответа.

— Месяцев через шесть после тех событий.

— Очень интересно, очень.

Пэро встал и в некотором волнении прошелся по кабинету, а озадаченный этим Кагерли вопросительно взглянул на меня. Однако неожиданно для нас обоих мой друг заговорил на совершенно другую тему.

— Было бы крайне важно, лейтенант, самым срочным образом проверить, не снимал ли доктор Бакли в последние дни со своего счета в банке крупную сумму денег. Думаю, вы сумеете это узнать?

— Сумею, — уверенно кивнул Кагерли, — в течение часа я получу санкцию у городского судьи и сделаю необходимую проверку.

— Вот и отлично, тогда мы пока пообедаем где-нибудь по соседству.

— Могу посоветовать рыбный ресторанчик за углом. Капитан Дастингс там сможет заказать свою любимую камбалу.

Пэро быстро вышел, сделав вид, что не расслышал последнюю фразу.

По настоянию моего друга мы отправились обедать в другой ресторан — при дорогой гостинице. Мотив заключался в том, что там мы сможем просмотреть все вчерашние центральные газеты.

И именно за этим занятием, выпив по две чашки чая, мы провели последние полчаса.

Конечно, нас в первую очередь интересовали те публикации, где речь шла о деле Холборнов.

Сообщения были не то чтобы скудные, но какие-то одинаковые. В основном излагалась версия Джапа, который, приехав в Лондон, сразу поделился своей победой с журналистами. Имя моего друга нигде не упоминалось, что, впрочем, было вполне обычно. Хотелось узнать другое: о деталях лондонской жизни Джеральда Холборна, его проблемах, друзьях и недругах. Однако на этот раз газетная братия оказалась почти беспомощной. Получался отчасти уже обозначившийся в моем собственном сознании портрет увлеченного, преданного своему делу человека, мало связанного как с высшим светом, так и с богемой. Так, в общем, и говорили те немногие люди, что были знакомы с ним или связаны взаимными деловыми интересами.

Мы почти одновременно отбросили газеты и Пэро взглянул на часы.

— Час тридцать, как мы покинули лейтенанта, топ амі. Уже пора его навестить.

Верный обещанию Кагерли уложился в срок. И сразу доложил о результатах:

— Доктор Бакли действительно снял деньги, мсье. И очень немалые — десять тысяч фунтов.

— Когда он это сделал?

— Позавчера в половине шестого вечера.

— То есть вечером после убийства?

— Да.

Пэро удовлетворенно кивнул головой и обратился ко мне:

— Вы аккуратный человек, Дастингс, я точно знаю, что у вас в записной книжке отмечены все суммы, которые вы снимали за этот год в своем банке. Прочтите нам их, пожалуйста, это важно.

— Извольте, но вы же знаете, что мои суммы не идут в сравнение с этой.

— И тем не менее, топ амі.

Я вынул записную книжку, открыл нужную страничку и начал прочитывать длинную колонку цифр:

— Пятьдесят четыре фунта, тридцать два фунта пятьдесят пенсов, сорок семь фунтов, двадцать один, тридцать восемь...

— Достаточно, мой друг, большое спасибо. Не видите ли вы сами господу здесь некоторой отличительной особенности?

— Я понял, мсье, что вы хотите сказать! — встрепнулся Кагерли. — Человек не снимает на жизненные нужды круглые суммы.

— Именно так, лейтенант! Зато круглыми всегда бывают призовые суммы: подарки, премии, взятки, или, например, деньги на подкуп человека, дающего ложные показания. Мы с Дастингсом тоже сегодня не бездельничали, и кое-что выяснили.

— Не считаете ли вы, мсье, что теперь я должен обратиться в Лондон с ходатайством об освобождении Джеральда Холборна из-под стражи? — выслушав рассказ о нашем утреннем визите в Престон, спросил Кагерли. — Ведь это фиктивное алиби подрывает версию инспектора Джапа.

— Думаю, нет. Во-первых, потому что другие обвинения против Холборна-младшего весьма основательны. А во-вторых, потому что мы пока не можем представить достаточных доказательств фиктивности алиби доктора Бакли. Нам даже не выгодно сейчас пытаться это делать. Пусть сеньора Гивейрас, ничего не подозревая, вернется в свой Буэнос-Айрес и спокойно положит эти деньги в банк, не будет же она хранить такую сумму под подушкой. Вот тогда, по требованию Скотланд-Ярда, тамошние полицейские смогут поинтересоваться происхождением этих денег. А здесь доктору придется давать свои показания. Сходство цифр плюс неожиданное для них наблюдение служанки... уверяю вас, без контакта они быстро запутаются в собственном вранье.

— Вы абсолютно правы, мсье. — Кагерли довольно хмыкнул. — А похоже, что старший инспектор Джап поспешил отправиться на отдых в Италию?

— Он всегда спешит, поэтому наше правительство вынуждено постоянно строить новые тюрьмы. И вот еще что, лейтенант, постарайтесь, насколько это возможно, собрать сведения о кораблях, на которых когда-то плавал слуга Каспер, до того как устроился на работу к Холборнам.

— Возможно, вас это удивит, мсье, но я уже дал такое распоряжение.

Я вдруг отчетливо вспомнил тот колодец в каменных коридорах замка и белый платок, стремительно ушедший в пучину. Это черная, ждущая добычи вода даже в воспоминаниях вызвала холодок у меня внутри.

— Вы не связываете гибель этого матроса с той страшной ловушкой? — спросил я Пэро, когда мы садились в машину, чтобы ехать домой. — Знаете, мне кажется, нам известно отнюдь не все о подземельях замка и прочих его секретах.

— Вы правы, *mon ami*, мы видим только верхушку айсберга. И в то же время я чувствую главное: в этом замке живет история, и бог знает о чем она заставит нас еще подумать и вспомнить.

— И все-таки, — посчитав неуместными эти философические настроения моего друга, продолжил я, — если оперировать логикой, получается вот что. В известное вам утро я слышал тот странный разговор на берегу, и речь шла о чем-то зловещем. События должны были произойти через день. И так оно и случилось. Убийство этого моряка произошло именно через день, утром на вторые сутки. Очень возможно, что это и был тот самый незнакомец. А значит, подстроить ему ловушку могли только два человека — Каспер или Уиттон.

Против моего ожидания Пэро лишь скептически пожал плечами.

— Это правильные соображения, *mon ami*. Но, во-первых, они почти ничего не объясняют в деле об убийстве Стива Харди и неожиданной смерти сэра Джона, а во-вторых, не только эти двое упомянутых вами людей могли встречаться в каменных недрах замка с погибшим матросом.

— Кто же еще?

— Джеральд. Джеральд Холборн. Он ведь был арестован только вечером того дня. И еще: теоретически рассуждая, и Бета, и доктор могли знать этот или какие-то другие секретные входы. Что привело их сюда из Южной Америки?! — неожиданно резко спросил он. — И в кого стрелял убийца, Дастингс? В Стива Харди или Джеральда Холборна? Вот что меня мучает больше всего.

Я почему-то вспомнил темные как ночное беззвездное небо глаза Беты, когда мы стояли совсем недалеко от трупа Стива, и ее слова: «Но этого не может быть!».

* * *

Следующий день был днем похорон.

Семейный склеп Холборнов находился на старом кладбище вблизи Престона, где в незапамятные времена, еще до строительства замка, обосновались их рыцарские предки.

Две свежевырытые могилы — какой нехорошей и неродной кажется земля в такие минуты!

Кагерли получил из Лондона разрешение для Джеральда присутствовать на похоронах и он, переживая последние минуты, стоял рядом с Мэтью Уиттоном перед двумя гробами — отца и брата.

Прочие стояли немного поодаль, полукольцом, и странно было видеть среди них людей в форме, а дальше, сквозь редкие деревья, большую полицейскую машину.

И Джеральд, и Мэтью держали себя в руках. Лицо последнего было строгим и немного торжественным, как если бы совершались не гражданские похороны, а мужественный воинский обряд. Джеральд слегка осунулся, но в его облике чувствовалось напряжение и собранность. Меньше всего он походил на сломленного или испуганного человека.

Совсем иное впечатление производил Каспер, в котором горечь и растерянность еще усилились, сравнительно со вчерашним днем. Я обратил внимание, что его взгляд прикован к лицу сэра Джона. А когда взялись закрывать гроб крышкой, он сделал импульсивный шаг вперед и тут же, устыдившись своей несдержанности, вернулся назад и протиснулся дальше в задние ряды.

После окончания похорон специально нанятые машины развозили всех приглашенных по домам. Мы тоже уже собирались ехать, когда подошедший к нам лейтенант Кагерли, поздоровавшись, тихо произнес:

— Скажите шоферу, чтобы отвез вас в Саутпорт, к нам в управление. Есть интересная информация.

Езда на автомобиле и суeta освещенного солнцем летнего города сняли с меня тягостное впечатление от слишком печального и неестественного для человека зрелища. И к этому сразу добавились события, которые заставили позабыть о многом.

Лейтенант, пригласив нас сесть поближе к его рабочему столу, вынул из сейфа папку и развязал тесемки. Внутри лежал обычный почтовый конверт. И больше ничего.

— Пришел сегодня утром, — указывая него глазами, сообщил Кагерли.

— Письмо из Гавра, — заметил Пэро, успевший уже взглянуть в штамп.

— Совершенно верно. А вот что внутри.

Лейтенант аккуратно вынул из конверта листок бумаги, развернул его и положил перед нами.

Сначала мне показалось, что текст жирно напечатан на машинке, но тут же стало ясно, что буквы просто вырезаны из газеты.

В нескольких строках сообщалось следующее.

«По не существенным для полиции обстоятельствам, я десять лет назад близко познакомился с Майклом Холборном в Южной Америке. Сообщаю, что никакого сына он не имел».

Разумеется, без подписи. Как и без обратного адреса на конверте.

Пэро долго рассматривал этот незамысловатый листок.

— Нисколько не сомневаюсь, — наконец произнес он, — что буквы вырезаны из одной из центральных газет. Шрифт дорогой и довольно характерный. Могу предположить, что это «Файнэншл Таймс». Очень важно, лейтенант, чтобы ваши сотрудники установили точно. Теперь об авторе... а впрочем, — Пэро рассеянно посмотрел на нас, явно отвлечшись на какую-то новую мысль, — впрочем, джентльмены, с вашего позволения, не буду пока торопиться.

— У вас действительно появились соображения по поводу автора? — удивленно спросил лейтенант.

— Появились, — все с тем же рассеянным выражением ответил он.

Ответ прозвучал так, как будто мысли моего друга находились очень далеко отсюда. И это подтверждал его взгляд, не видевший ни меня, ни лейтенанта.

Мы оба невольно замолчали. Однако это длилось недолго, Пэро вскоре ожил и заулыбался:

— Я виноват, что отвлекся от общего разговора, друзья. Это потому, что мои серые клеточки обленились и не хотят быстро думать. Но ничего, я их заставлю. Будьте любезны, лейтенант, — обратился он к Кагерли, — организуйте размещение портретов покойного Стива Харди в возможно большем количестве газет и сопроводите примерно следующим текстом: «Всем, знавшим этого или похожего на него человека, просьба обратиться в полицейское управление Саутпорта». Очень важно, чтобы Скотланд-Ярд уже сегодня поместил эти фотографии в центральных вечерних газетах, но не менее важно, чтобы они их дали и в утренних периферийных. И пусть добавят несколько слов о премии. У них ведь есть для этого фонд.

Лейтенант Кагерли сделал в блокноте нужную запись и собрался что-то спросить, когда в кабинет вошел один из его сотрудников и положил на стол перед начальником служебную папку.

— Есть что-нибудь интересное? — поинтересовался тот.

— По-моему, да.

Сотрудник открыл папку и указующе ткнул пальцем куда-то в начало текста. Лейтенант поводит там глазами и, поблагодарив, отпустил подчиненного. Его лицо стало очень серьезным.

— Сведения о морской биографии слуги Холборнов Каспера, джентльмены, — сообщил он. — Мои люди неплохо поработали.

Он снова посмотрел в текст, а потом на нас:

— Главное здесь всего в двух строках. Вот: Каспер двадцать пять лет назад провел свой первый рейс вместе с погибшим Гарри Клайдом. В один и тот же день они были наняты на корабль.

Он вынул из стола другую папку, с делом Клайда, и, полистав ее, объявил:

— Плавали они вместе по крайней мере полгода. Я сейчас сравнил те и другие данные. И еще, — он посмотрел в бумаги, — судно было каботажное, перевозило грузы вдоль берега. Команда таких судов в те времена была очень небольшой, джентльмены, пять-шесть человек.

— Однако же Каспер мог просто не узнать изменившуюся за двадцать пять лет внешность своего бывшего товарища, — возразил я. — Ведь ему там, на берегу, не сообщили имя.

— Не исключено, вы правы, топ аті, — вяло поддержал меня Пэро. — А как называлось судно?

— «Камбала», мсье.

— Глупое название. Позвольте нам, лейтенант, самим осторожно поговорить со слугой об этом его далеком прошлом.

— Ради бога, мсье, и это меньше его насторожит, чем вопросы полиции.

— Я бы еще попросил вас, — Пэро встал, давая знать, что мы уходим, — дать нам в сопровождение полицейского, чтобы, опираясь на его авторитет, мы могли поговорить с официантом в том пабе, где мистер Уиттон коротал время, дожидаясь открытия магазина запасных частей в тот роковой день.

— У вас разве есть сомнения на его счет, мсье, мы ведь уже опрашивали официанта?

— Нет, но нелишне еще раз проверить.

Паб находился совсем недалеко от берега моря и того места, где мы в тот день расстались с Уиттоном.

Выделенный нам в помощь полицейский вызвал управляющего и, велел оказать нам всяческое содействие, попрощавшись, ушел. Почти сразу же перед нами предстал и пожилой официант, обслуживавший в тот день Мэтью Уиттона и знавший его в лицо прежде.

— Скажите, мой друг, — обратился к нему Пэро, одновременно вкладывая в руку официанта шиллинг, — в котором часу мистер Уиттон появился здесь у вас два дня назад?

— Примерно в четверть третьего, сэр.

— Вы так хорошо запомнили?

— Я как раз заступил на смену, сэр.

— Что он заказал?

— Бокал пива, а вскоре еще один.

— Попробуйте вспомнить поточнее, когда он заказал второй бокал?

— Очень скоро, — чуть подумав, ответил официант, — минут через десять. Да, сэр, минут через десять-двенадцать.

— А в промежутке между этими двумя заказами вы видели его за столиком?

— Может и видел, сэр, да сейчас не могу точно сказать. Зал очень большой, а нас в это время дня всего двое официантов. Бегаешь как угорелый. Он сидел там, у самой стены.

Мы посмотрели в направлении его руки в полутемную часть зала в противоположной стороне от входа.

— Что-нибудь еще вы успели заметить?

— Пожалуй, одну мелочь, сэр. У него, наверное, была слегка повреждена левая рука. Я заметил, когда он расплачивался, что она перевязана носовым платком.

— Может быть, перебинтована?

— Нет, сэр, перевязана клетчатым платком.

Пэро покивал головой и поблагодарил официанта. Мы направились к выходу, и хотя мой друг, как бывало в таких случаях, старался скрыть свое разочарование, оно отражалось на его лице.

— Нет худа без добра, — ободряюще сказал я ему. — В конце концов — чем уже круг подозреваемых, тем сильнее он сжимается вокруг настоящего преступника. Управиться меньше чем в пятнадцать минут Уиттон мог только на лошади, которой не было, или на моторной лодке, которая была бы услышана. И то при условии, что жертва должна была поджидать его на месте преступления. Иначе он бы не уложился и таким способом. Хотя, если не объявятся другие наследники, — размышляя вслух, продолжил я, — именно Мэтью становится единственным владельцем всего состояния, если Джеральд Холборн будет признан виновным. Конечно, титул и место в палате лордов он наследовать не сможет...

Тут я вдруг заметил, что Пэро смотрит на меня удивленными широко открытыми глазами.

— Что-нибудь не так? — озабоченно спросил я. — Что с вами?

— Вы высказали сейчас замечательно интересную мысль, Дастингс, — он продолжал смотреть на меня все с тем же выражением, но, как мне показалось, к этому добавилось еще то умственное напряжение, которым Пэро всегда старался подстегнуть к работе свои любимые серые клеточки.

От столь непонятно высокой оценки моих рассуждений я растерялся и даже чуть заподозрил розыгрыш, но в тот же момент отогнал эту мысль. Теперь лицо моего друга имело крайне сосредоточенный вид. Закинув руки назад, он слегка наклонил голову и, глядя в землю перед собой, нервно покусывал верхнюю губу. Я знал эту его манеру, выдававшую исключительно интенсивную умственную работу.

Через полминуты он поднял голову и уже спокойно посмотрел на меня.

— Прекрасная подсказка, топ амі, не знаю, что бы я без вас делал. — Он грустно улыбнулся. — То есть, к сожалению знаю: я бы несомненно зашел в тупик.

— О господи, Пэро! — почти взвыл я. — У меня нет ни малейшего представления о том, что такого особенного я мог сказать. Ну объясните же, пожалуйста! Неужели вы поняли — кто преступник?

— Не торопите меня, топ амі, пока я ничего не могу сказать о преступниках. Просто своей прекрасной логикой вы дали мне в руки ключ, с помощью которого, образно выражаясь, возможно удастся открыть самую главную дверь в этом замке.

Мы сели в такси, чтобы вернуться домой. День, за всеми прошедшими событиями, незаметно приблизился к вечеру, хотя летнее солнце стояло еще над горизонтом.

Через несколько минут быстрой езды мы оставили за собой большую часть пути и впереди показался красивый коттедж доктора Бакли. Я разглядел у калитки тонкую фигурку Беты и Пэро тоже обратил на нее внимание.

— Нас, кажется, приглашали на чашку кофе, Дастингс. Может быть, сегодня и не самый подходящий день, но что-то очень хочется кофе. Остановите, пожалуйста, машину у того дома, мой друг, — обратился он к шоферу, протягивая ему деньги, — дальше мы доберемся сами.

— Очень рада видеть вас, господа.

Бета уже переменяла утреннее траурное платье на легкое летнее, приятного абрикосового цвета, и выглядела, как мне показалось, даже чуть-чуть беззаботно. Я также обратил внимание, что бывший в последние дни на ее туалетах черный бант уже отсутствует.

— Мы вспомнили про приглашение на кофе, мадемуазель, хотя вряд ли тактично делать это в подобный день... — с извиняющейся улыбкой проговорил Пэро.

— Прошу вас в дом господ. В любом деле когда-то нужно ставить точку.

Ответ прозвучал излишне решительно и сухо, и может быть, почувствовав это, мисс Бакли приостановилась у входа в коттедж и, повернувшись к нам, добавила:

— В силу понятных нам всем обстоятельств, я хочу чтобы вы знали, господа, я не была очень близка с этими людьми. Мы были неплохо знакомы, это так. Пожалуй, можно добавить, что бедный Стив пытался немного ухаживать за мной. Здесь провинция, и хуже того, деревня, поэтому отношения людей кажутся более близкими, чем на самом деле.

Она жестом пригласила нас внутрь, и мы оказались в гостиной. Тут же молодая леди попросила разрешить ей повозиться немного на кухне, и мы получили возможность осмотреться.

Гостиная была обставлена дорого и со вкусом. Пожалуй, даже очень дорого, если иметь в виду такой глухой уголок Англии, а не лондонскую квартиру в богатом квартале.

Пэро с удовольствием и вниманием оглядел обстановку, а потом, встретившись со мной взглядом, выразительно поцокал языком.

Мисс Бакли появилась очень скоро. С серебряным подносом, таким же кофейником на нем и чашками тонкой чеканки. Эти предметы были под стать обстановке — несомненно, из антикварного разряда.

Но что касается кофе, он оказался действительно самым крепким и ароматным из всех, который я когда-либо пробовал.

— О, восхитительно, мадемуазель! — искренне заявил Пэро. — Он так крепок, что вряд ли я быстро засну в эту ночь.

— И что же вы будете делать, мсье?

— Думать.

— О том, кто убийца?

Странное выражение появилось у нее на лице: и шутливое, и серьезное вместе.

— Вы вполне допускаете, что Джеральд Холборн застрелил Стива? — вместо ответа спросил Пэро самым будничным тоном.

Девушка задумчиво наклонила голову и слегка повела высокими бровями.

— Я вам уже говорила, что не так уж хорошо знала этих людей, мсье. А что касается Джеральда, — она сделала маленький глоток, — мне кажется, его вообще толком никто не знал. Ни отец, ни дядя.

— Откуда у вас такие ощущения, мадемуазель?

Она опять сделала паузу.

— От него самого. Джеральд не относится к породе открытых людей. И еще в нем много внутренней силы, я всегда это чувствовала.

Сам тон ее последних слов мне показался не очень доброжелательным, и судя по всему, она не собиралась ничего добавлять к сказанному.

— При вас молодые люди никогда не ссорились? — не замечая этого, спросил Пэро.

— Нет, такого не было. Джеральд никогда бы ничего подобного не допустил. К тому же, он относился к Стиву не как к равному. По-моему, с внутренним пренебрежением, как умные люди относятся к случившемуся в жизни недоразумению.

— А Стив это чувствовал?

— Полагаю, что нет.

Опять же мне послышался дух враждебности в ее словах и, в то же время, интуиция подсказала мне, что разговор о событиях в замке можно вести еще долго, но вряд ли эта красивая и, как мне стало казаться, немного загадочная девушка расскажет нам что-нибудь новое.

Я скоро понял, что и мой проницательный друг придерживается такого же мнения.

Он снова перевел разговор на великолепно приготовленный кофе, на Южную Америку, что сразу вызвало улыбку на лице мисс Бакли, а еще через десять минут мы стали прощаться.

— Ваш отец ездит все время на автомобиле, — заметил Пэро выходя на крыльцо и прощаясь с хозяйкой, — а вы оказываетесь отрезанной от мира, мадемуазель?

— Не совсем, у нас есть хороший велосипед. А впрочем, вы правы, мсье, поэтому отец собирается скоро купить для меня небольшой автомобиль.

— Вы умеете водить машину?

— И скакать на лошади, мсье.

«И стрелять из нагана», — почему-то неожиданно для меня самого промелькнуло в моей голове.

— Вы разочарованы? — спросил я своего друга, когда мы оказались на безлюдном освещенном солнечным закатом шоссе. — Как говорится, фактов у нас не прибавилось.

— Напротив, *mon ami*, еще как прибавилось.

— Вы шутите, что именно?

— Велосипед. В истории с доктором меня смущал один важный момент — его автомобиль. Такую большую машину нельзя спрятать в редких кустарниках вдоль дороги. Ее даже нельзя убрать с шоссе, а оставлять там, рассчитывая, что в это время дня по шоссе никто не ходит и не ездит слишком рискованно. Окажись кто-нибудь поблизости, и у полиции возникли бы самые серьезные основания подозревать доктора в убийстве. И в то же время, преодолеть дистанцию в пять сотен ярдов и быстро потом вернуться домой как раз удобней всего на велосипеде. И здесь же ответ на вопрос, как незаметнее всего в сумерках добраться до Престона. Часто вы обращаете внимание, Дастингс, на проехавшего мимо велосипедиста?

— Но Ева не видела никакого велосипеда?

— И не должна была. Доктор оставил его неподалеку. У дерева или соседнего забора. Он ведь меньше всего хотел, чтобы кто-то обратил внимание на вечерний визит к этой его странной знакомой... а в каком-то смысле и сообщницы.

— Но мотивы, Пэро, мотивы! Зачем доктору убивать Стива Харди?!

— Совершенно ни к чему, согласен с вами. Зато гибель Джеральда Холборна делала его дочь невестой очень богатого и знатного молодого человека.

* * *

— К вам гость, — сообщила миссис Роббинс вскоре после того, как мы, вернувшись домой, сели пить чай, — это мистер Уиттон.

На улице сгустились сумерки и в комнате над нашими головами уже горела яркая лампа под старомодным абажуром.

Мэтью был одет в темно-серую рубашку с коротким рукавом и черные брюки, что несло в себе оттенок траура. Но вид у него был более естественный и живой, чем тот, на похоронах — торжественный и бесстрастный.

Мы еще раз выразили ему свое сочувствие и пригласили к чаю, на что он, как мне показалось, согласился с большим удовольствием. Наверное, долгие проведенные после похорон часы в замке, где жизнь так резко изменилась и оставила его одного, лишив не только близкого круга людей, но и связанных с ними забот, наверное, эти прошедшие десять часов, сделавшие его ненужно свободным, стали тягостными и он поспешил к людям, и сейчас с радостью принимал из рук миссис Роббинс чашку с чаем.

Понимая это не хуже меня, Пэро с присущей ему обходительностью быстро сумел организовать интересную отвлекающую беседу. Поговорили о Европе и мировой политике, военном флоте Великобритании, и не менее преуспевающих в этом американцах, вообще об американцах и, как-то само собой, о докторе Бакли.

— Здорово здесь он у нас разворачивается, — с уважением сказал Уиттон, — хотя, так и не понимаю, зачем американцу Англия. Разве на родине работы мало? Я бы нигде на чужбине жить не смог.

— А сам доктор объясняет свое пристрастие к этим местам? — как бы между прочим полюбопытствовал мой друг.

— Однажды я так его и спросил. — Мэтью провел рукой по своим плотным коротко стриженным волосам. — Он ответил, что мы, англичане, слишком предпочитаем всему благополучный статус-кво. А американцы любят риск и большие задачи. Самые большие, пусть даже маловероятные. Он так и сказал. Поэтому просто хорошей жизни в Южной Америке ему, дескать, было мало. И он решил выбрать растущий город в ленивой Европе, где сильный человек может очень высоко подняться. Саутпорт показался ему наиболее привлекательным. Размечтавшись, доктор говорил, что хочет со временем открыть здесь большой частный госпиталь, набрать хороший штат, внедрить свою систему скорой помощи, и вообще охватить обслуживанием не только город, но и всю округу. Но, представляете, сколько денег для этого надо? По-моему, ему все-таки столько никогда не заработать.

Что-то удивило меня в этом объяснении, и через несколько секунд я понял что: слова посетившей позавчера нас Беты. Слова о том, что ей с самого детства говорили о будущем переезде в Англию.

— Я, к сожалению, так до сих пор и не успел толком познакомиться с доктором, но дочь его производит крайне приятное впечатление. И мне показалось, что она умная и решительная девушка.

— Не могу вам ничего сказать, капитан, на счет этих качеств, но то, что она красива — бесспорно. И бедный Стив, мне кажется, в последнее время только о ней и думал.

— Она отвечала ему взаимностью?

— Э... не решусь ничего утверждать. Во всяком случае, последние два-три месяца они встречались почти ежедневно. И проводили много времени вместе.

Мэтью с удовольствием принял еще чашку чая и тут же хлопнул себя ладонью по лбу.

— О, джентльмены! В вашей прекрасной компании я совсем забыл, с чем сюда шел.

Он осторожно извлек из большого нагрудного кармана вчетверо сложенный листок бумаги и протянул его Пэро.

— Вот. Вы просили письмо покойного Майкла, которое Стив привез Джону. Я его нашел.

Гость стал помешивать ложечкой чай, а Пэро развернул листок и сдвинул его в мою сторону, чтобы я тоже мог видеть текст.

Крупным красивым почерком было написано всего несколько строк.

«Брат!

Я не виновен в смерти отца. Это чудовищное наваждение. А правильной сказать — чудовищное и непонятное для меня преступление. До последнего своего вздоха я буду надеяться на справедливость и свое оправдание. Призываю тебя к милосердию.

Майкл»

Позволив мне прочитать, Пэро не стал спешить отдавать письмо.

Он почему-то долго вглядывался в эти короткие отчаянные строки, потом осмотрел листок с обратной стороны и задал неожиданный вопрос:

— Скажите, мистер Уиттон, а в чем находилось письмо? Наверное, был и какой-то конверт?

Воцарилась тишина. Мэтью сдвинул брови и посмотрел на абажур. Потом почесал переносицу.

— Конверт, конверт... Позвольте! А и не было никакого конверта! Сейчас я ясно вспомнил — Стив вынул этот свернутый вчетверо листок из книги. Какая-то книга на испанском языке, и там между страниц он держал письмо.

— Несколько странный способ, вы не находите?

— Тогда я не обратил на это внимание. Сам приезд Стива был таким странным и неожиданным событием...

Гость не закончил фразу, да этого и не требовалось.

Пэро еще некоторое время подержал бумагу в руках.

— Я бы очень был вам обязан, мистер Уиттон, — произнес он после длинной паузы, — если б вы позволили взять мне это письмо на некоторое время. Я верну его очень скоро, и в полной сохранности.

— Конечно, мсье. — Мэтью согласно кивнул головой и посмотрел на уже пустую чашку. — Ну, я пойду, — вздохнув произнес он. — Очень было у вас приятно.

— А знаете что, Дастингс, давайте проводим нашего гостя до замка, а заодно и примем вечерние морские ванны. Это очень полезно перед сном.

Мэтью обрадовался возможности еще побыть в нашем обществе, и вскоре мы втроем отправились вышли из дома.

Вечер был очень теплым и абсолютно безветренным. В траве что есть силы стрекотала насекомая братия и кучка мотыльков вертелась у высокого электрического фонаря перед калиткой Роббинсов.

* * *

Уиттон тоже соблазнился нашей идеей и, забежав в замок за купальными принадлежностями, присоединился к нам на берегу.

Вода показалась мне удивительно теплой, и я с полчаса проплавал в ее тихих темных просторах, а когда вышел на берег, Пэро и Уиттон уже поджидали меня, чтобы, по настоятельному требованию последнего, зайти ненадолго в замок и выпить по рюмке рома.

— Забыл вам сказать, джентльмены, — он приостановился, когда мы уже подошли к крыльцу, — Каспер решил меня покинуть. Говорит, что в замке легко теперь обойтись без него и хочет снова вернуться в морское дело. Я пробовал отговаривать, но безрезультатно.

Каспер принес нам бутылку ямайского рома, рюмки и нежную фруктовую пастилу.

— Вы, мой друг, решили вернуться к старой своей профессии? — ласково улыбаясь, обратился к нему Пэро. — Может быть, не стоит так торопиться?

— Нет, сэр, — будто оценивая все еще раз, ответил тот. — Мистер Уиттон легко управится здесь и без меня. А мне очень хочется в море. Море, сэр, помогает забыть о том, что осталось на берегу.

— А свой первый корабль вы помните?

Каспер наполнил наши рюмки и выпрямился, держа за край пустой поднос.
— Разумеется, сэр, у него было такое смешное название — «Камбала».
Выражение его лица немного смягчилось, глаза потеплели.
— И первых своих товарищей тоже помните? Гарри Клайда, например?
Мне показалось, что поднос чуть скользнул из его рук.
— Нет, сэр, не помню, — после маленькой паузы ответил он. Морщинки вокруг его глаз вдруг задвигались и в выражении лица появился извинительный и в то же время какой-то веселый оттенок.
— Ведь двадцать четыре года прошло с тех пор.
— Двадцать пять.
— Тем более, сэр. Ну, разве упомнишь всех, с кем плавал?
— Вы правы, мой друг, и все-таки, я советую вам не торопиться.
Наш гостеприимный хозяин едва ли понял этот немного странный диалог, да, кажется, и не обратил на него внимания.

— Попрошу вас, Дастингс, об одной важной услуге, — обратился ко мне Пэро, когда мы покинули замок и двинулись домой. — Вы, в отличие от меня, в хорошей спортивной форме. Надо сейчас же добраться до Саутпорта. Пусть дежурный вызовет в управление лейтенанта Кагерли, время еще не очень позднее. Расскажите ему о том маленьком спектакле, который только что разыграл перед нами Каспер, и попросите взять под контроль суда в Саутпорте и в Ливерпуле, которые выходят в плавание в ближайшее время. Далее, возьмете с собой письмо, что принес нам Уиттон. Его надо отдать на почерковедческую экспертизу. У них в архивах наверняка сохранились образцы почерка Майкла Холборна. Если в Саутпорте нет хорошего эксперта, он наверняка есть рядом, в Ливерпуле. Пусть срочно отправят туда. Я надеюсь, такая прогулка не потребует от вас очень больших усилий, mon ami?
— Ничуть. Тем более, что назад вернусь на такси.
Еще через пятнадцать минут, переодевшись и захватив письмо, я выходил из дома. Как будто провожая в далекий путь, Пэро энергично пожал мне руку.
— Жду вас с нетерпением, Дастингс. И можете быть уверены, моим серым клеточкам предстоит в это время не меньше поработать, чем вашим ногам.

Мне действительно удалось быстро справиться с заданием. И надо сказать, что Кагерли ничуть не удивился тому, что его вырвали в одиннадцать часов вечера из дома. Все нужные распоряжения он сделал крайне оперативно. Письмо было немедленно отправлено на экспертизу в Ливерпуль, а вскоре и я, сэкономив деньги, на полицейской машине отправился обратно домой.

* * *

Следующее утро и первая половина дня прошли спокойно и без всяких новостей. И хотя Пэро был более сдержан и погружен в себя, чем обычно, это не помешало нам прекрасно провести время на пляже. Выражаясь в несколько военном стиле, можно сказать, что события начали развиваться лишь после обеда, когда мы с Пэро собирались предаться привычному уже занятию — полезной для здоровья прогулке.

Не успев сделать и нескольких шагов от крыльца, мы увидели подъезжающий к нашей калитке автомобиль и молодого полицейского за рулем.

— Извините за беспокойство, господа! — приподнимаясь с сиденья, прокричал он. — Господин лейтенант просит вас безотлагательно прибыть в управление!

В глазах моего друга вместо послеобеденной сонливости появился горячий блеск. Еще через минуту мы на большой скорости понеслись по шоссе в Саутпорт.

Лейтенант Кагерли был взволнован и не пытался это скрывать.

— Очень неожиданные новости, джентльмены! — пожимая нам руки, еще на пороге кабинета заявил он. — Очень неожиданные! — Он сразу прошел к своему письменному столу и взял лежавший там листок бумаги. — Послушайте, это телеграмма из Шеффилда. Я прочитаю.

Мы даже не успели сесть и слушали, стоя по другую сторону его рабочего стола.

«Донесение полицейского управления Шеффилда в Скотланд-Ярд, Лондон. Копия в полицейское управление Саутпорта.

В связи с публикацией в номере местной газеты присланных вами фотографий и объявления, сообщаем следующее.

Изображенный на фотографии человек опознан жительницей нашего города Кэролин Конерс как Энди Конерс. Указанный Э. Конерс является сыном ее покойного брата, пропавшим из города два года назад. Кэролин Конерс сообщает следующие дополнительные приметы пропавшего юноши: небольшой шрам на полдюйма ниже левого уха, полученный им в семилетнем возрасте от разбитого оконного стекла, более заметный шрам в районе левого локтя, полученный по той же причине. Большая родинка под правой лопаткой.

Полиция предоставляет следующую дополнительную информацию об Энди Конерсе. На момент исчезновения имел полные восемнадцать лет. В школе отличался повышенными способностями, но недоучился и бросил. Занимался посредническими торговыми сделками, подозревался полицией в участии в торговле краденными и контрабандными товарами. За недостаточностью улик к суду не привлекался».

— А эти приметы, — взволновано спросил я, — шрамы, родинка — они совпали?

— В том-то и дело, джентльмены, мы сверили приметы с описанием трупа, которое всегда в таких случаях делает медэксперт. Совпадение полное!

— Энди Конерс... — задумчиво проговорил Пэро, заложив руки за спину и покачиваясь с носков на пятки.

— Это еще не вся информации, джентльмены, — Кагерли только теперь заметил, что мы стоим, и, извинившись, пригласил нас сесть. — Пришло заключение из Ливерпуля. Они ручаются, что письмо написано Майклом Холборном и никем иным.

Не могу ничего сказать про Пэро, но, судя по выражению лица лейтенанта, он, как и я, находился в том скверном состоянии, когда ум противится думать над слишком странным и запутанным клубком событий, а воля говорит, что думать, тем не менее, надо. И напрягаясь изо всех сил, я сделал такую попытку.

— Таким образом, — медленно произнес я, — Стив Харди попросту самозванец, а Майкл Холборн... направлял его действия?

— Вы совершенно правы, капитан! — обрадовавшись моей инициативе, оживился Кагерли. — И чтобы доказать это, необходимо немедленно обратиться в уголовную полицию Буэнос-Айреса. Просить срочно провести вскрытие могилы Харди-Холборна. А мы должны послать им все имеющиеся приметы для идентификации трупа. Не так ли, мсье? — обратился он к Пэро.

— Да, именно так и следует поступить. Но если уж беспокоить ваших заокеанских коллег, то нужно добавить к этому еще одну просьбу. Мы ничего не знаем о докторе Бакли, кроме того, что он имел там большую практику и высокие заработки. Пусть дадут о нем максимальную информацию, в том числе о его браке с матерью Беты. Если это, как говорится, не дело полиции, пусть кто-нибудь из чиновников нашего посольства пороется денек в архивах. — Он на секунду задумался. — Там сейчас противоположное время суток, и когда у нас наступит ночь, в Аргентине начнется день, хорошо бы не потерять этот день, лейтенант.

Полицейское управление находилось на одной из главных городских улиц, и не успела отвозившая нас домой машина проехать по ней и сотни ярдов, как я заметил мисс Бету, выходящую из дорогого магазина. Тут же был и служащий в фирменной одежде с большой красивой коробкой в руках. Судя по его виду, он искал глазами такси для богатой покупательницы. Мой друг тоже посмотрел в их сторону.

— Вот и отлично, — сказал он, — поможем нашей прелестной знакомой добраться домой. На ловца, как говорится, и зверь бежит.

Смысл последней фразы моего друга показался мне не слишком ясным, однако скоро я понял, что он имел в виду.

Мы попросили затормозить. Я пересел на переднее сиденье, а Пэро расположился сзади, рядом с девушкой и ее большой красивой коробкой.

Со свойственной ему легкостью вести разговор, Пэро сначала принялся говорить любезности о тонком вкусе нашей знакомой, о вкусах вообще, английской моде. О том, что, верно, она отличается от вкусов южноамериканской публики?

И вскоре Бета рассказывала что-то о тех краях.

— Вы, видимо, очень хорошо знаете испанский язык, мадемуазель?

— Я знаю его в совершенстве, и даже часто думаю на этом языке.

— И ваш отец, разумеется, тоже?

— О нет, большинство проживающих там европейцев и американцев обычно хорошо его понимают, но говорят плохо или, как папа, могут, но не очень любят. Стив тоже не очень любил, — добавила она.

— Вы говорили, что он вообще не любил этот Буэнос-Айрес?

— Да, не любил, хотя и прекрасно знал. Много раз истоптал его ногами, как он выражался. Я все-таки нередко заставляла его вспоминать те места. У него была отличная память. Иногда он вспоминал поразительные городские мелочи.

* * *

— Что ж, попробуем все просуммировать и взвесить, только вы, мои ами, должны мне активно в этом содействовать.

Мы, наконец, добрались домой и с удовольствием расположились под тенистой кроной.

— Посмотрим внимательно еще раз на всех действующих в этой истории лиц. — Пэро, похоже, находился в ударе.

— Два года назад, — начал он, — в Шеффилде исчез парень по имени Энди Конерс. Теперь мы знаем, куда он исчез — в Южную Америку. А около года назад здесь появился молодой человек, назвавшийся именем Стив Харди и выдавший себя за сына Майкла Холборна. Письмо и хорошо отработанная версия, связанная с его жизнью вместе с отцом в Южной Америке, не позволяют сомневаться, что он был прекрасно управляемой, но не самостоятельной фигурой. По закону и долгу чести сэр Джон и Мэтью Уиттон признают за ним все наследственные права, а для Джеральда Холборна он становится неожиданным претендентом на главенствующее положение в качестве наследника фамильного состояния. Несомненно, для Джеральда это было большой и малоприятной неожиданностью. Что мы знаем о Холборне-младшем, *top amі*, кроме его фанатического увлечения своим искусством, для которого, кстати сказать, тоже очень нужны деньги? Мисс Бакли, вы помните, сказала, что вряд ли его вообще кто-то знал хорошо. Хм-м, интересное замечание.

Пэро замолчал и, обдумывая что-то, потер указательным пальцем переносицу.

— Как бы то ни было, Дастингс, но уже в этом месте можно сделать один важный вывод: Харди-Конерс действовал по плану. И разумеется, тот, кто его составлял, отнюдь не имел в виду делать это для благополучия некоего Энди из Шеффилда.

Этот, казалось бы, простой вывод заставил меня вдруг внутренне вздрогнуть.

До сих пор я думал о всем происшедшем как мрачном, малопонятном, но уже совершившемся злодействе, и о закончившем свою дерзкую акцию еще неизвестном злодее. Теперь неожиданно возникло другое ощущение — наблюдающей за всеми нами таинственной силы, черной руки, готовой сделать новый ход в непонятной для нас игре. Я вспомнил, что это ощущение один раз у меня уже было.

— Э, Дастингс, о чем вы задумались?

— Я подумал, что раз этот Конерс действовал по чужому плану, возможно, этот план еще и не реализован до конца.

— Вы совершенно правы! Нам не известно, что суждено было знать и делать этому несчастному юноше, а что он знать был уже не должен. Но впрочем, давайте, *top amі*, не забывать о том, что в этом сложном мире далеко не все планы осуществляются. Бывают и неудачи. Или столкновение нескольких планов, каждый из которых мешает прочим. Имея это в виду, продолжим логически мыслить.

Пэро поудобней устроился в кресле.

— Почти в одно время с Харди-Конерсом здесь появляются доктор Бакли с дочерью. Люди, как мы знаем, очень обеспеченные. И у доктора крайне честолюбивые планы. Требующие очень больших средств. А не возникли ли эти планы уже тогда, когда он понял, что деньги рядом? Покажите мне двадцатилетнего парня, который, встречаясь ежедневно с таким грациозным созданием, как Бета Бакли, сумел бы в нее не влюбиться. И нужен был не Джеральд, а именно Стив Харди, как главный наследник денег и титула. Да, *top amі*, и титула. Не верьте рассказам об аристократических пережитках, которые якобы ничего теперь не значат. Уверяю вас, значат и очень многое, и ловкие американцы прекрасно знают, как это использовать в своем деле. А если так, то повторю — им нужен был именно Стив, а не Джеральд, который, к тому же, вряд ли бы стал вкладывать деньги в медицинские программы доктора, а не в собственное дело.

— И, принимая Стива за Джеральда, мистер Бакли сделал тот самый выстрел?

— Или это сделала его дочь. Вы ведь помните мой эксперимент. Она легко могла выскользнуть из-под зонтика и, видя, что Каспер не смотрит в ее сторону, а он преимущественно стоял к окну спиной, пробежать в парк. А затем точно также вернуться назад.

— Позвольте, Пэро. Доктору или Бете действительно не составляло большого труда это сделать. Но как они могли после этого проникнуть к сэру Джону, да еще подсунуть ему смертельный препарат?

— А кто сказал вам, Дастингс, что это было сделано после выстрела в саду? Ведь удалось установить только, что смерть произошла не позднее, чем через час после выстрела. А почему не раньше? Экспертиза в таких случаях указывает лишь приблизительное время. Где все они находились за час-полтора до выстрела, включая и Стива, и Мэтью Уиттона? Кто обращал тогда внимание на входную дверь и на ее колокольчик? Доктор мог без всякого риска попробовать незаметно пройти к сэру Джону, никто бы не удивился там его встретив. А дать больному лекарство, штука не хитрая. И, наконец, почему надо обязательно предполагать, что сэра Джона и Харди-Конерса убил один и тот же человек. А еще точнее, что здесь не столкнулись разные люди и разные планы?

Я только развел руками, целиком соглашаясь с такой возможностью.

— А теперь пора перейти к центральной фигуре в этой истории, *top amі*.

— Кого вы имеете в виду?

— Каспера. Почему вас это удивляет? Теперь доподлинно известно, что он отлично знал погибшего Гарри Клайда. Слишком странно погибшего. Ведь это был сильный моряк, о котором кто-то сказал, что он может переплыть пол-океана. К кому еще, кроме Каспера, Гарри Клайд мог прийти сюда из Саутпорта? И еще одно более чем странное совпадение: Клайд оказался тем самым матросом, который когда-то вместе со своим товарищем опознал Майкла Холборна в Рио-де-Жанейро. И этот его

забулдыга-приятель очень скоро погиб. Тоже при не совсем понятных обстоятельствах: якобы забрел спьяну на пирс и свалился в ледяную воду.

— Вы полагаете, что Клайд выполнял поручения Каспера?

— Не сомневаюсь в этом.

— Но если убийцей Стива является Каспер или его помощник Клайд, то, черт возьми, кого они на самом деле хотели убить — Стива или Джеральда?

— На этот вопрос я вам сейчас не смогу ответить, *mon ami*. Но полагаю, что терпеть вам придется недолго. Надеюсь, до завтрашнего вечера.

— Как, Пэро, завтра вечером вы уже раскроете эти два убийства? И Харди-Конерса, и сэра Джона?

— Не только эти два. Надо же поставить точку и в том старом деле двадцатидвухлетней давности.

— Так значит, у вас уже есть основной подозреваемый?!

— К сожалению, нет. Всех основных и в равной мере подозреваемых лиц я могу вам еще раз перечислить: Джеральд, Каспер, доктор, Бета.

— Что же даст вам возможность прийти к окончательному решению за столь короткий срок.

— Ну, *mon ami*, срок не такой уж короткий. Завтра к утру, я надеюсь, мы получил сообщения от аргентинской полиции, и кроме того мне удастся разобраться еще кое в каких мелочах. А вот и одна из них.

К нашей калитке подъехал мальчик, привозивший как всегда в это время газеты. Пэро сделал ему жест рукой, предлагая войти, и повернулся ко мне:

— Надо заказать объявление в «Файнэншиел Таймс». Телеграфом, чтобы оно обязательно попало в завтрашний утренний номер. Будьте любезны, Дастингс, сделайте для мальчика запись.

Я выдернул листок из блокнота и под диктовку моего друга написал: «Джентльмену, приславшему письмо в полицию Саутпорта. Приглашаю и настоятельно советую прибыть в замок Холборнов в девять часов вечера этого дня. Эркуль Пэро».

— Кто это, по-вашему, может быть? — спросил я, лишь только мальчик с запиской и деньгами побежал к калитке. — Вы ведь сделали об этом человеке какой-то вывод, исходя из его письма?

— Пока могу сказать только одно: это человек из высшего общества.

— Как вы определили?

— Так же, как и вы могли это сделать, *mon ami*, по совокупности признаков. Газету «Файнэншенл Таймс» обычные англичане не читают. Она для делового мира. Однако автор письма не брокер и не средний банковский служащий. Этот человек слишком хорошо образован. Он знает, что определить почерк современные специалисты могут и по образцам, написанным печатными буквами. Кроме того, вы не обратили внимания на поставленную в письме от руки запятую. Тот случай, когда только хорошо образованный человек знает, что она там нужна. Неизвестный, следуя правилам грамматики и нормам собственной культуры, перечитывая письмо, неосознанно поставил этот каверзный знак. И вы заметили, как ровно наклеены буквы? Он строг к себе, и значит — правильно воспитан.

Пэро поднял вверх голову и посмотрел на уже косые, застрявшие в ветках солнечные лучи. Прятаться в тени уже не было смысла.

— Надо прогуляться, Дастингс, — справедливо заключил он, вставая из кресла и разминая ноги. — Давайте пройдемся по поселку, посмотрим на окрестную жизнь, а после заглянем в замок. Надо навестить Уиттона и возвратит ему письмо. К тому же, я обратил внимание, *mon ami*, его ямайский ром произвел вчера на вас весьма приятное впечатление.

Когда мы через час подходили к замку, солнце наполовину зашло, и его пологие красноватые лучи, падая на розовые лепестки, придавали им особую нежность. Розы жили своей загадочной жизнью. Алые, по большому внешнему кругу, выжидательно смотрели в центр. Казалось, им очень хочется узнать, что думают те белые, с высоко поднятыми головами, вставшие к ним спиной.

Дверь звякнула в ответ на наше появление в холле и мы, ожидая, посмотрели налево, откуда всегда в таких случаях появлялся Каспер. Прошло с полминуты, но его не было. Мы подождали еще немного без всякого результата, потом, дабы снова заявить о себе, я подошел к входной двери и во второй раз открыл и закрыл ее.

Теперь мы почти сразу услышали шаги наверху и громкий голос Уиттона:

— Каспер, к нам кто-то пожаловал! А-а, приветствую вас, джентльмены, — он появился у края лестницы. — Я сам только что вернулся. Ездил в Престон, смотреть проекты могильных памятников. — Уиттон быстро спустился вниз и пожал нам руки.

— Каспер! — снова позвал он.

Мы все посмотрели в ту сторону и вдруг почувствовали неестественную тишину.

— Ничего не понимаю, — проговорил Мэтью, — прошу прощения, я сейчас.

Он направился туда, где находилась кухня, а рядом, насколько мне было известно, личная комната слуги. Его отсутствие было недолгим, но выражение лица, когда он вновь появился, показалось откровенно растерянным.

— Представьте себе, джентльмены, похоже, Каспер, как бы это сказать, неожиданно меня покинул. Его комната выглядит так, будто он собирал вещи в крайней спешке. И никакой записки ни там, ни на кухне.

— Но ведь он предупреждал, что хочет покинуть вас, — напомнил я.

— Да, но не в такой форме. Я видел его два часа назад перед отъездом в Престон, он спрашивал меня — что приготовить на ужин. — Уиттон недоуменно посмотрел на меня, потом на Пэро. — К тому же, он не получил от меня расчет за последний месяц, а ведь я хотел дать ему еще премиальные за столько лет безупречной службы.

— Думаю, вам следует позвонить в полицию Саутпорта, — произнес Пэро.

— В полицию?

— Ну да. Разве вы не помните строгое указание инспектора Джапа — не покидать окрестности замка без предупреждения полиции. Его еще никто не отменял. И расследование пока не закончено.

Мэтью послушно кивнул головой и направился к телефонному аппарату.

Разговор длился очень недолго, а в конце он, не вешая трубку, обернулся к нам:

— Лейтенант хочет сказать несколько слов, мсье.

Пэро подошел к телефону. Некоторое время он молча слушал, а перед тем, как попрощаться, произнес единственную фразу:

— Спасибо, лейтенант, но у меня к вам завтра будет еще одна просьба.

Мэтью тем временем отправился на кухню, и вскоре мы довольно уютно расположились за чайным столиком в гостиной. Пэро всеми силами постарался развеселить хозяина, и не без успеха.

Пожалуй, мы немного засиделись и покинули замок, когда при ночном ясном небе кругом уже разливался белый свет луны. Подойдя к дому, я подумал о том, что теперь в пронизанном тишиной замке оставался один единственный человек.

* * *

Пэро вышел к завтраку подтянутый и строгий, и я тут же вспомнил его показавшееся мне вчера чересчур оптимистичным намерение расставить все точки над «и» уже этим вечером.

— Лейтенант вчера в телефонном разговоре обещал прислать за нами машину, как только к ним поступят ожидаемые из Южной Америки сведения.

— А о какой еще услуге вы его хотите попросить? — спросил я, вспоминая конец вчерашнего телефонного разговора.

— Провести еще один обыск в комнатах Джеральда Холборна.

— Зачем?

— Стаканчик, Дастингс, стаканчик для лекарств, который так надолго выпал из нашего поля зрения. Найти... или не найти его... — добавил он, раскладывая на коленях салфетку.

Такой ответ показался мне несколько странным, однако я не стал более досаждать ему вопросами, зная, какое важное значение имеют сейчас для моего друга покой и внутреннее сосредоточение. И все же, мысль о том, что он сможет к сегодняшнему вечеру найти решение задачи, число неизвестных величин которой отнюдь не уменьшилось, казалась мне просто невероятной.

Ввиду ожидаемых известий, мы не пошли на пляж и поместились после завтрака в любимые кресла. Точнее, это сделал я, в то время как мой друг то садился, то вставал, прохаживаясь быстрыми шагами к крыльцу и обратно.

Так продолжалось уже около часа, и я стал подумывать, что дело там, в Аргентине, в каком-то звене не сладилось, но появившийся автомобиль все с тем же молодым полицейским за рулем сделал ненужными эти гадания. Пэро, пригласив меня взглядом следовать за собой, быстро направился к автомобилю.

— Пришла информация из-за океана? — спросил он полицейского, энергично усаживаясь рядом с ним на переднее кресло.

— Так точно, сэр. Но лейтенант не сказал о ее содержании. Мне только приказано спешить.

— Ну, так гоните, мой друг!

Ободренный такими словами водитель резко развернул машину, и мы не поехали, а полетели в Саутпорт.

Лейтенант Кагерли ожидал нас у входа. Он стоял рядом с дежурным, катая мундштук папиросы в зубах.

— Разве ваш начальник курит? — спросил я водителя.

— Когда волнуется, — коротко ответил тот.

— Новостей несколько, джентльмены, — начал Кагерли, когда мы прошли в его кабинет. — Начну с той, что попроще. Сегодня в шесть утра в Ливерпуле был задержан слуга Холборнов. Корабль, на который он уже устроился под чужим именем и по фальшивым документам, должен был отплыть в восемь тридцать утра. Вернее, уже отплыл, но, сами понимаете, без него.

— Куда направлялся корабль?

— В Рио-де-Жанейро, мсье. Голубчик уже доставлен к нам и содержится в одиночной камере.

— Отлично, лейтенант, пусть и останется там до вечера.

Кагерли протянул руку к лежащей перед ним открытой пачке папирос, но передумал и отодвинул ее подальше на край стола.

— Из Южной Америки два сообщения, — продолжил он. — Могила Харди-Холборна вскрыли. Она пуста. — Он сделал небольшую выразительную паузу. — Но Стива Харди несколько бывших соседей узнали и по фотографиям, и по посланному нами описанию. Кто-то вспомнил и про шрам ниже левого уха. А вот его отца ни один человек вспомнить не смог, хотя, вроде, и видели иногда пожилого опирающегося на палку мужчину. Больше ничего выяснить не удалось.

— А что по доктору Бакли? — спросил Пэро.

— Немало интересного. Начну с известной нам госпожи Гивейрас. Двое суток назад она прибыла в Буэнос-Айрес и первым же делом положила десять тысяч фунтов на счет в своем банке, на долгосрочный процент.

— Ну что ж, одна мышеловка захлопнулась, — удовлетворенно проговорил мой друг и выжидающе посмотрел на лейтенанта.

— Еще два любопытных обстоятельства, мсье. Как выяснилось, доктор Бакли женился более двадцати лет назад на уроженке Аргентины, красивой женщине, которая до этого уже была замужем за каким-то англичанином. Предыдущий ее брак был несчастливым и коротким. Однако его результатом стала эта самая Бета. Мать Беты вскоре после выхода замуж за Бакли умерла, а настоящего отца девочка вообще никогда не помнила. Это, во-первых.

— Она знает, что Бакли ее приемный отец?

— Как выяснилось из опросов близких к ним людей, знает. Но вот, второе интересное обстоятельство. За несколько месяцев до их неожиданного для всех отъезда в Англию, Бакли обратился в полицию с требованием защитить его от шантажа. Объявился родной отец Беты. Вернее, он прислал доктору письмо с требованием денег и не очень понятными угрозами каких-то разоблачений. Любопытнее всего, что доктор вскоре забрал свое заявление назад: якобы шантажист написал ему новое письмо, где извинился и отказался от своих претензий.

— Действительно, очень интересно, — пробормотал Пэро, и по его виду, я понял, что в прозвучавшей сейчас информации было нечто для него неожиданное. — Мне надо подумать, друзья. Мне надо основательно еще раз все обдумать.

— Простите, мсье, вы собирались попросить меня о какой-то услуге, ваши планы не изменились?

— Ничуть! — Пэро неожиданно встал и взглянул на нас обоих как полководец перед боем. — Сегодня вечером я разрублю этот гордиев узел. Но мне, конечно, потребуется помощь. Вас, лейтенант, я попрошу прибыть со своими сотрудниками в замок к шести вечера и провести второй обыск в комнатах Джеральда Холборна. Меня интересует небольшой стаканчик для приема лекарств, самый обычный — темного стекла, расходящейся вверх конусовидной формы. Но это не все. В семь часов я назначаю общий сбор в замке. Пусть туда доставят и Джеральда Холборна, и Каспера. А вам, лейтенант, надо уведомить доктора и мисс Бету о необходимости явиться в замок к семи. И еще одно, друзья: возьмите оба с собой оружие, оно может понадобиться. А теперь, — Пэро посмотрел на каждого из нас, — мне надо несколько часов погулять одному и поразмышлять. Ждите меня ближе к шести, Дастингс.

Мы с лейтенантом остались вдвоем, и он тут же предложил мне кофе. Было ясно, что мы оба переполнены вопросами, и тот узел, который собирается сегодня разрубить Пэро, представляется нам не менее загадочным, чем самые страшные морские узлы для новичка на флоте.

Полицейский принес нам горячий кофе в больших керамических чашках.

— А вы уверены, что ваш знаменитый друг и на этот раз сумеет оказаться на высоте? — пододвигая мне сахарницу, осторожно спросил Кагерли. — Понятно, я самого высокого мнения о его таланте, но столь головоломной задачи я не встречал не только в своей, но и вообще в известной по литературе полицейской практике. Что можно сделать за эти оставшиеся часы, ведь никакой новой информации уже не поступит? Во всяком случае, насколько я понял, мсье Пэро на это не надеется. Тогда на что?

— Только на свои серые клеточки, лейтенант.

— Другими словами, вы хотите сказать, мы знаем все то же самое и в принципе сами способны решить эту почти фантастическую задачу?

— И Пэро всегда так говорит в подобных случаях.

— О боже, я начинаю чувствовать себя неполноценным человеком. Можно только радоваться, что мои подчиненные этого не знают.

Выражение грусти появилось на его лице.

— Не принимайте это так близко к сердцу, лейтенант, — посоветовал я, — такие же ощущения и меня преследовали поначалу, да и сейчас они иногда меня посещают, хотя не в такой острой форме. На свете должны быть гении. Кто-то придумывает двигатель внутреннего сгорания, обнаруживает

рентгеновские лучи, создает теорию относительности. Мы не умеем этого и не страдаем от такого недостатка. И к нашему другу Пэро мы должны относиться также — как к гению криминальных расследований, с которым бессмысленно тягаться. Природа дала ему больше, чем нам.

Кагерли понравилась эта мысль.

— Хе... вы правы, капитан, мне как-то не приходило в голову так посмотреть на вещи. Тогда и задача у нас другая: помогать нашими небольшими силами тем, кто делает большие дела. И если не жалеть своих сил, то, пожалуй, в конце жизни и не пожалеешь ни о чем. Неправда ли? — лейтенант довольно взглянул на меня, но тут же озадаченно потер переносицу. — Черт возьми, однако я именно так всегда и поступал.

* * *

Легко давать советы другим, но самому им следовать не очень просто. Стрелки моих часов еще только приближались к четырем, когда я уже находился дома.

Заняться в ближайшие два часа было решительно нечем, и незаметно во мне стал разгораться честолюбивый состязательный огонек. «А что если и я, напрягая собственные серые клеточки, смогу разрешить эту самую задачу? Чем, в конце концов, они у меня хуже? — подстрекающе шептал мне внутренний голос. — Надо только изо всех сил сосредоточиться. Надо еще раз все продумать. Ведь мне известно отнюдь не меньше, чем Пэро. А может быть, даже больше».

— Стоп! — от неожиданности произнес я вслух. — Откуда эта странная мысль?

И тут же огненная молния пронеслась у меня в голове. Сначала я почувствовал ее и только потом понял — чего не знает Пэро, но знаю я!

Лодка! «Спаситель»!

Три человека в ней — сэр Джон, Джеральд и Уиттон. Законные наследники замка и состояния Холборнов. И всем им суждено было погибнуть в том якобы несчастном происшествии, когда сквозь сломанное дно вдруг хлынула вода. Кто мог это подстроить? Единственный связанный с ними человек: Каспер!

От волнения я выскочил из кресла и почти побежал к калитке, чтобы посмотреть, не видно ли возвращающегося Пэро. На улице не было ни души, и я заставил взять себя в руки: он и не собирался возвращаться так рано.

Мысль, тем временем, продолжала работу, и отдельные эпизоды складывались в уже отчетливую картину.

Да, те трое в лодке, поочередные наследники замка и капитала, должны были погибнуть. Но кто смог бы тогда занять это место? Только Майкл Холборн.

Итак, Майкл Холборн и Каспер находились в преступном сговоре с самого начала. И именно они убили старого лорда Чарльза, а затем Каспер помог своему хозяину бежать. Именно так с первой минуты все было задумано. Затем, в скором времени, Каспер должен был осуществить убийство всех прочих наследников, и это был одновременно остроумный и очень надежный план, потому что все трое любили в те годы морские прогулки и часто это делали вместе. Однако Майкл Холборн не мог самолично претендовать на наследство. Объявись он в Англии, первое, что с ним сделали бы — упрятали за решетку.

Поэтому преступники придумали новое не менее оригинальное продолжение этой истории. Любой появившийся на свет ребенок сбежавшего Холборна становился единственным и законным наследником, в особенности, если можно было разыграть смерть самого Майкла, как это и намечалось. Дело, следовательно, упиралось лишь в сообщницу-жену и даже чужого младенца, которого можно выдать за наследника и через мать оформить над ним опеку. А Каспер? Каспер получал заранее обусловленную плату за свою помощь, и надо думать — плату немалую.

Я чуть-чуть передохнул, радостно ощущая, как одно за другое цепляются четкие логические звенья.

Тем не менее, блестящий план провалился по случайности, которую невозможно было предвидеть: брату Роббинса приспичило выйти в море, в то время, когда ни один рыбак этого не делал. Планы на быструю победу рухнули — переживший шок сэр Джон возненавидел море и даже перенес свои апартаменты в те комнаты, откуда моря не было видно.

Да, эти планы рухнули, но общий замысел никуда не делся. И вряд ли могло быть иначе: преступникам некуда было отступать, в особенности Майклу Холборну.

Преступники любят собственные схемы. Это общеизвестно. И наступило время терпения и подготовки. Наверное, очень тягостное для них, но позволявшее рассчитывать на верный успех.

Был найден способный и не обремененный морально молодой человек — Энди Конерс. Его отправили на год в Буэнос-Айрес, где он учил язык и, выражаясь по-военному, ознакомился с местностью и имитировал бедную жизнь со старым отцом, для которого и была в конце концов сооружена фиктивная могила.

Этот Конерс, что называется, оказался на крючке. Он должен был вести игру до конца, то есть получить наследство и отдать его основную часть Майклу Холборну. Возможно, у того была задумана и вторая часть спектакля, когда со сцены должен был исчезнуть и сам Харди-Конерс. Однако сначала

нужно было убить сэра Джона и Джеральда Холборна. Наверное, схожая участь готовилась потом и для Мэтью Уиттона.

Смерть сэра Джона теперь получала простое объяснение: Касперу было очень легко сделать все заранее, до выстрела в парке. Ухаживая за хозяином и многократно появляясь в его комнатах, он мог без труда и риска подлить кофеин в лекарство, которое тот регулярно пил. Остатки кофеина он подсунил Джеральду, который среди множества склянок с масляными красками, растворителями и прочей художественной дрянью, конечно, не обратил внимания на еще одну.

По убийству Джеральда Каспер имел прочное алиби, а случись непредвиденное, должен был просто сбежать, что он и попытался, в конце концов, сделать. И если бы здесь вдруг не оказался Эркуль Пэро, вряд ли бы полиция успела принять своевременные меры для его поимки.

Злодеям опять не повезло. Джеральд подарил Стиву копию своего костюма, и ничего не подозревавший Каспер выстрелил в затылок другому человеку.

Я еще раз немного передохнул и опять сосредоточился, чтобы довести рассуждения до финала.

Знал ли Харди-Конерс, что Каспер его сообщник? Вряд ли. Скорее, слуга тайно контролировал его и отсылал сообщения о ходе дел своему хозяину. Отсюда и слова наблюдательного молодого человека о том, что он «иногда чувствует взгляд Каспера на своей спине».

Когда сама судьба нарушила этот злодейский, хоть по-своему и гениальный план, Каспер решил не спешить. Добраться ведь до него было трудно, и вот тут ... Тут появляется его бывший дружок Гарри Клайд. Абсолютно криминальный и, видимо, неглупый тип...

Неожиданно еще одна идея сверкнула в моем сознании!

Да, Клайд видел тогда, давно, Майкла Холборна в Рио-де-Жанейро, и сообщил об этом в полицию. Но он мог не сообщить в полицию, что выследил Холборна и узнал не только, где находится его логово, которое тот затем поменял, но новые имя и фамилию! А, потом, чтобы стать единственным обладателем многообещающей тайны, он столкнул в воду своего моряка-приятеля. И начал понемногу следить за жизнью в замке. А попадая с очередным рейсом в Латинскую Америку, тайком проверял Майкла Холборна, наводил справки о его жизни и близких. И вот, когда из-за океана появился неизвестный молодой человек, не с тем, разумеется, именем, под которым скрывался сам Холборн, и с другими противоречиями к имеющимся у Клайда данным, тот стал о многом догадываться. И начал шантажировать своего старого друга Каспера. Чем дело кончилось — известно.

Я встал из кресла и уже не спеша прогулялся к калитке и обратно. Картина была дописана. Концы сошлись с концами. В голове ощущалась приятная усталость. Теперь все самое сложное позади. Нужно только допросить как следует Каспера, расставить ему ловушки... уж кто-кто, а Пэро, прекрасно сумеет это сделать.

Я с удовольствием вернулся к креслу, уже не думая ни о чем и наслаждаясь заслуженным отдыхом. Часы показывали без нескольких минут пять.

Еще через пару минут я лениво встал и прошелся к крыльцу, чтобы попросить миссис Роббинс приготовить чай, который будет весьма кстати моему другу, когда он, наконец, появится после длительных своих хождений.

До визита в замок — к семи — оставалось два часа. Я развернул свое кресло так, чтобы можно было видеть калитку, и стал поджидать своего друга.

И вскоре он появился.

Вернее, сначала над растущими у дальней части забора кустами появилась знакомая белая шляпа. Она стала быстро и чуть подпрыгивая приближаться и через несколько секунд обнаружила под собой гениального сыщика всех времен и народов Эркуля Пэро, шагнувшего энергичной походкой по тротуару.

И вот он уже толкнул внутрь калитку и, улыбаясь, направился ко мне по дорожке.

— Приветствую вас, топ аті, приветствую! — Он повесил на сучок шляпу и с удовольствием плюхнулся в кресло. — Ох, с каким удовольствием я бы выпил сейчас чаю. Сразу две чашки, без перерыва.

— Миссис Роббинс уже его приготовила.

— Благодарю вас, топ аті, вы очень внимательны. Однако же, что это с вами?

— А что?

— Да у вас такой вид, как будто вы открыли все законы Ньютона сразу.

Пэро задрал голову и внимательно осмотрел крону дерева.

— Я не вижу, топ аті, плодов, которые на вас оттуда могли бы падать, — вполне серьезно сообщил он. — Ну-ну, не надувайте губы и выкладывайте свои идеи. Я и не сомневался, что вы не теряли здесь время даром.

Мне не совсем понравилось такое малоуважительное начало, и я было уж открыл рот, чтобы это отметить, но появилась миссис Роббинс с душистым чаем, молоком и гренками. Пэро тут же засунул один из них в рот и, по-детски зажмурив глаза, сделал большой глоток из чашки. Это зрелище и все его поведение невозможно было связать с тем, что меньше чем через два часа при полицейских и многих

подозреваемых должно быть раскрыто едва ли не самое загадочное преступление, с которым мне приходилось сталкиваться.

— М-мм, как вкусно!

Еще один поджаристый гренек отправился туда же, и что-то вроде досады стало расти у меня внутри.

— Отчего вы молчите, Дастингс? У нас совсем немного времени.

Я повернул голову и увидел его глаза. Уже совсем другие — умные и очень жесткие.

На протяжении всего моего рассказа Пэро молчал.

Стараясь быть последовательным и ничего не упустить, я не следил за его реакциями, а когда, закончив, взглянул на него, выражение лица моего друга было сосредоточенным и непроницаемым. Но с той известной любителям спорта особенностью, которая бывает в лице боксера на ринге, когда тренер и секунданты еще рядом, но он сам уже стоит по другую сторону канатов в мгновенном ожидании рокового гонга.

Я вдруг почувствовал, что сдерживаю дыхание и опасаюсь пошевелиться. И воздух застыл вместе со мной.

Это, однако, продлилось недолго. Пэро медленно встал и, не глядя на меня, торжественно произнес:

— Вы оказали неоценимую услугу правосудию, капитан Дастингс. Нам предстояло мучительно искать преступника. Теперь, мы держим его в руках. — Он так же медленно и торжественно направился к крыльцу и, не поворачивая головы, произнес: — Мы направляемся в замок через сорок минут. Наденем строгие костюмы.

— Вас понял! — ответил я, заметив вдруг, что стою по стойке «смирно» с вытянутыми по швам руками.

* * *

Еще издали мы увидели две полицейские машины у крыльца, нескольких полицейских рядом и ожидающего нас лейтенанта Кагерли. Было без трех минут семь.

— Дополнительный обыск в комнатах Джеральда ничего не дал, — сообщил лейтенант, пожимая нам руки. — Мы не нашли этого самого стаканчика для приема лекарств. Ни чего-либо еще полезного для следствия. Все люди уже на месте, — добавил он. — Я собрал их в библиотеке.

Народ расположился неровной линией в креслах спиной к книжным полкам. Напротив входной двери в ближнем углу у пустого в это теплое время камина сидел Мэтью Уиттон, далее, сбоку от него, Бета, рядом доктор, затем Джеральд Холборн. И с другого края Каспер. На нем, вместо привычного для меня сюртука слуги с узкой бабочкой под высоким воротничком у шеи, была простая одежда городского жителя из рабочих кварталов — светлая рубаша с широким воротом и закатанными рукавами и светлые недорогие парусиновые брюки, в которых ходила добрая половина мужчин Саутпорта. Эта, если так можно выразиться, гражданская одежда делала его лет на пять моложе. Он стоял позади одного из кресел, в которых разместилась остальная публика, положив руку на его высокую спинку.

Когда мы вошли, оказавшись напротив собравшихся, лейтенант отпустил стоявшего рядом с дверью полицейского и жестом указал Касперу на кресло, предлагая ему, как и всем прочим, сесть. Но тот в ответ, не меняя позы, лишь отрицательно мотнул головой, и похожая на иронию усмешка промелькнула в его лице. Наверное, это была ирония на предложение стать равным в этом доме. Равным — среди всех прочих подозреваемых.

— Я думаю, что все здесь присутствующие хорошо понимают цель нашего полицейского мероприятия — Начал Кагерли сухим и официальным тоном. — Было бы несерьезно что-то смягчать или приукрашивать — двое из присутствующих прибыли сюда под стражей. Трое других являются непосредственными свидетелями происшедших в этом замке преступлений и не могут не понимать, что полиция рассматривает их не только в этом качестве, но и в качестве потенциальных подозреваемых. Пока это все, что я хотел вам сказать как руководитель местной полиции. — Он хмуро посмотрел на линию кресел у противоположной стены. — Расследование вместе с нами ведет известный вам всем детектив мсье Пэро. Я передаю ему слово. Прошу вас, мсье.

Лейтенант отодвинул от стоящего посередине комнаты длинного стола два стула, приглашая нас обоих садиться.

Таким образом, мы расположились друг против друга, как два враждующих лагеря. Пэро остался стоять недалеко от входа, где-то за моим левым плечом. Пока что он, дожидаясь слова, разглядывал кончики своих блестящих штиблет, выступавших из-под наутюженных с острыми стрелками брюк.

Теперь Пэро поднял голову и любезно оглядел присутствующих.

— Я должен заранее извиниться за те вопросы, которые буду вам задавать, — начал он, — но думаю, вы отнесетесь к ним с пониманием, поскольку, как уже отметил лейтенант, мы, увы, собрались здесь сегодня не на вечеринку. Однако начну я не с вопросов, а с весьма неожиданного сообщения. Возможно, некоторые из вас обратили внимание на появившиеся позавчера в газетах объявления

Скотланд-Ярда. Там говорилось, что полиция ищет людей, знавших убитого Стива Харди. Такие люди нашлись. По фотографии его опознала жительница Шеффилда и дала точное описание примет. Настоящее имя Стива Харди — Энди Конерс. С момента своего рождения и до восемнадцати лет он прожил безвыездно в Шеффилде и лишь два года назад исчез из города неизвестно куда. Точнее, теперь известно — в Буэнос-Айрес.

Я всячески старался не упустить из виду лица собравшихся.

Эффект от сказанного проявился не сразу. Потребовалось несколько секунд, чтобы слова Пэро дошли до каждого.

Первой отреагировала Бета:

— Вы хотите сказать, — прозвучал ее громкий и неожиданно спокойный для такой ситуации голос, — что Стив был подставной фигурой?

Мэтью Уиттон, внимательно до этого слушавший моего друга, слегка наклонился в кресле в его сторону в ожидании ответа. По-видимому, чувство недоумения слишком овладело его сознанием.

Каспер распрямился во весь свой высокий рост, потрогал рукой будто мешающий ему ворот расстегнутой рубашки и, сморщив лоб, повел головой из стороны в сторону. Доктор остался совершенно спокоен и не изменил ни положения в кресле, ни устремленного мимо Пэро равнодушного взгляда. Джеральд Холборн, чуть опустил голову, и мне показалось, что он сейчас сосредоточенно обдумывает сказанное.

— Вы совершенно правы, мадемуазель, — выждав немного, ответил мой друг. — Именно это я и имел в виду. История Энди Конерса о его якобы принадлежности к семейству Холборнов выдумана от начала и до конца. И надо сказать, очень неплохо выдумана.

— Однако позвольте, мсье, — Мэтью еще больше подался из кресла вперед и вытянул к Пэро руку, — у него же было письмо от Майкла. Оно поддельное?

— Оно настоящее, мистер Уиттон.

— Ничего не понимаю... — Мэтью повернул голову к другим с явным желанием узнать — один ли он испытывает это чувство.

— К сожалению, в случившихся в этом замке событиях слишком много непонятного, господа. И надо временно с этим смириться. Разумеется, только временно.

Пэро сделал несколько быстрых шагов к камину и обратно.

— Смерть сэра Джона необычно совпала с убийством Стива Харди. Что это было: случайный сердечный приступ или убийство? — Он посмотрел на публику, как будто действительно ожидал получить оттуда немедленный ответ. Никто, конечно, не попытался этого сделать. Подождав, мой друг развел руками с видом человека, которому приходится отвечать самому.

— Небольшое количество кофеина, а сэру Джону требовалось совсем немного, обнаружить в крови невозможно. Тем более через сутки, после того как известный вам инспектор Джап при обыске нашел пузырек с этим веществом у мистера Джеральда Холборна. Так что же: больному подлили кофеин или сердечный приступ случился сам по себе, а кто-то потом решил воспользоваться такой ситуацией, чтобы бросить тень на Джеральда Холборна? Я уверен, что нельзя без ответа на этот вопрос разобраться и с убийством Стива Харди. И еще одна непонятная история. Она случилась двадцать с лишним лет назад, но постоянно напоминает о себе. Здесь, в этой самой комнате, был убит старый лорд Чарльз. Напомню вам обстоятельства, а если буду в чем-то неточен, прошу вас, мистер Уиттон, и вас, Каспер, меня поправить.

Пэро сделал приглашающий знак головой каждому из них.

— Итак, двадцать два года назад стояло такое же, как и сейчас, жаркое лето. Было четыре часа дня. Покойный ныне сэр Джон вышел тогда посидеть с книгой в тени на площадке, что слева от замка. Вы, Каспер, принялись в это время за какую-то работу в кладовке. Она сообщается с кухней, а следовательно, и с остальными помещениями замка. Дверь наружу была открыта, и вы могли переговариваться с сэром Джоном. Я ничего не путаю?

— Все так и было, сэр, — утвердительно кивнул слуга. — Я набивал там новые полки и переставлял кое-что. Провозился довольно долго, до половины шестого, когда должен был отнести молоко сэру Чарльзу.

— Может быть, вы даже помните, о чем тогда разговаривали с сэром Джоном? Хотя вряд ли можно так долго помнить всякие пустяки.

Каспер улыбнулся, и веселые морщинки появились вокруг его слегка сощуренных глаз.

— Помню, сэр. Мне самому это странно. — Он снова облокотился о спинку кресла. — Сначала я поделился своей досадой с сэром Джоном: уж очень плохие гвозди купил тогда мистер Уиттон в деревенской лавке. Они все время гнулись, и мне приходилось каждый второй выпрямлять — одно мученье, а не работа.

— Однако, Каспер, вы ничего потом мне не сказали об этом, — почти протестующе откликнулся Мэтью, — я специально купил те, что были дороже.

— Не хотелось вас огорчать, сэр. — Он снова повернул голову к Пэро: — А еще мы обсуждали козу.

— Э... может быть, я неправильно понял по-английски, козу? — удивился тот.

— Да, сэр. Тогда считалось, что козье молоко очень помогает детям. И я предложил завести это животное здесь, а не таскать молоко для маленького мистера Джеральда из деревни.

— Это была моя идея, и я уговорил Каспера, — неожиданно пояснил тот. — Дед-Чарльз был против кошек и собак, а мне хотелось общаться с животными.

Некоторое время Пэро молчал, слегка сбитый с толку, потом его левая бровь поползла вверх:

— На побережье, где жила моя бабушка, — медленно начал он... но тут же, спохватившись, завершил фразу: — там тоже были козы. Не будем на это отвлекаться, господа!

Впрочем, мне показалось, ему понадобилось еще несколько секунд, чтобы до конца вернуть себя в прежнее состояние.

— В то же самое время, — продолжил он, — то есть в четыре часа пополудни, мистер Уиттон и его племянник, — Пэро указал глазами на Джеральда, — вышли из дома, чтобы порыбачить с лодки удочками. Кстати, кто вышел из замка раньше — сэр Джон или вы с мальчиком? — Пэро вопросительно посмотрел на Мэтью.

— Ей богу, не помню, — растерянно ответил тот.

— Если это так важно, могу предположить, что отец вышел немного раньше, — проговорил Джеральд. — Мы все выходили по отдельности, я ждал дядю у лодки, а когда выплыли в море и стали на якорь, отец уже сидел на площадке в кресле. Я хорошо его видел.

— Благодарю вас, мистер Холборн. В конце концов, это не так уж и важно. Главное в другом, а именно в том, что в четыре или самом начале пятого вы все находились на указанных местах и все время видели друг друга. В замке оставались только Майкл Холборн и лорд Чарльз. Не так ли?

Все трое кивнули молча ему в ответ.

— А в пять часов лорд Чарльз спускался после дневного сна в библиотеку и вы, Каспер, в пять тридцать приносили ему туда стакан молока. — Пэро сделал паузу. — А бывало так, чтобы он спустился туда раньше? Предположим, что ему бы не спалось и он направился бы в библиотеку около четырех?

— Нет, сэр. У хозяина был очень крепкий послеобеденный сон, хоть стреляя из пушки. Но если бы с ним такое и приключилось, он бы позвал меня, чтобы застелить постель. У него уже был к тому времени радикулит, сэр, и он просто боялся сильно нагибаться.

— После того, как вы обнаружили в библиотеке тело убитого хозяина, вы побывали в его комнате? Не обнаружили там ничего необычного?

— Абсолютно ничего такого, сэр. Все было как обычно, как изо дня в день.

Пэро кивнул головой, давая понять, что больше по этому поводу у него нет вопросов.

— Итак, я могу констатировать, что лорд Чарльз был убит между пятью и половиной шестого. Убийце на совершение преступления требовалось не более минуты. Нужно было войти в комнату через дверь, что у меня за спиной, и подойти сзади к лорду, который сидел за этим самым столом, что, как и тогда, стоит посередине комнаты.

Дабы продемонстрировать сказанное, Пэро поставил стул в торцевой, ближней к двери части стола и сел на него, не забыв поддернуть отутюженные брюки.

— Согласно полицейскому протоколу, именно в этом положении был обнаружен убитый, с той лишь разницей, что его голова была откинута на спинку и на шее, — он энергично провел рукой линию над своим воротничком, — виднелся глубокий след от шнура, которым он был задушен.

Пэро посидел некоторое время молча на стуле, предоставляя присутствующим возможность поупражнять память или фантазию, а потом указал большим пальцем через правое плечо на дверь:

— Каждый из вас, кто не хочет верить мне на слово, может сесть на этот стул и убедиться, что боковое зрение отсюда улавливает входящего в дверь человека. Мистер Уиттон, у вашего отца не было проблем со зрением?

— Нет, мсье, он на это никогда не жаловался.

— Тогда я вправе сделать еще один вывод: лорд мог стать жертвой только хорошо знакомого ему человека, ведь он не только не попытался сопротивляться, но даже и не повернулся на стуле.

Пэро встал и снова начал прохаживаться.

— Два человека могли совершить это убийство: Майкл Холборн, чьи отношения с отцом, как известно, дошли до верхней точки кипения... и вы, Каспер.

Воцарилось молчание. Слуга внимательно смотрел на моего друга и не торопился ответить. Пэро тоже ждал, глядя на него без малейшей враждебности.

— Могу я расценивать ваши слова, сэр, — наконец заговорил Каспер, — как чисто теоретическое предположение? Или это уже прямое обвинение?

— Ни в коем случае! Я просто пытаюсь логически рассуждать и предлагаю всем в этом участвовать.

— Благодарю вас, это другое дело. Тогда позвольте вам, сэр, возразить. Убитого лорда Чарльза мы обнаружили вместе с его сыном Майклом, а вплоть до этого момента я трудился в кладовке, и покойный сэр Джон подтвердил в свое время полиции, что я находился там до половины шестого.

— Сэр Джон, — мягко проговорил Пэро, — подтвердил лишь, что из того помещения слышался рабочий шум. Но кто знает, может быть, не все время он производился вами. Вас можно ведь было и подменить на две минуты.

Каспер задумчиво посмотрел поверх головы Пэро и, как бы соглашаясь, утвердительно качнул головой:

— Гипотеза интересная... позволю пока себе только заметить, сэр, что вы над этим немало думали. А я не подготовился так здорово, как вы, и мне приходится соображать на ходу.

— Я понял вашу мысль, Каспер, и нахожу ее справедливой. Поэтому оставляю вас на несколько минут в покое, а вы постарайтесь не потерять их даром.

— Мистер Уиттон! — Пэро резко повернулся в другую сторону. — Вы верите, что ваш сводный брат Майкл — убийца?

— Мы в нашей семье никогда не говорили на эту тему, мсье.

— Нет, лично вы сами?

— Я никогда не позволял себе об этом думать.

— Понимаю.

Пэро сделал ему уважительный полупоклон и тут же заговорил снова:

— По закону, мистер Уиттон, после смерти вашего брата Джона и в случае признания вашего племянника виновным в убийстве Харди-Конерса, вы становитесь единственным наследником династии Холборнов.

— Я не наследую титул, мсье. Но что касается всего остального, то да... вы правы.

Такой вопрос и вынужденный на него ответ в присутствии Джеральда и других людей не мог быть ему приятен, и я обратил внимание, как Мэтью сначала без нужды попытался найти более удобное положение в кресле, а потом начал нервно поправлять края все еще сохранявшейся на руке небольшой повязки. Конечно заметив это, мой друг вложил в свою речь успокаивающие нотки:

— Мы проверили ваше алиби, мистер Уиттон. В то время, когда совершалось убийство, вы действительно находились в пабе на окраине Саутпорта. Хотя на какое-то время, точнее не более чем на двенадцать минут, вы могли отлучиться оттуда. Но чтобы преодолеть за это время две мили и возвратиться назад, вы должны были воспользоваться либо моторной лодкой, звук которой слышен за несколько сотен ярдов, а под самым замком был бы тем более услышан и Каспером, и очаровательной мадемуазель Бетой. Либо проскакать лесом на лошади. Но полиция проверила — на окраине Саутпорта никто не держал и не держит лошадей. К тому же, до того, как скрыться на лошади в лесу, нельзя было не попасть на глаза хоть нескольким местным жителям. Тем не менее, мистер Уиттон, у меня есть к вам один вопрос. По мнению полицейского эксперта, смерть сэра Джона произошла не позже чем через час после выстрела в парке и не раньше двенадцати часов дня. Вы заходили к брату, перед тем как отправиться с капитаном Дастингсом встречать меня на вокзал?

— В тот день, а точнее, в то утро, мсье Пэро, я вообще не сумел повидать Джона. После завтрака я даже не поднимался наверх, а сразу из-за стола направился к автомобилю. Не так ли, Каспер? — Слуга кивнул. — Это было без нескольких минут десять. А в десять часов у меня предстояла встреча с руководством общины той самой деревни, где вы проживаете сейчас, мсье. Надо было составить новый договор об аренде общиной земли Холборнов. Это делается каждый год. И каждый год приходится спорить об условиях. Вы можете легко проверить — я освободился без двух минут час, то есть за две минуты до того, как подъехал к калитке Роббинсов, где меня уже ждал капитан.

Я заметил, как легкое сожаление скользнуло по лицу моего друга. Такое бывает у рыбака, когда поплавок вдруг дернулся на воде, а потом снова и безнадежно застыл.

Он снова повернулся к Касперу.

— Когда вы видели в последний раз сэра Джона живым?

— Могу ответить почти точно, сэр. Я отнес ему завтрак в десять часов, а минут через двадцать поднялся, чтобы убрать посуду. — Каспер развел руками, давая понять, что больше ничего добавить не может.

— Что он делал, когда вы поднялись туда во второй раз?

— Уже позавтракал и сидел в кресле с книгой.

— И ничего вам не сказал?

— Сказал только, что ему больше ничего не нужно, он чувствует себя хорошо и к обеду спустится... еще спросил меня, не слишком ли жарко наружи.

— А вы, мистер Холборн, когда вы в последний раз видели отца?

— Я всегда заходил к нему утром перед завтраком, узнать, как он себя чувствует. Так было и в этот раз.

— Вы о чем-нибудь говорили?

Джеральд подумал и слегка пожал плечами:

— Ни о чем, сколько-нибудь значительном. Отец попросил меня встретить вас на вокзале, так как дяде Мэтью предстояли те самые переговоры с руководителями местной общины. Я обещал, но позже,

за завтраком, дядя сказал, что должен сам успеть на вокзал, а в крайнем случае, если у него не получится, пришлет мне машину с кем-нибудь из местных парней.

— Значит, после завтрака вы работали в своей мастерской вплоть до половины третьего?

Молодой человек утвердительно кивнул.

Пэро тоже слегка кивнул головой в знак того, что принял сказанное к сведению, и перевел взгляд на доктора.

— Будьте любезны, мистер Бакли, расскажите нам, как вы провели то утро?

В интонации, с которой были произнесены эти слова, слышался скорее приказ, чем просьба.

— Как обычно в будний день. — Лицо доктора по-прежнему отличалось спокойным безразличием.

— В девять утра я начал прием в своем кабинете в Саутпорте. В двенадцать его закончил.

— Что, не было больше пациентов? — внезапно перебил его Пэро.

— Были, — не смущаясь этим, ответил доктор, — с менее сложными жалобами. Таких я обычно передаю ассистенту, а сам отправляюсь к больным по вызову.

— И вы отправились к пациентке в Престон? Никуда не заезжали по дороге?

— Не заезжал. Ни по дороге туда, ни оттуда. Вернулся домой, если мне не изменяет память, без нескольких минут три.

Пэро быстро скосил на меня глаза, а потом снова обратился к доктору.

— Эта ваша пациентка, мадам Гивейрас, вряд ли она была так больна, если уже через день смогла пуститься в плавание через океан, а, мистер Бакли?

И эта осведомленность моего друга не привела в замешательство доктора.

— У нее расстроена нервная система. Это не очень опасно, а морские путешествия в таких случаях даже рекомендуются.

— Прошу извинить меня за некоторую назойливость, мистер Бакли, но получается, что вы едете из Саутпорта в Престон к не очень больному пациенту, который и сам способен приехать к вам на прием, к тому же, проводите там около двух с половиной часов. Вы, занятый человек, так транжирите время?

Безразличие на лице доктора сменилось на легкую снисходительную улыбку:

— Должен вам сказать, мистер Пэро, что у нас, врачей, существует еще такое понятие, как богатые клиенты. Им приходится оказывать особое внимание.

Эта прописная истина явно обрадовала моего друга.

— О, разумеется, именно так, богатые клиенты, я совсем упустил их из виду! — Он сделал несколько быстрых шагов к углу камина, по другую сторону которого сидел Уиттон, и вернулся назад, к краю стоящего посередине комнаты стола. — А имя — Ева Смит — вам о чем-нибудь говорит, мистер Бакли?

Ни одна мышца не дрогнула на лице доктора, но лицо стало совсем другим — внимательным и слегка напряженным.

— По-моему, это служанка мисс Гивейрас, — ответил он с чуть вопросительной интонацией.

— Вы абсолютно правы, — подтвердил Пэро, — впрочем, об этом немного позже.

Мне показалось, что эти последние слова моего друга не очень понравились мистеру Бакли.

— Позволю себе, господа, сделать из услышанного следующее заключение. — Пэро выдержал небольшую паузу. — Между двенадцатью часами и тремя часами дня к сэру Джону могли войти следующие лица: Джеральд Холборн, слуга Каспер и мистер Бакли, который мог сделать это как по дороге в Престон, так и на обратном пути. Задача для убийцы сэра Джона, если это действительно было убийство, состояла не в том, чтобы незаметно для других к нему проникнуть. В таком визите для каждого из названных лиц не было ничего подозрительного, и окажись убийца замеченным, план можно было отложить до лучших времен.

Взгляд Пэро неожиданно для меня остановился на девушке. Та выжидающе посмотрела в ответ и приподняла вверх красивые дугообразные брови.

— Вас, мадмуазель, я не вношу в список возможных покушавшихся на сэра Джона. Вам слишком трудно было бы дать объяснение своему появлению в его апартаментах.

— Благодарю вас, мсье.

Ее мелодичный голос прозвучал как вежливый ответ на мелкую ничего не значащую любезность. Только сейчас я обратил внимание на сумочку у нее на коленях. Черную, блестящую, не очень подходящую к ее коричневому платью, и, как мне показалось, несколько большего, чем нужно, размера.

Однако же Пэро продолжал:

— Главный момент для преступника состоял в том, чтобы незаметно и не оставив за собой следов исчезнуть, дав предварительно жертве лекарство с подмешанным кофеином. Это было нетрудно, поскольку сэр Джон несколько раз в день принимал валериановые капли, которые отбивают все посторонние запахи. Кстати, как часто он это делал?

Я увидел, что Каспер было собрался ответить, но передумал и посмотрел на доктора, справедливо решив, что тот имеет больше прав для разъяснения.

— Помимо снотворного лекарства на ночь, я прописал пациенту действительно содержащие в себе валериану успокаивающие капли. Их следовало пить три раза день: после двенадцати, трех и шести вечера.

— Обычно сэр Джон так и делал, — вежливо добавил слуга.

Пэро поблагодарил каждого кивком за ответ и еще раз прогулялся к камину и обратно.

— Теперь я хотел бы поговорить о том, как именно он принимал лекарство. И возьму на себя смелость рассказать вам об этом. Согласно полицейскому протоколу, в углу той комнаты, где в кресле было обнаружено тело сэра Джона, стоит круглый столик на высоких ножках. На нем два или три лекарственных флакона и небольшой серебряный поднос. По-видимому, этот поднос использовали, чтобы подать больному лекарства, когда ему было трудно или неудобно подойти к столику самому. Полиция, кстати сказать, сумела разобрать только одни отчетливые отпечатки пальцев на этом подносе, ваши отпечатки, Каспер.

— Неудивительно, сэр, я столько раз за него брался, а предыдущим вечером как раз подавал хозяину на нем лекарство.

— Я тоже считаю, что это вполне естественно. Более того, лейтенант Кагерли полагает, что край подноса можно легко зажать не подушечками пальцев, а боковыми сторонами фаланг, не оставляя таким образом на нем отпечатков. А это значит, что преступник, не наследив, мог незаметно подлить в стаканчик с лекарством кофеин и подать его на подносе жертве. Это опять могли без всяких к тому подозрений сделать трое указанных мною лиц. К сказанному нужно добавить одну чрезвычайно любопытную деталь. Стаканчик для приема лекарств исчез, и это говорит о-очень о многом!

Мне не нужно было смотреть на сидящего рядом лейтенанта, чтобы почувствовать, что ему, как и мне, это не говорит пока ни о чем.

— Мы еще вернемся к этому злополучному предмету, — очень довольным тоном сообщил Пэро, — но нельзя надолго упускать из внимания главное событие — убийство Харди-Конерса. И вспоминая все связанные с ним обстоятельства, нужно сразу выделить едва ли не самое важное. Я имею в виду одежду убитого. На нем был костюм Джеральда Холборна, точнее его полная копия. Скажите, — он взглянул на молодого человека, — Харди надевал подаренный вами костюм до этого?

— Нет. Я ведь недавно его привез. — Джеральд скрестил руки на груди и, откинувшись на спинку кресла, слегка опустил на грудь голову. — Теперь вспоминаю, — подумав, добавил он, — что у него была даже идея сделать какой-то розыгрыш с этим костюмом.

— Отчасти ему это удалось. Мой друг, капитан Дастигс, сперва и решил, что убили вас. Возможно, что и еще кто-то стал жертвой розыгрыша в тот день. Но все-таки, мистер Холборн, вступая в совершеннолетие, ваш мнимый двоюродный брат лишил именно вас большей части семейного состояния. И именно вы недавно приобрели и хранили у всех на виду наган. Да, между прочим, кому пришла в голову идея устроить стрельбу из него на поляне?

— Мне, — сразу ответил Холборн.

— Итак, — чуть приподнявшись на носки, объявил Пэро, — мотив мистера Холборна абсолютно ясен. И надо сказать, что при наличии многих косвенных улик, против него пока нет ни одной прямой. Посмотрим теперь, какие мотивы могли быть у других присутствующих здесь лиц.

Я вдруг услышал негромкий получасовой удар каминных часов и подумал, как незаметно пролетели эти первые тридцать минут.

— Было бы чрезвычайно наивно полагать, что можно относиться равнодушно к вашей привлекательности, мадемуазель. — На физиономии моего друга отразилось неподдельно восторженное чувство. — Даже на вступивших в закатную пору людей, — он изобразил жалобную гримасу и ткнул себя пальцем в грудь, — даже на таких развалин как я, мадмуазель, вы оказываете чарующее действие.

— Очень приятно слышать, мсье. — В глазах девушки появились веселые искры. — В особенности, если это не предлог для обвинений.

— О, мадемуазель, я не вправе предъявлять обвинения, это относится к исключительной компетенции лейтенанта. К тому же, я еще раз хочу подчеркнуть, что не выхожу за рамки предположений, логических гипотез или, как их еще называют, версий, в чем предлагаю и вам принять активное участие.

— Я попробую, — произнесла мисс Бакли и ободряюще кивнула моему другу, предлагая ему продолжать.

Что-то ироническое добавилось к ее веселости.

Впрочем, Пэро с удовольствием разулыбался ей в ответ.

— Итак, мадмуазель, — начал он, — Стив Харди был влюблен в вас. Мэру этого чувства я не возьмусь определять, возможно, оно и не было столь жгучим, как в тех краях, откуда вы сюда прибыли. Но тем не менее. А значит, вы могли управлять этим молодым человеком.

Бета склонила чуть набок голову в знак того, что не намерена возражать против сказанного.

— В тот день вы пришли к замку несколько раньше назначенного срока и сели в кресло на площадке, которая в это время дня залита солнцем. Не самое удобное место, не так ли?

— Зато самое красивое. Оттуда отличный вид на море, мсье, — беззаботно ответила девушка.
— С этим я готов согласиться, но кроме моря, мадемуазель, вы могли видеть еще и Каспера, трудившегося на кухне.

— Я сидела к нему почти спиной.

— Закрывшись зонтиком. Так, что Каспер мог видеть только спинку кресла и зонтик над ним. Зато вы, выглянув за край и убедившись, что занятый работой слуга вас не видит, имели прекрасную возможность выскользнуть из своего убежища и уже через полминуты оказаться в парке, а потом также незаметно вернуться назад.

— Кого бы я в таком случае рассчитывала там убить, мсье?

— Полагаю, что Джеральда Холборна. Именно ему принадлежала вторая половина очень немалого состояния. К тому же, у него могли быть и свои планы насчет двоюродного брата. Например, опротестование его прав в суде или что-то еще, о чем пока не знаю я, но могли догадываться вы.

Краем глаз я едва успел уловить быстрый, направленный на Пэро взгляд Джеральда, вырвавшийся на миг из-под слегка опущенной головы.

— Итак, принимая Стива за Джеральда, я застрелила его... — задумчиво и ни к кому не обращаясь, произнесла Бета.

— Сзади ошибиться было нетрудно, мадемуазель, выстрел ведь был сделан в затылок.

Наступило молчание. Девушка, чуть сощурив глаза, напряженно думала. Мне снова ясно вспомнилась та сцена в день убийства, когда в ответ на известие о гибели Стива Харди я услышал ее слова: «Этого не может быть!».

Еще через несколько секунд она вскинула голову и внимательно посмотрела на Пэро:

— Ваша версия страдает одним существенным изъяном, господин знаменитый детектив. Да, я могла все это проделать так, как вы сказали. Но чтобы спланировать подобное убийство, я должна была твердо знать, что Джеральд действительно находится в это время в парке. — В ее голосе зазвучали победные нотки. — Откуда — я — могла — это — знать? — произнесла она, ставя ударение на каждом слове.

— И я позволю себе добавить, — Джеральд медленно поднял голову, — что между нами не было никаких разговоров о встрече в парке.

— О! — Пэро, улыбаясь, поднял вверх руки. — Вы окончательно меня разбили! Не все гипотезы следствия бывают удачными, господа, иначе каждое преступление сразу бы раскрывалось. Однако же, очень важно установить несостоятельность очередной гипотезы — таким образом их становится все меньше и круг сужается.

И полагая, что он успокоил собравшихся словами про «сужающийся круг», мой друг заговорил снова:

— Помимо прочего мы установили сейчас важный факт: раз мадемуазель Бета не выходила в парк и неотлучно сидела в кресле, следовательно, она хорошо слышала все, что делалось вокруг. И слышала, как Каспер возится на кухне?

— Да, возится и насвистывает по обычной своей манере.

— Любопытное совпадение, почти как двадцать два года назад. Опять свидетель утверждает, что постоянно слышал присутствие слуги, хотя и не видел его. И именно в это время происходит убийство. Впрочем, это не единственное подозрительное обстоятельство. Харди-Конерс жаловался на то, что вы, Каспер, следили за ним, что он чувствовал ваш взгляд на своей спине. Вы действительно за ним следили?

— Нет, сэр. И скажу вам сразу, что не признаю никаких обвинений. Я ни в чем не виноват, сэр.

— Главное, мой друг, не в том, признаете вы или нет то, что я сейчас расскажу. — Мне послышалось в голосе Пэро сожаление, и то же самое я уловил в его устремленном на Каспера взгляде. — Главное, какая на это будет реакция у присяжных.

Дальнейшая его речь шла плавно, уверенно и без перерыва.

— Вам еще не было двадцати, когда в первом в жизни плавании вы оказались в одной компании с Гарри Клайдом. В дружной компании из пяти или шести моряков на небольшом корабле. И хотя Клайд уже тогда отличался буйным характером и слабым уважением закона, хорошие отношения между вами установились на долгие годы. — Все внимательно слушали, а Мэтью Уиттон даже слегка приоткрыл рот. — Известно, что старший сын лорда Чарльза — Майкл — обладал и сильным характером, и обаянием, короче, умел подчинять себе людей. А вы, Каспер, были молоды, служили в этом замке всего около года, и какая вам была, в конце концов, разница — кто был прав в тех ссорах между отцом и сыном. Зато сын начал понемногу перетягивать вас на свою сторону. Не знаю, как оно началось, но знаю, как закончилось. Деньгами. Холборны очень богаты, и Майкл обещал вам крупную сумму. Такую крупную, которая не могла пригрезиться даже во сне. Вы знали, что он заплатит, потому что будет зависеть от вашего молчания. И его цель сделалась вашей целью. Но нужен был прочный безопасный для вас обоим план. И вскоре вы убедились, что повернуть все гладко без третьего лица никак не удастся. Здесь-то и вспомнился на все готовый Гарри Клайд. Думаю, что окончательно и детально план разработал сам Майкл Холборн. Вот как он выглядел.

Лейтенант Кагерли вдруг завожился справа от меня, разворачивая стул, чтобы не только слышать Пэро, но и получше его видеть.

— При своих до крайности враждебных отношениях с отцом, Майклу Холборну трудно было войти к нему в библиотеку и затеять невинный разговор, который позволил бы ему спокойно зайти сзади и беспрепятственно набросить удавку. Сэр Чарльз был человеком крепкой комплекции, как это видно даже по его портретному изображению. — Пэро кивнул в сторону камина, по бокам которого висели два больших портрета: лорда Чарльза и его жены. — Риск провала был слишком велик. Появление же постороннего человека, как я уже сказал, было бы замечено лордом и, следовательно, представляло собой риск еще больший. Поэтому выбор остановился на вас, а алиби должен был обеспечить Клайд, подменяя вас короткое время в кухонной кладовке. Но его роль не сводилась лишь к этому. — В голосе моего друга появились суровые нотки, а речь стала быстрее и напористей. — Ведь Майкл Холборн не менее нуждался в алиби, а само преступление не только не должно было бросить на него тень полицейского подозрения, но не должно было остаться нераскрытым. Иначе таинственное преступление стало бы предметом долгих разговоров в обществе и прессе, домыслов и пересудов, что политические противники Майкла Холборна сумели бы очень эффективно против него использовать. И, наконец, Майкл Холборн не мог позволить себе иметь в живых свидетелях такую темную личность как Клайд, уголовника, шляющегося матроса, от которого придется зависеть потом всю жизнь. И решение было найдено. Ничего не подозревающий Клайд должен был быть убит Майклом Холборном при попытке покинуть замок сразу после того, как вы, Каспер, задушив сэра Чарльза, вернетесь назад в кладовку. И не сомневаюсь, что в карманах застреленного Клайда были бы обнаружены ценности. В том числе, что-нибудь из дорогих личных вещей хозяина замка. Лорд Чарльз становился жертвой гнусного грабителя. Но ваш сообщник оказался неглупым малым. Он тоже умел рассуждать и на всякий случай решил подстраховаться — покинуть замок не так, как ему следовало это сделать по плану. Вместе с тем, подозрение, что с ним хотели разделаться, запало ему в душу. Поэтому, прощаясь с вами недавно, в то утро, когда капитан Дастигс неожиданно оказался под стеной замка, он и намекнул, что не потерпит грязной игры: «Чтобы не было, как в прошлый раз», — так, кажется, он выразился.

Пэро чуть сбавил тон и начал говорить уже медленней и спокойней.

— После того, как Клайд улился, Майкл Холборн быстро понял, что надвигается фатальный для него финал, и начал готовиться к побегу. Но и чувство самообладания, и жажда реванша остались при нем. Было решено держать постоянную связь. Разумеется, через Клайда. Его судьба тоже теперь зависела от общих судеб, и он это, конечно, понимал. Майкл Холборн сразу решил отправиться в Буэнос-Айрес, где уже в то время проживало более пяти миллионов человек — в таком городе нетрудно затеряться. Но чтобы увести полицию от следа, он решил использовать ложный ход: Гарри Клайд уговорил своего пьянчужку-приятеля дать ложные показания полиции, что они видели Холборна в Рио-де-Жанейро, а может быть, внушил ему это под пьяную руку. Но все-таки, чтобы тот не сболтнул лишнего, Клайд столкнул потом напарника с причала в ледяную воду. Годы шли, но криминальное содружество сохранялась, хотя, возможно, и прервалась на тот срок, который Клайд вынужден был провести за грабеж в тюрьме. Майкл Холборн, разумеется, строил новые планы, и я не знаю, сколько их у него было. Знаю лишь про последний, гениально задуманный план. Рассчитанный и на определенное несовершенство закона, и на добропорядочность своих родственников. Я полагаю, вы поняли, о чем я веду речь — о подставной фигуре, через которую можно получить все состояние Холборнов. Таким образом, появился Стив Харди. Не думаю, что он много знал о замыслах своего хозяина, как не знал и о том, что слуга тоже с ним в сговоре. Поэтому его удивляло, что тот наблюдает за ним. А вы, Каспер, просто следили как Харди-Конерс справляется с ролью и ждали от хозяина сигнала к началу действий.

Пэро сделал совсем маленькую паузу, чтобы дать горлу отдохнуть.

Никто за эти несколько секунд даже не пошевелился.

Потом он шумно набрал в легкие воздух, оповещая этим, что собирается продолжать.

— Странно было бы, если б такой умный человек, как Майкл Холборн, полностью воспроизвел старую схему преступления. Новая схема была и та, и не та. Каспер на этот раз должен был иметь безупречное алиби. И он всячески старался давать чувствовать мисс Бакли свое присутствие. Убийство должен был совершить Клайд. Он пришел из Саутпорта, вдоль кромки берега, не видимый никем, и спрятался в замке. Точно также он должен был вернуться потом обратно в город. В замке он оказался заблаговременно, с помощью Каспера. А уйти должен был сам. Только он не знал, что когда будет искать проход в каменном туннеле, три лишних шага приведут его к гибели. Клайд должен был убить Джеральда Холборна в холле, когда тот будет спускаться по лестнице, либо, если обстоятельства не позволят этого сделать, в парке. Для последнего случая вы, Каспер, обвязали колокольчик тряпкой. Поэтому никто и не мог слышать звонка от входной двери. Но судьба и на этот раз в последний момент смешала карты — Клайд перепутал молодых людей!

Словно желая поставить точку в словах моего друга, переливчато ударили каминные часы. Стрелки показывали восемь. Пэро посмотрел на них, а потом сверил со своими и, непонятно отчего, поднял брови вверх. Потом снова повернулся к Касперу:

— Вам надо было что-то срочно предпринять. И не имея времени все тщательно продумать, вы стали действовать, инстинктивно стремясь направить события поближе к их первоначальной цели. Именно вы подбросили в траву предусмотрительно захваченную на поляне гильзу, когда подошли к телу для его опознания. А ту, настоящую, Клайд подобрал и вместе со своим наганом спрятал в условленном месте где-то там, в каменных коридорах. Так что оружие мистера Джеральда, — Пэро на секунду перевел взгляд на молодого человека, — не имеет к случившемуся отношения. Потом, уже спокойно поразмыслив, вы подсунули ему пузырек с кофеином. И опять вам не повезло! Инспектор Джап попался на вашу удочку, но здесь оказался я. Поняв, что меня провести не удастся, вы попытались бежать. Еще бы, убийство трех человек: лорда Чарльза, Стива и сэра Джона.

— Нет! Я не убивал сэра Джона! — Голос Каспера сорвался на крик, и искреннее отчаяние послышалось в нем. — Я его не убивал!

Он, задыхаясь, вытащил из кармана большой клетчатый платок и почти закрылся им, судорожно вытирая лицо. — Не убивал... нет!

Я заметил, что даже полоска коротких волос вдоль его лба стала мокрой от выступившей испарины.

С минуту слуга приходил в себя, и постепенно его дыхание выровнялось. Наконец, он сложил платок вчетверо и неловко засунул его карман широких штанов, так что край остался торчать наружу.

— Ваша взяла, мистер Пэро, — глуховато произнес он, — ваша взяла... правильно вы рассказали про нас с мистером Майклом. Только я не убивал сэра Джона и даже не держал в руках этот кофеин, — он опустил голову и, кажется, снова хотел полезть за платком, но передумал, — и я рад, что с мистером Джеральдом ничего не случилось.

Я взглянул на того и чуть не вскрикнул. Молодой человек был неестественно бледен, будто силы оставляли его. Но тут же я увидел глаза — волевые и очень жесткие.

— Вы намерены продолжать, мсье? — спросил Кагерли.

— Конечно, лейтенант, мы ведь еще не разобрались со смертью сэра Джона.

— Тогда я должен принять дополнительные меры.

Кажерли быстро подошел к двери, открыл ее и что-то проговорил подчиненным. В комнату почти тут же вошел изрядных размеров полицейский, а еще через минуту он вместе с Каспером сидел в противоположном от нас углу. На левом запястье полицейского поблескивал браслет наручника, такой же точно виднелся на правом запястье Каспера. Его это, похоже, уже мало беспокоило, как, впрочем, и все остальное, происходящее вокруг.

— Станный все-таки случай с этой пропажей стаканчика для лекарств. — Пэро недовольно и пристально поглядел на кончики своих блестящих башмаков, будто оттуда могло последовать объяснение этого факта. — Мне не остается ничего другого, как поверить словам Каспера, что он непричастен к смерти сэра Джона. Ну и вправду, зачем это делать, когда и так было ясно, что его больное сердце не выдержит известия о гибели сына. — Пэро заложил руки за спину и, не спеша, прошелся до камина и обратно. — Теперь предположим, что это Джеральд Холборн подлил отцу кофеин в лекарство. Тогда непонятно, почему, избавившись от содержащего остатки кофеина стаканчика, он не избавился от самого кофеина? Слишком странная, согласитесь, нерасторопность. — Он неожиданно быстро повернул голову в сторону доктора. — Остаетесь только вы, мистер Бакли.

— Вы упустили еще одного человека, — уверенно возразил тот.

— Вы имеете в виду Харди-Конерса? — тут же отреагировал Пэро. — Не упустил, а ждал — кто первый на него укажет. И очень рад, что это оказались вы. — Мой друг галантно улыбнулся, но доктору совершенно определенно эта улыбка не пришлась по вкусу. — Теоретически вы совершенно правы, мистер Бакли, Стив, следуя указанию своего хозяина, вполне мог отправить в лучший мир сэра Джона. Более того, его преждевременный уход, несомненно, был запланирован, но, — он поднял вверх указательный палец, обращаясь теперь не только к доктору, а и ко всем присутствующим, — нарушается логика! Если Стив, до того как вышел в парк, убил Джона Холборна и подсунул флакон с кофеином Джеральду, это означает попытку внушить полиции, что тот является убийцей своего отца. Тогда зачем же прятать стаканчик с остатками содержимого, которые должны были, наоборот, подтолкнуть полицейских к мысли об убийстве? Где логика? — Пэро покрутил головой из стороны в сторону. — А мы, смею вас уверить, имеем здесь дело с прекрасным логическим мышлением!

Он снова перевел взгляд на доктора.

— Мисс Гивейрас — богатая женщина, вы мне сказали. Зачем же вам понадобилось передавать ей десять тысяч фунтов за день до ее отъезда?

Доктор Бакли не стал спешить с ответом. Некоторое время он сидел молча, не пытаясь скрыть, что раздумывает.

— Мисс Гивейрас не просто моя пациентка, но и хорошая знакомая, еще по Буэнос-Айресу, — наконец, заговорил он. — Ей срочно понадобились деньги на какое-то важное дело, здесь в Англии, и я одолжил.

Внимательный взгляд доктора устремился на Пэро, и во мне появилось непонятно откуда взявшееся ощущение, что за внешним безразличием мистера Бакли кипит страстное желание проникнуть в мысли моего друга.

— Должен вас огорчить, мистер Бакли, — сочувственно произнес тот, — мисс Гивейрас, мягко говоря, ввела вас в заблуждение. У нее не было в Англии срочных финансовых дел. А ваши деньги она сразу же по приезде домой положила в банк под проценты. Кстати, когда берут займы, да еще такую крупную сумму, то выдают расписку. У вас ее, конечно, нет, мистер Бакли.

В глазах доктора вспыхнуло протестующее чувство, но Пэро, упреждая выставив вперед ладонь, не дал ему выразиться.

— Нет, мистер Бакли, я не сомневаюсь в честности ваших друзей и мисс Гивейрас, в частности. Но люди, вообще-то, смертны, а переплывая океан, они всегда немного рискуют. Откуда наследники при несчастном стечении дел получают доказательства, что должны вам десять тысяч фунтов?

Хотя доктор быстро овладел собой, ощущение возникшего в нем враждебного напряжения не исчезло. Однако казалось, Пэро этого совсем не заметил.

— Я ведь опять пытаюсь посмотреть на вещи глазами простых присяжных, — заявил он. — Это люди бесхитростные, что называется, простые обыватели. И хотя и их душам не чужды благородные порывы, они должны ясно понимать мотивы чужих поступков. В этом и заключается их главная и единственная обязанность при судебном разбирательстве. Деньги без расписок так не отдадут, мистер Бакли, трудно заставить присяжных в подобное поверить. Тем более, что эти деньги были переданы при очень странных обстоятельствах. Вы привезли их через четыре часа после убийства Харди-Конерса, в сумерках, желая быть незамеченным, для чего воспользовались не машиной, а велосипедом. Вас опознала служанка, та самая Ева Смит. На ваше несчастье она случайно оказалась в это время в соседнем доме. А раньше, днем, вас видел капитан Дастингс: вы входили в собственный дом примерно без двадцати трех минут три, то есть минут через семь после выстрела в парке. Это важное свидетельское показание, мистер Бакли. Как и то, которое даст мисс Гивейрас. Не думаю, что она будет долго выгораживать вас, когда ее станут всерьез допрашивать, да еще в присутствии представителя британского посольства.

Судя по выражению лица доктора, он сейчас не столько слушал Пэро, сколько поспешно и с напряжением обдумывал что-то. Как шахматист, когда истекает за доской его время.

— Мы приближаемся к развязке, господа. — В словах моего друга прозвучали торжественные ноты. — Однако я хотел бы задать еще один вопрос вам, Каспер. — ... э, вы меня слышите? — повторил он, заметив что слуга сидит неподвижно там, в углу и, кажется, не реагирует. — Мне требуется еще одно маленькое от вас пояснение.

Полицейский грубо дернул сковывавшей их наручниками рукой, и Каспер очнулся.

— Да, сэр?

— Когда инспектор Джап осматривал небольшую комнатку, там, в старой части замка, я обратил внимание на черное пятно над жалким деревянным столиком в углу. Я уверен, что это копоть от керосиновой лампы. Очень давняя. Ведь там скрывался Майкл Холборн, не так ли? Теперь вы можете сказать об этом, Каспер.

— Теперь могу, сэр. Именно так.

— Как долго?

— Долго, сэр. Целых шесть месяцев. Поэтому его и не могли нигде найти в те первые недели.

— Шесть месяцев?

— Так, сэр.

— Очень интересно, — пробормотал Пэро, и кажется только я, сидевший к нему ближе всех, разобрал эти слова.

— Итак, мистер Бакли, у вас большие планы. А для них нужны большие деньги. — Пэро стал выговаривать фразы громко и отрывисто. — Эти деньги было легко получить, женив Стива Харди на собственной дочери. Но только при условии, что молодой человек получит наследство. Другими словами, при условии, что сэр Джон уйдет в мир иной. Вы сами, впрочем, говорили моему другу, что с таким больным сердцем можно умереть в одну минуту, а можно прожить и несколько лет. А вам нельзя было так долго ждать. И дело не только в ваших медицинских планах. Став обладателем большого состояния, молодой человек мог ведь оказаться в обществе других милых леди с самыми неприятными из этого следствиями. Иначе говоря, время вас торопило.

Я опять с удивлением заметил, что доктор сосредоточен на собственных мыслях и почти не слушает моего друга.

— Вы хотели убить сэра Джона, придав этому видимость естественной смерти, — тем временем продолжал тот, — и не ставили перед собой сомнительную цель засадить в тюрьму Джеральда Холборна. Однако если бы так вдруг случилось, это, разумеется, не испортило бы ваших планов.

Кофеин вы подсунули только потому, что не могли позволить себе риск держать его в кармане непосредственно после убийства. А двери Холборна-младшего были рядом. Сам он, по обыкновению, работал в это время в мастерской. Вместе с тем, маленький врачебный стаканчик с остаточными следами кофеина, вам непременно нужно было унести. По совершенно случайному совпадению, мистер Бакли, вы покидали место своего преступления, когда рядом совершалось другое.

Пэро вдруг резко перевел взгляд с отца на дочь.

— «Бета», это ведь сокращенное имя от Элизабет? — непонятно к чему спросил он.

Девушка кивнула:

— Но с детства меня всегда звали именно так, а не полным именем, — с некоторым удивлением глядя на Пэро, добавила она.

Тот указал на женский портрет над камином по другую сторону от изображения лорда Чарльза.

— Супругу лорда, то есть мать Майкла и Джона Холборнов, звали Элизабет, я не ошибаюсь, мистер Уиттон?

Уиттон тоже зачем-то решил взглянуть на портрет.

— Нет, вы не ошибаетесь, мсье, — подтвердил он.

— Да-а, детей часто называют в честь бабушек и дедушек, — задумчиво и опять неизвестно к чему произнес мой друг.

Но девушку явно заинтересовали эти слова. Она внимательно смотрела на Пэро и, казалось, чего-то ждала.

— Я прошу прощения за не очень приятный вопрос, который вынужден вам задать, мадемуазель, — снова обратился к ней тот. — Что вам известно о вашем отце? — он скосил глаза в сторону доктора. — Я имею ввиду родного, а не приемного.

— Кое-что известно, — несколько промедлив, ответила она.

Я обратил внимание на щелчок открывшейся сумочки и увидел, как ее тонкая рука скользнула внутрь.

— Господин, лейтенант! — доктор Бакли неожиданно встал из кресла. — Я должен сделать заявление для полиции. Безотлагательно!

Все взгляды перешли на него.

— Я вас слушаю, — ответил лейтенант Кагерли, и на мгновение наступила тишина.

— Стаканчик для лекарств действительно взял я. После того, как мы с Каспером вошли в тот день к сэру Джону и обнаружили его в кресле мертвым.

— Зачем вы это сделали?

— Это был необдуманный поступок с моей стороны. На дне стаканчика я увидел остатки влаги, и мне вдруг пришла мысль, что неплохо бы сделать ее химический анализ. Только потом я понял, в какое положение себя поставил. Да еще с этим своим ненадежным алиби.

Он искоса взглянул на Пэро.

— Допустим, что все так и было, — довольно сухо отреагировал лейтенант. — И что же показал ваш анализ?

Доктор медленно сел в кресло, его голос прозвучал совсем тихо:

— Там был кофеин. В большой концентрации.

Нельзя сказать, что это известие меня поразило. Скорее, я ждал чего-то подобного. Но плохо, на мой взгляд, было другое: история явно запутывалась, а не распутывалась. Похоже, что и лейтенант придерживался того же мнения. Он повернул голову к Пэро, и я заметил плохо скрытую в его взгляде растерянность.

Пэро тотчас взял инициативу в свои руки.

— Вы, кажется, хотели еще что-то сказать о своем алиби? — обратился он к доктору.

— Да, хотел.

Мне послышались в его голосе новые интонации: усталые и покорные.

— Я расскажу про эти деньги. Хотя, мне неловко говорить о некоторых вещах при тебе, Бета. — Он слегка повернул голову к дочери. — Но таковы, как видишь, обстоятельства. И ты, в конце концов, уже совершеннолетний человек.

Он снова посмотрел на Пэро.

— Мисс Гивейрас была не просто моей знакомой по Буэнос-Айресу. У нас были близкие отношения. Поэтому она и приехала сюда в Англию. Дело шло к тому, чтобы оформить наши отношения браком. Во всяком случае, так это казалось мне поначалу. Но судьба сильнее человека. Я вдруг почувствовал, что не хочу ничего менять в своем образе жизни и эта женщина не так дорога мне на самом деле. — Доктор сделал паузу, а затем, глядя в пол, добавил:

— Она, в действительности, не так богата и эти деньги...

— Были откупными, — подсказал Пэро.

— В каком-то смысле, — качнул головой тот. — В день, когда произошло убийство, я приехал к ней, чтобы со всем покончить. Разговор был очень тяжелым, но все-таки она согласилась взять эти десять тысяч фунтов. Вернувшись домой, я еще ничего не знал об убийстве и не отвечал на телефонные

звонки Беты, потому что боялся, что это звонит другая. А мне совсем не хотелось возобновлять разговор. — Доктор поднял голову и посмотрел поочередно на лейтенанта, и снова на Пэро. — Потом, когда я понял, что могу попасть в разряд подозреваемых, что мое имя начнет склонять пресса... Это страшно для человека со специальностью «врач», и действительно могло стать концом всех моих планов, господа.

— И вы тем же вечером отвезли мисс Гивейрас деньги и попросили ее прикрыть вас?

— А что еще мне оставалось делать? Я ведь возвращался домой именно в половине третьего, когда случилось убийство.

Я украдкой взглянул на Пэро, стараясь угадать его оценку правдивости этого рассказа. Однако его новый вопрос показался мне очень странным.

— Вы, кажется, сказали, что мадемуазель Бета достигла совершеннолетнего возраста? — он чуть растерянно посмотрел на доктора, а потом на девушку. — Имеется в виду юридическое совершеннолетие, если я правильно понял? Вам что же, и вправду двадцать один год, мадемуазель?

Серьезность, с которой были заданы эти вопросы, удивила не только меня. Девушка немного лукаво улыбнулась в ответ:

— Сожалею, мсье, что разочаровала вас. Да, я вовсе не так молода. — В последние слова она добавила еще и жеманной грусти, а я только теперь заметил в ее руке какие-то свернутые вчетверо зеленоватые нотариальные листы. — Вы интересовались моим происхождением? Я предвидела такое.

Она протянула ему бумаги и, как ни странно, мой друг начал быстро и внимательно их просматривать. Затем, вернув документы, он несколько секунд сосредоточенно молчал, а когда снова начал говорить, мне почудилось, что что-то изменилось в его намерениях.

— Время движется, господа, — начал он таким тоном, как говорят гости, намереваясь по позднему времени покинуть очень приятную компанию. — Вот и мы приближаемся к концу нашего расследования. — Я посмотрел на каминные часы — они показывали без четверти девять. — Логика заставляет меня сделать окончательные выводы. Сэр Джон был убит. Но это убийство не мог совершить мистер Бакли, которого я назвал единственным из оставшихся подозреваемых. Не только такой образованный и умный человек как он, но и самый тупой деревенский житель не стал бы разрывать со своей любовницей, замышляя преступление, в котором она может сыграть роль щита. Не сомневаюсь, что если бы дьявольские силы и попутали мистера Бакли, он бы скорее дал клятвенное обещание жениться на своей подруге, но не отправил бы ее за океан, теряя таким образом контроль над ситуацией. — Пэро помедлил... — Тем не менее, сэр Джон убит с помощью кофеина. Это факт. И что все это вместе значит? — он обвел спокойным и внимательным взглядом присутствующих. — Это значит, что некто упущен мною из виду. И этот некто — сам сэр Джон Холборн!

Не могу сказать, какое впечатление его слова произвели на окружающих, потому что на несколько мгновений я сам оторопел от этого неожиданного заявления, безуспешно пытаюсь уяснить себе его смысл.

— Не могли бы вы пояснить, мсье? — после первых секунд замешательства, попросил Мэтью Уиттон. В его голосе послышалась та стыдливость, с которой непонятливый ученик переспрашивает строгого педагога.

— Именно это я и собираюсь сделать, — с легким поклоном в его сторону объявил Пэро. — Минуту внимания.

Он еще раз скользнул взглядом по лицам.

— Да, господа, как вы сейчас поймете, сэр Джон сыграл во всем, здесь происшедшем главную роль. Хотя случилось это и не по его воле. — Все слушали с напряженным вниманием. — Появление Стива Харди не могло вызвать у сэра Джона ни малейших радостных ощущений. Сын человека, убившего его родного отца, навеки запятнавшего их славный род, не мог разбудить в нем добрых чувств. Тем более не мог, что претендовал не только на состояние, но и на будущее династии Холборнов. Ведь именно он становился во главе ее новой старшей линии. Дни сэра Джона были сочтены. И он должен был с позором ждать их последних мгновений, чтобы оставить родовой замок и славное имя предков не собственному сыну, а сыну убийцы, выросшему по божьему наказанию на грязных улицах чужой страны и явившемуся сюда на готовое. По какому праву?! — Пэро вскинул голову, будто сам хотел спросить об этом у провидения. — Не буду осуждать сэра Джона за то, что его мучил этот вопрос, — тихо произнес он и, сделав два шага к столу, положил на мое плечо руку. — Мой друг капитан Дастингс недавно высказал одну блистательную идею. Анализируя, с логикой военного человека, ситуацию того дня, когда был убит Харди-Конерс, он заключил, что спланировать это убийство можно было только при условии, что жертва сама ожидала преступника. Здесь ключ, ключ к разгадке, господа! Да, Харди-Конерс прибыл сюда по чужому злодейскому замыслу, но неожиданно сделался жертвой. Сэр Джон — один из тех, кто мог попросить его о многом. В том числе, погулять с ним вместе в саду. Та прогулка стоила молодому человеку жизни. Прикажете снять с Каспера наручники, лейтенант, он оговорил себя, это сэр Джон убил Стива. А после, возвратясь к себе, он выпил большую дозу кофеина, смешав его предварительно с лекарством, чтобы по запаху не догадались о его самоубийстве. Да, сэр Джон воспользовался револьвером своего сына и спрятал

кофеин среди его вещей, но именно потому, что был уверен в стопроцентном алиби Джеральда! В том, что он отправился на вокзал в Саутпорт! Ведь именно об этом они договорились утром. Однако судьба как будто поставила себе цель препятствовать любому преступному замыслу, рожденному в этом замке. Вот только, увы, она отвернулась от жертв.

Я бы сравнил последние слова Пэро с медленно опускающимся занавесом в театре, когда зритель еще живет жизнью на сцене и не помнит, что у него есть другая.

Первым в себя пришел лейтенант.

— Вы что, действительно дали на себя ложные показания? — быстро проговорил он, обращаясь к Касперу.

Тот сначала откашлялся, а потом, не поднимая головы, хрипло произнес:

— Что было делать, сэр. Столько улик... суд, и вправду, засадил бы меня на всю оставшуюся жизнь. А так... так я пошел бы в тюрьму с пользой для невинных людей.

— Вам надо будет рассказать еще кое-что, Каспер, — раздался голос Пэро. — А впрочем, я попробую это сделать за вас. Поправьте меня, если понадобится.

Слуга не ответил, а сидевший рядом с ним здоровенный полицейский уже достал по знаку лейтенанта ключ и начал отпирать наручник.

— Теперь я знаю, что вы не виновны в той давней смерти лорда Чарльза, мой друг, и даже косвенным образом к ней не причастны. Для вас она стала страшной неожиданностью, и вы не верили, что это мог сделать кто-нибудь из близких, в том числе Майкл Холборн. Поэтому вы и оказали ему помощь, пряча его в течение шести месяцев от полиции. А мысль использовать кого-нибудь из ваших старых морских приятелей возникла сразу и именно для того, чтобы Майкла Холборна искали подальше от дома — отсюда явилась ложная информация про Рио-де-Жанейро. Конечно, Майкл вполне вам доверял, но было бы крайней наивностью с его стороны при таком положении дел раскрывать кому-либо свои намерения. Нет, в одну темную ночь Майкл Холборн просто поблагодарил вас и покинул этот дом. И вы эти двадцать два года не знали, где он и что с ним. Но неожиданно появился Стив Харди. С письмом от якобы умершего отца. Он имел с ним некоторое внешнее сходство, рассказывал об особенностях и привычках, которые вы хорошо помнили, но одно маленькое обстоятельство привело вас в замешательство. Его возраст. Только вы знали, что Майкл Холборн провел первые полгода здесь в замке, в каменном мешке, а значит, его сыну не мог сейчас исполняться двадцать один год, даже если бы Майкл женился на корабле. Конечно, существовала вероятность, что молодой человек по какой-то причине не знал точно собственных лет или намеренно прибавил себе возраст. Предполагать можно было всякое. Но вас охватили сомнения. Поэтому вы и стали наблюдать за Стивом Харди, и он это почувствовал. Чтобы найти выход из положения, вы решились на самостоятельное расследование. Поэтому снова понадобился Гарри Клайд. И вот, вернувшись совсем недавно из плавания, он привез вам информацию, которая только усилила ваши подозрения. Я полагаю, что Клайд как следует опросил бывших соседей Харди-Конерса и убедился, что Майкла Холборна никто из них толком не знал и даже не мог описать его внешность. Никто не знал и того, откуда в этом бедном квартале появился Стив, но знали, что он там объявился недавно. Вот тогда вы предположили, что в замке появилась подставная фигура! Не сомневаюсь, что вам очень хотелось рассказать обо всем сэру Джону или мистеру Уиттону, но тогда пришлось бы рассказывать и о том, что двадцать два года назад вы скрывали преступника. И не только от полиции, но и от них самих. И пока вы колебались, произошли известные всем события. Мне остается еще сказать, что Клайд умел брать деньги за свои услуги, иначе говоря, занимался вымогательством. Ведь вы и в первый раз не сумели с ним расплатиться сразу? Он это имел в виду в том разговоре, что слышал капитан Дастингс?

— Верно, сэр, это. — Каспер чуть приподнял голову и медленно, кривя губы, добавил: — Не могу вам не сообщить, сэр, Гарри был редкостный негодяй, и это качество только крепло с возрастом.

— Бывает, что не везет и негодяям, — бодро отреагировал Пэро. — Он, видимо, заблудился в темном каменном лабиринте, когда пришел к вам через день за деньгами? И упал в колодец.

— Заблудился, сэр, — с шумным выдохом согласился Каспер и сокрушенно покачал опущенной на грудь головой, — и упал.

Лейтенант тут же повернулся к Пэро и я, перехватив его взгляд, понял, что он ни на секунду не верит в сказанное. Однако в ответ мой знаменитый друг только беспомощно развел руками, что следовало понимать так: «а ведь ничего другого доказать и не удастся».

После этого наступила тишина. Ее прервал Кагерли.

— Выходит, — неуверенно начал он, — мне некого здесь арестовывать. Сэр Джон убил Харди-Конерса и сам наложил на себя руки, а Майкл Холборн скрывается неизвестно где, и только погибший юноша мог указать, где именно следует его искать.

— Боюсь, что этот несчастный не смог бы нам в этом помочь, — негромко возразил Пэро. — Майкл Холборн не допустил бы ошибку в возрасте, понимая, что Каспер способен все разоблачить, значит, не он посылал сюда Харди-Конерса.

— Но кто же тогда это сделал?! — растерянность в голосе Мэтью Уиттона граничила с отчаянием.
— И как у этого юноши оказалось письмо от Майкла?

— Вот это и интересно, — спокойно ответил Пэро, и я бы счел такие слова издевательством, если бы не умел отличать его интонаций.

— Позвольте сделать и мне заявление, — неожиданно вмешался Джеральд Холборн. — Прошу вас, лейтенант, зафиксировать его в ваших протоколах. — Он встал и заложил руки за спину. — Я считаю, что по своим нравственным убеждениям мой отец, Джон Холборн, мог убить человека в единственной ситуации, если бы тот сам покушался на его жизнь. И второе, отец никогда не держал в руках револьвер.

Джеральд снова опустился в кресло, а лейтенант беспокойно потер рукой лоб, озадаченно что-то обдумывая.

— Мсье, — он повернулся к Пэро все с тем же беспокойным выражением в лице, — а выстрел, хочу вам напомнить, был сделан с десяти шагов. Не слишком ли рискованно для новичка? Тем более, что ему ничего не мешало подойти вплотную?

Мне показалось, что эти слова застали моего друга врасплох, и я вдруг почувствовал, как вся его версия с участием сэра Джона начинает сыпаться подобно карточному домику. Ведь Пэро упустил еще одно важное обстоятельство: убийство произошло в половине третьего, когда и мы, и Мэтью Уиттон уже должны были приехать с вокзала. А это обязательно помешало бы задуманному. Откуда сэр Джон мог знать, что мы задержимся из-за поломки? Проще говоря, почему нельзя было сделать все на час раньше?

И не успел я додумать эту мысль до конца, как лейтенант Кагерли, принялся излагать ее вслух.

На лице Пэро появилась мрачная складка. Едва дослушав лейтенанта, он поднял вверх руку. Выглядело так, что он не только просит слова, но и просит прощения у публики.

— Да, господа, — со вздохом, произнес он, — увы, я вижу, что совершил ошибку. И очень благодарен вам за ваше честное заявление, мистер Холборн. — Он поклонился Джеральду. — Благодарен не только за то, что вы вывели нас из заблуждения, но и потому, что окончательно развеяли мои сомнения в своей собственной виновности. Это было крайне важно.

Пэро извинительно улыбнулся и развел руками:

— Что делать, господа, мои серые клеточки уже не те, что раньше. Они дали сбой. Однако я рассчитываю на общее снисхождение, ведь это одно из самых сложных расследований, которые мне приходилось вести.

Не зная, что еще к сказанному добавить, он снова с сожалением и несколько неуклюже развел руками.

При всем при том, что дело у моего друга не клеилось, я не был готов к подобному поражению. И видимо, лейтенант Кагерли — тоже. Я, впрочем, тут же подумал, что хуже всего сейчас не нам, а самому Пэро, и повернулся, чтобы приободрить беднягу хотя бы взглядом.

О, боже! На меня смотрели его веселые и уверенные глаза!

Он тут же снова опустил голову и тихо и грустно проговорил:

— С таким преступником мне раньше не приходилось сталкиваться. Необычайно умным и терпеливым. Он растянул свое преступление на два десятилетия. И не оставил ни свидетелей, ни улики. Он все сделал сам: сначала убил лорда Чарльза, потом тонко инсценировал появление Харди-Конерса, его руками убил сэра Джона, а затем, собственными руками, убил самого Харди-Конерса. — Неожиданно в голосе Пэро появились стальные нотки. — Я, кажется, сказал, что он не оставил никаких улик? Конечно же, я оговорился, так не бывает. Почти никаких, а точнее — всего одну!

Легкий шум пронесся по комнате.

— Так вы знаете эту улику? — недоверчиво спросил лейтенант.

— Знаю.

Взгляд Пэро пробежал по лицам и задержался на Бете Бакли.

— И можете назвать человека, который все это совершил? — Уиттон даже встал из кресла и положил бинтованную руку на край камина.

Пэро повернул к нему голову и быстро проговорил:

— Да. Это вы, мсье.

Мне показалось, что я ослышался, и, судя по всему, Уиттон тоже так подумал. Пытаясь удостовериться, он недоуменно посмотрел на Пэро и вопросительно ткнул себя пальцем в грудь.

— Да-да, мсье, это именно вы!

И тут же, шумно отодвинув стул, со своего места поднялся Кагерли.

— Прошу прощения, но у мистера Уиттона неопровержимое алиби, а вы его обвиняете в трех убийствах. Я очень уважаю вас, мсье, но по английским законам я вынужден вмешаться для защиты, ведь это уже не гипотеза, безосновательное обвинение в тяжчайших деяниях!

Тон лейтенанта не оставлял сомнений, что он не верит моему другу ни на йоту, и, несомненно, хотел бы приостановить его участие в дальнейшем разбирательстве.

— Зачем так, лейтенант, — морщась от общего чувства неловкости, вмешался Уиттон. — Прошу вас, дайте, пожалуйста, договорить нашему гостю. А на его формулировки я не в обиде.

— Тогда предлагаю вам, мсье, говорить очень конкретно, — немного подумав, сухо произнес лейтенант. — И будьте любезны сразу начать с первого убийства. С гибели лорда Чарльза.

Он снова сел на стул, а я успел заметить направленные на Пэро с разных сторон сожаляющие взгляды.

— Как вам будет угодно, — спокойно ответил тот, нисколько не смутившись подобной реакцией. — Итак, я начинаю со смерти лорда Чарльза. Обстоятельства его смерти я повторять не стану, вы их отлично помните. Скажу сразу о главном: он не был задушен в библиотеке. — Пэро сделал крошечную паузу. — Это произошло в его спальне. И намного раньше пяти часов. Вы помните, что в четыре часа, сэр Джон уже направился из замка отдохнуть на площадку, а маленький Джеральд к лодке, чтобы отплыть через несколько минут с дядей в море. Именно в это время мистер Уиттон перенес уже задушенного им лорда Чарльза в библиотеку и усадил труп в кресло. При его недюжинной силе на это требовалось не больше минуты. Маленький мальчик едва успел дойти до лодки, как и его дядя уже появился на берегу. Что было потом, вы знаете, алиби мистера Уиттона не вызывало сомнений. — Пэро выговаривал слова размеренно и четко, как будто читал лекцию в колледже. — Но это убийство было только частью преступного плана. Вы сказали, лейтенант, что я обвиняю Уиттона в убийстве трех человек? Вы преуменьшили цифру. Для того чтобы достичь цели — стать единоличным владельцем замка и состояния Холборнов — ему нужно было избавиться и от обоих сводных братьев, и от племянника. С Майклом все было просто — он становился главным обвиняемым. Обладая проницательным умом, преступник понимал, что Майкл либо сядет в тюрьму, либо вынужден будет скрыться. И тот, и другой вариант его вполне устраивал. Оставался другой брат — Джон. И маленький Джеральд. Для них и был приготовлен сюрприз во время осенней рыбалки. Вторая половина осеннего дня, когда ни в море, ни на берегу нет ни души, и расстояние до суши, которое в такой холодной воде сможет преодолеть лишь очень сильный человек. План рухнул, их спас рыбак. Понадобились долгие годы, чтобы создать новый, не побоюсь этого слова, гениальный план. Нужно было подобрать молодого авантюриста, послать его на год в Южную Америку, чтобы тот выучил язык, освоил местный быт, а главное, чтобы он приютил какого-нибудь бездомного старика и жил с ним некоторое время. Потом этот молодой человек дал тому старику приличную сумму и посадил на поезд, следовавший куда-нибудь на другой край южноамериканского континента, а сам заявился сюда, к своему хозяину — Мэтью Уиттону, который год назад отправил его за океан. Разумеется, Стив много мог рассказать о своем мнимом отце, поскольку хозяин снабдил его всей нужной для этого информацией. Снабдил он его еще и письмом от Майкла Холборна. Тем самым, которое содержало в себе обращение без имени. Оно просто начиналось словами: «Дорогой брат». — Пэро впервые повернул голову к стоявшему у камина Уиттону. — Когда я рассматривал письмо, мне показались подозрительными его слишком острые сгибы. Они обычно возникают при очень длительном хранении. Письмо действительно было написано Майклом Холборном, только не год назад, якобы перед его смертью, а двадцать два года назад. И адресовано было не Джону, а вам. Вы же решили тогда о нем никому не рассказывать и приберечь до лучших времен.

После этого короткого обращения к Уиттону Пэро снова повернулся к остальным и продолжил свою речь:

— День моего приезда преступник счел идеальным для своих замыслов. Он получал новое стопроцентное алиби. Сымитировать вставший двигатель ведь очень просто. Тем более, что никто из нас не стал бы это по-настоящему проверять. Потом мистер Уиттон отправился в соседний паб. Он всего в ста ярдах от берега, где привязаны сотни лодок. В четверть третьего преступник незаметно покинул паб и оказался на берегу, там, среди прочих лодок, заранее была поставлена легкая лодка с быстрым моторчиком. Да, господа, мотор слышен за четыреста ярдов, поэтому ярдов за шестьсот до замка преступник выключил мотор и, невидимый с высокого берега, прошел это расстояние на веслах. Он не пользовался никакими потайными ходами, а просто высадился с рыбацкой стороны и через полминуты оказался в парке, где должен был в это время прогуливаться Стив Харди, одетый в подаренный Джеральдом костюм. Это соответствовало их общему плану. Но только молодой человек не знал его окончания. Он полагал, что его функция состоит в том, чтобы запутать следствие, изображая в парке Джеральда, в то время как тот будет убит в совершенно другом месте. Не сомневаюсь, что мистер Уиттон сумел нарисовать перед ним вполне убедительный ложный план. Поэтому молодой человек не удивился, увидев появившегося хозяина, и позволил отвлечь себя, повернувшись к нему затылком. Сразу после выстрела преступник подобрал свою гильзу, бросил в траву другую, от нагана Джеральда, и повторил свой путь обратно: сначала на веслах, а потом — включив быстрый мотор. Я подсчитал, на веслах нужно было пройти в общей сложности одну милю и двести-триста ярдов. Хорошие спортсмены в состоянии уложиться на такой дистанции в пять минут. Дальше, с помощью мотора — еще по две минуты в каждую сторону. Все вместе — девять. На то, чтобы преодолеть расстояние от берега до паба в одну сторону, требуется не более минуты. Итого: плюс две. И на само убийство требовалось минуты полторы. Значит в целом — не более тринадцати

минут, чтобы вернуться на прежнее место и заказать новую порцию пива. Официант, обслуживавший Мэтью Уиттона, так и сообщил: если тот и отсутствовал, то не более десяти-двенадцати минут. Это вполне понятно, время у людей данной профессии немного сжимается, они меньше его замечают. Однако чтобы добиться такого эффекта, преступнику пришлось не только хорошо поработать головой, но и руками. Он не жалел сил и так налегал на весла, что сорвал кожу на правой ладони.

Пэро резко повернулся к Уиттону:

— Снимите бинт!

Все взгляды устремились в ту сторону, и даже сидевший рядом Кагерли затаил дыхание.

Некоторое время Мэтью Уиттон стоял, неподвижно опершись на камин.

Что-то произошло с его лицом. Оно передавало спокойную уверенность, которая совершенно не шла к теперешним обстоятельствам. Он смотрел на Пэро, но мне показалось, что его взгляд проходит дальше, и дальше стен этой комнаты и замка.

Затем новое выражение возникло в глубине его глаз. Как будто другой неизвестный нам человек с любопытством посмотрел вдруг сначала на Пэро, а потом на всех остальных.

Он поднял перевязанную руку ладонью к зрителям, освободил край повязки и начал, кругообразно взмахивая рукой, стряхивать бинт.

Все, как замороженные, смотрели на спадающие кольцами полосы материи.

Вот, их свободный конец уже приблизился к полу.

Мэтью Уиттон сделал последний взмах рукой и ... во всю его ладонь багровым пятном показалась едва зажившая рана!

Звук, похожий на шелест листьев от ветра, пробежал по комнате.

Я не успел еще вполне оценить случившееся, как услышал над собой голос лейтенанта Кагерли:

— Мэтью Уиттон! Именем закона, объявляю вам, вы арестованы!

Рука Уиттона легла на камин, и мне подумалось, что он хочет на него опереться, но произошло вдруг нечто неожиданное и совсем иное. Камин бесшумно сдвинулся в сторону, обнажив за собой черную пустоту потайного хода.

Не мысли, а обретенная в военные годы реакция заставила меня стремительно действовать. В одно мгновение я оказался на ногах с браунингом в руке. И Кагерли, одновременно со мной, выхватил свое оружие!

На лице Уиттона появилась ироническая улыбка:

— Вы ничего не успеете сделать, — произнес он, едва разжимая губы. И оба мы почувствовали, что это правда.

Наше положение оказалось до крайности нелепым. Стрелять в безоружного человека, прежде чем он попытается скрыться, было нельзя, и вместе с тем он мог в любой момент сделать шаг и исчезнуть.

Уиттон спокойно смотрел на два направленных на него ствола. Несколько секунд в полной тишине длилась эта томительная пауза. Я с испугом начал ощущать возникающую дрожь в напряженной руке, нужно было срочно что-то делать.

— Предлагаю вам выход из положения, — внезапно проговорил Уиттон. — Пусть капитан Дастингс один останется в этой комнате, и я даю слово, что не предприму попыток к бегству.

Меня поразили его слова.

Скосив глаза на лейтенанта, я сразу понял, что он собирается послать такое предложение подальше, и уже приоткрыл для этого рот, однако Пэро его опередил.

— Давайте так и сделаем, лейтенант, — решительно заявил он, — на моего друга можно положиться. Ему ведь приходилось бывать и в более серьезных переделках.

И не оставляя другим времени на раздумье, Пэро быстро направился к двери, увлекая всех за собой.

Конечно, во время войны мне действительно пришлось не раз переживать страшные минуты, когда жизнь повисала на волоске и только случай приносил спасение, но я готов был поклясться, что никогда еще не находился в столь странной и непонятной для себя ситуации.

Лейтенант Кагерли последним покинул комнату и, закрывая за собой дверь, попытался взглядом меня приободрить, но вышло только хуже — на его лице изобразилась растерянная гримаса. Однако, как только закрылась дверь, все мое внимание перешло на Уиттона. Он был близко, на расстоянии примерно шести шагов.

Кажется, он даже не пошевелился за время, пока люди покидали комнату. И странное дело, я поймал себя на том, что не испытываю ненависти к этому человеку. А правильнее было бы сказать — злодею, отправившего на тот свет троих, не считая его неудавшихся планов и исковерканной судьбы Майкла Холборна. Я попробовал пробудить в себе это чувство неприязни, но столкнулся со спокойными человеческими глазами.

— Я понимаю, капитан, вас удивило мое предложение остаться наедине. И вы желали бы знать — чего я хочу? — Он демонстративно заложил руки за спину и посмотрел на направленный на него пистолет. — Хочу, прежде всего, сказать, что не сделаю попытки напасть на вас. И еще скажу сразу, что ваш гениальный приятель абсолютно точно здесь все описал.

Внутри меня опять возникло протестующее чувство от невозможности соединить бесчеловечное с человеком, и, видимо, почувствовав это, Уиттон утвердительно кивнул головой:

— Да, капитан, в человеке сходятся крайности. И не удивляйтесь, если я скажу, что по-своему даже любил этих людей.

— Тогда почему вы это делали?! — почти закричал я, отказываясь понимать такие слова.

— У каждого человека своя судьба, мистер Дастингс, — тихо, но уверенно ответил он. — Во мне смешалась кровь Ланкастеров и Йорков. И так же безуспешно как они, я боролся всю жизнь сам с собой. — В его ясных глазах появился странный далекий свет. — У нас с Ричардом III общие предки и общая кровь. Трудно ее преодолеть. Вы удивлены? Тем не менее, это так. Моя мать в молодости навсегда покинула родовое поместье Йорков на юге Англии. Знаю только, что она до конца дней считала себя оскорбленной своим семейством. — Его голова гордо приподнялась, а голос стал громче. — Жизнь трагична по своей сути, капитан, и это всегда было моим главным ее ощущением. И смерть играет в ней законную роль, она участвует в борьбе каждого человека за свое единственное место. Так было всегда, и прошедшее с нами. Вы настоящий англичанин, капитан. И когда-то ваши предки простыми латниками воевали по разные стороны, за алую и за белую розу. И гибли, оставляя богу судить их правоту. Так неужели же вы позволите судить меня бульварным газетенкам и обывателям в уличных кафе и пабах, отдадите на развлечение толпе? — Он сделал ко мне три шага и протянул руку. — Дайте мне ваш пистолет, и совесть никогда не осудит вас за это!

Я и сейчас, как и тогда, смутно помню все затем происшедшее. Какой-то туман парализовал мое сознание, пропало чувство времени и странные невиданные прежде люди замелькали в воображении. Их было очень много, и каждый стремился сказать мне те же сказанные Уиттоном слова. Потом время стало возвращаться, и люди в комнате задвигались и громко заговорили. Гражданские и в полицейской форме. А рядом оказался Пэро, который внимательно смотрел на меня и спрашивал:

— С вами все в порядке, мой друг?

Окончательно приходя в себя, я понял, что он спрашивает это уже в третий раз.

— Со мной? Да-да, не беспокойтесь...

Теперь я увидел Уиттона. Мертвого, на полу, в трех шагах от меня. С небольшой продолговатой лужицей крови у виска. Очень темной.

— Какое счастье, что он не выстрелил в вас, капитан! — Кагерли взволнованно потряс меня за плечи. — Случилось именно то, чего я больше всего боялся, он вырвал у вас оружие. — Вошел полицейский с носилками, и лейтенант, отпустив мои плечи, дал знак укладывать тело. — Он был дьявольски силен, этот страшный человек! — сказал он, поворачиваясь снова к нам, но вдруг беспокойно и будто пытаясь что-то понять, сморщил лоб. Простояв так несколько секунд, он медленно с недоумением произнес: — Однако позвольте, но я ведь знал его более двадцати лет...

Оставаться дольше в комнате уже не было причин. Мы вышли в холл и, словно провожая нас, каминные часы пробили девять.

— Ваш пистолет, капитан, — Кагерли протянул мне мой браунинг и, кажется, хотел что-то сказать, но подошедший полицейский отвлек его:

— Тут появился какой-то господин, сэр. Утверждает, что вы пригласили его к девяти часам.

— Я никого не приглашал.

— Простите, лейтенант, я пригласил этого человека, — вмешался Пэро, — пускай он войдет.

Полицейский направился к двери, а я заметил, что вокруг нас собрались и все остальные: Джеральд, Каспер, доктор и Бета. Судя по лицам, они едва пришли в себя.

Тем не менее, пользуясь паузой, Джеральд подошел и протянул Пэро руку:

— Позвольте поблагодарить вас, мсье, вы так много для меня сделали, вы спасли меня от тюрьмы.

— И примите, пожалуйста, нашу благодарность, — Бета улыбнулась и развела руками, показывая на отца и Каспера. — Мы все теперь можем продолжать жить как честные люди. Я раньше и не подозревала, что это так приятно.

Пэро галантно в ответ поклонился:

— Да, господа, история подошла к концу. Осталось только представить вам еще одно ее действующее лицо. Сэр Майкл Холборн!

Он повернулся в сторону входной двери, и все увидели стоявшего там вместе с полицейским пожилого человека. Среднего роста, аккуратно, но очень скромно одетого.

— Прошу вас, сэр Майкл! — пригласил Пэро. — Ведь вы у себя дома.

* * *

История действительно подошла к концу, хотя, написав эти слова, я невольно вздрогнул. В воображении мелькнуло лицо Уиттона и мне показалось, я услышал его уверенный голос: «История никуда не уходит, прошлое — с нами».

Пусть так, но, как бы то ни было, подходит к концу моя история.

Майкл Холборн не скитался в Южной Америке. Он вообще все эти двадцать два года не покидал Англию и под чужим именем дослужился до старшего клерка одной из небольших транспортных контор

в Девоншире. Теперь, когда он снова заседает в парламенте, эта контора превратилась едва ли не в самую популярную в Англии. Однако ее управляющий утверждает, что своим процветанием она обязана прежде всего тем годам, когда сэр Майкл усидчиво и энергично работал там старшим клерком, и он вполне серьезно намеревается выплачивать лорду пенсию, когда тому стукнет шестьдесят пять лет.

Мы вынуждены были отправиться в Лондон на следующее же утро после тех знаменитых событий. Такой срочный отъезд был вызван неожиданной телеграммой с просьбой к моему другу заняться расследованием нового дела, о котором я когда-нибудь еще расскажу.

Утром на наши проводы к дому Роббинсов явились буквально все, и даже лейтенант Кагерли специально приехал сюда из города.

Нам предстояло отправиться в Лондон не на поезде, а на автомобиле. Том самом шикарном автомобиле Холборнов, который теперь в качестве подарка стал собственностью моего друга. Конечно, Пэро сначала пытался отказываться, но, должен сказать, сэр Майкл Холборн оказался не из тех людей, с которыми долго спорят. К тому же он заявил, что автомобиль совершенно необходим известному детективу для его деятельности на столь важном для всех честных англичан общественном поприще, и он этим самым заботится о гражданском спокойствии. Такая мысль окончательно сломила сопротивление моего друга.

Однако это был не последний подарок в то памятное утро.

Мы уже пожимали провожавшим руки, готовясь садиться в машину, когда старина Роббинс подошел к нам с большущей плетеной корзиной в руках. Плоской, прикрытой сверху травой и папоротником.

— Что это? — удивленно осведомился Пэро.

— Ваша любимая камбала, мсье, — протягивая корзину и улыбаясь во все свое доброе лицо, ответил тот. — Я выловил ее сегодня утром. Вы довезете ее свежей до самого Лондона, она живучая и еще дышит.

— М-мм, какая прелесть! Дастингс, возьмите корзину. Вы говорите, она еще дышит? Это замечательно! — он крепко пожал руку старому рыбаку и, повернувшись, шепнул мне на ухо: — По дороге мы выпустим ее обратно в море.

Вскоре мы уже мчались по хорошо знакомому шоссе в Саутпорт. Надо было пересечь город, чтобы попасть на юго-восточное лондонское направление. Мы уже выехали на южные окраины Саутпорта, когда Пэро вдруг указал мне в сторону фабричных ворот, где находилась стайка молоденьких девушек, и попросил остановиться. Я притормозил и тут же узнал в одной из девушек ту самую служанку из Престона — Еву Смит. Девушка тоже увидела нас и подбежала к машине.

— Теперь я работаю здесь, на фабрике, — поздоровавшись, весело сообщила она. — А вам удалось расследовать это преступление, мсье?

— Конечно, и помните, я обещал вам сообщить о результатах, прежде чем об этом напишут газеты? Так вот, Джеральд Холборн ни в чем не виновен. Он на свободе и скоро опять будет изобретать для вас красивые наряды.

— Какая хорошая новость, мсье! Я могу сказать об этом моим подругам?

— Сделайте это немедленно.

КОНЕЦ